

Юрий Жук

Екатеринбург:
Призрак
Ипатьевского дома

ИД «Достоинство»

Москва 2010

Царское дело

ЕКАТЕРИНБУРГ: ПРИЗРАК ИПАТЬЕВСКОГО ДОМА

Юрий Жук

ИД «Достоинство»

Москва

2010

УДК 93/99
ББК 63.3-8
Ж 85

Доктор юридических наук Юрий Жук

Издано в авторской редакции

Ж 85 Жук Ю. Екатеринбург: Призрак Ипатьевского дома. —
М.: Достоинство, 2010. — 112 с. — ISBN 978-5-904552-06-0.

Эта книга из серии «Царское дело», посвящённой расследованию убийства в 1918 году 18 Членов Дома Романовых. В данной книге рассказывается о первых следователях, расследовавших убийство Венценосной Семьи, о «каббалистических знаках» и «отрубленных царских головах» — мифах, сотворённых сторонниками «всемирного заговора Сиона».

УДК 93/99
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-904552-06-0

© ООО «Издательский дом «Достоинство», 2010

Содержание

О книге «Дом Особого Назначения»	4
Три следователя	6
Мифы и легенды «Царского дела»	41
Претерпевшие до конца	60
«Последний дворец последнего царя»	92

О книге «Дом Особого Назначения»

От автора

На протяжении 15 лет я собирал материалы, связанные с трагической гибелью Царской Семьи и других членов Дома Романовых в 1918–19 годах (часть из них уже была опубликована в виде книг «Исповедь цареубийц» и «Гибель Романовых. По следам неразгаданных тайн»). За эти годы мне довелось познакомиться с сотнями документов и пр. источниками, хранящимися в различных архивах, музеях...

Данное издание отражает лишь малую часть огромной работы, воплотившейся в книгу.

В её основу положена история печально известного дома инженера Н.Н. Ипатьева, где окончила свой земной путь Царская Семья и Её верные слуги. Однако означенный труд не ограничивается описанием истории только лишь одного этого дома.

В самом начала этого издания рассказывается об истории Вознесенской горки в Екатеринбурге, на которой впоследствии и был построен этот дом. Рассказывается в ней и о предыдущих владельцах этого дома — Статском Советнике И.И. Редикорцеве и золотопромышленнике-мошеннике И.Г. Шаравьёве.

Небезынтересной, на взгляд автора, частью книги является описание основных политических событий, происходивших в Екатеринбурге, начиная с Февральской смуты 1917 года, равно как и событий, последовавших за ними в ходе большевистского Октябрьского переворота. А это, в свою очередь, позволило вывести в отдельную главу развёрнутые биографии вождей Красного Урала — А.Г. Белобородова, Ф.И. Голощёкина, Б.В. Дидковского, П.Л. Войкова и пр., настоявших на переводе Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург.

Главное же место в этой работе, безусловно, отведено содержанию Царской Семьи в Доме Особого Назначения, или же в ДОН (как сокращённо называли большевики дом Ипатьева), начиная с момента

заселения в него Венценосной Семьи (17/30 апреля 1918 г.) и вплоть до Её трагической кончины, последовавшей 4/17 июля 1918 года.

В посвящённых этим событиям главам значительно подробнее и с большей документальной точностью (нежели даже в широко известных трудах Н.А. Соколова и М. К. Дитерихса) приведены и описаны все происходящие в ДОН в то время события, а также систематизированы многие, ранее неизвестные факты.

В книге описываются следственные действия, проводимые на территории усадьбы Н.Н. Ипатьева в рамках Предварительного Следствия представителями Екатеринбургского Окружного Суда А.П. Намёткиным и И.А. Сергеевым, а после их отставки — Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым.

Заключительные главы этой работы расскажут всю дальнейшую историю дома Ипатьева, охватывающую временной период с 15 июля 1919 и до сентября 1977 года, то есть до последнего дня его существования.

Помимо этого, книга имеет 5 приложений, которые также снабжены примечаниями, в число которых входят:

— Приложение 1. Хроника Екатеринбургского периода жизни Царской Семьи в документах, документальных материалах, дневниках и переписке (27/14.04. — 26/13.09.1918 г.)

— Приложение 2. Переписка: Уральский Облсовет, Уральская Обл. ЧК — Царская семья.

— Приложение 3. Документы, связанные с несением караульной службы в ДОН.

— Приложение 4. Документы без дат.

— Приложение 5. Автобиографии лиц, задействованных в охране ДОН.

— Приложение 6. Дом Ипатьева в воспоминаниях.

Работа гигантская — более 1000 страниц текста, плюс сотни фотографий... Издательский дом «Достоинство» планирует издать эту книгу небольшим тиражом в конце 2010 года. А пока совместно с издательством мы решили предложить читателям несколько фрагментов из этой книги. Надеюсь, если они заинтересуют вас, то вы впоследствии пожелаете ознакомиться и с самой книгой «Дом Особого Назначения».

Три следователя

25 июля 1918 года, под ударами войск белочехов пала столица «Красного Урала» Екатеринбург. По свидетельству Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса, радости местного населения не было предела:

«Город встретил вступление наших войск, как Светлый праздник: флаги, музыка, цветы, толпы ликующего народа, приветствия, церковный звон, и смех, и радостные слёзы — всё создавало картину ликующего начала весны в новой жизни и настроение великого праздника Воскресенья Христова.

А в природе было лето, и город едва очнулся от давившей его последние дни какой-то ужасной, мрачной обстановки смерти, похорон, погребального стога, как бы нависшего чёрной тучей над всем городом и его окрестностями. Так бывает в зачумлённых городах: не видно этих несчастных чумных, не слышно их, не известно даже, что где и происходит, но чувствуется, что что-то совершается ужасное, что что-то совершилось уже; чувствуется веяние смерти вокруг. И страшно, и мрачно, и жутко на душе...».

Штурмующим Екатеринбург частям русских и чехословаков было, конечно же, известно, что в нём находится под арестом бывший Государь со Своей Семьёй. Но, захватив город, они увидели расклеенные на улицах объявления о расстреле бывшего Царя, а дом, в котором Он содержался, оказался пуст. Любопытных, пришедших поглазеть на этот дом, оказалось превеликое множество. Причём как военных чинов, так и всевозможных гражданских лиц.

«Утро 25 июля, — писал далее М.К. Дитерихс, — дало новое направление работе части офицерства в Екатеринбурге: выяснить, во что бы то ни стало, что случилось с Царской Семьёй.

Сильное волнение распространилось среди офицерства, вступившего в город, когда стало известным, в каком состоянии находится

дом Ипатьева, где содержалась Царская Семья. Всё, что только было свободным от службы и боевых нарядов, всё потянулось к дому. Каждому хотелось повидать это последнее пристанище Августейшей Семьи; каждому хотелось принять самое деятельное участие в выяснении мучившего всех вопроса: где же Они? (...)

Кроме офицерства, в доме Ипатьева, в значительно большем количестве, набралось много разного народа. Тут были и дамы, и буржуа города, и мальчишки с улицы, и торговки с базара, и просто праздношатающийся обыватель. Кого привели серьёзные цели, серьёзный интерес, кто пришёл просто из любопытства или по привычке ходить туда, где собралась толпа, а кто пришёл и с определённой мыслью: нельзя ли чем поживиться, стащить и продать. И пока офицерство и положительный посетитель обходили дом, осматривали комнаты, строили предположения, делились впечатлениями и разными слухами — люди, пришедшие в дом «так себе», и люди, забравшиеся с определённым намерением поживиться набрали и унесли много всякого брошенного имущества и многое потом находилось на базаре и барахолках.

Много было унесено некоторыми и на память.

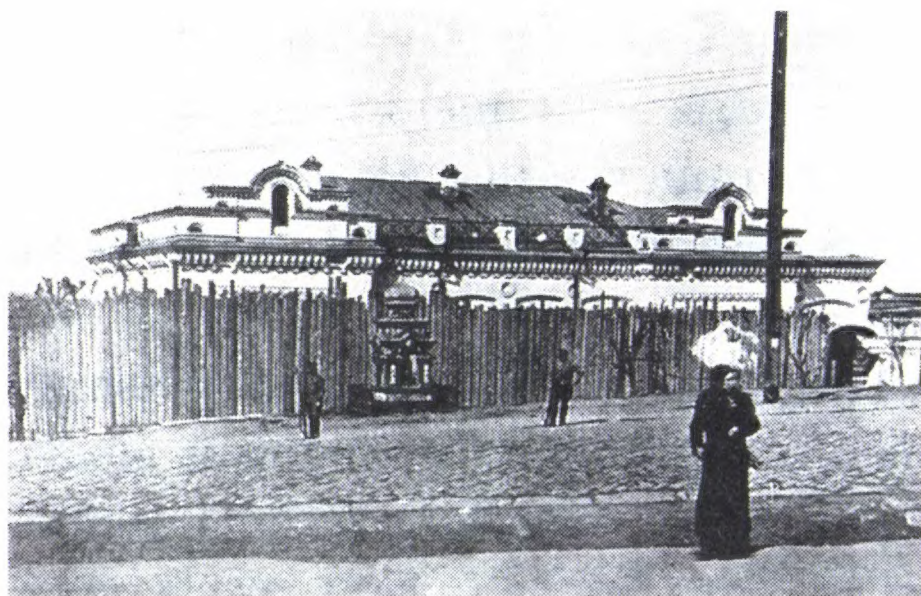
Во второй половине дня Начальник гарнизона прислал воинский наряд. Всех удалили из дома; дом и ворота заперли и поставили для охраны караул. Было приказано никого не пускать без особого разрешения военных властей».

Судебный Следователь по важнейшим делам

Алексей Павлович Намёткин

Военные власти города решили организовать розыск. Начальник Екатеринбургского Гарнизона Генерал-Майор В.В. Голицын назначил особую комиссию под председательством Полковника Шереховского, включившую в себя несколько офицеров, ранее состоявших слушателями Императорской Николаевской Военной Академии. Вспоминая об их деятельности, М.К. Дитерихс писал: «Офицерство комиссии взялось за дело горячо, рьяно, но как дилетанты...» И действительно, в их действиях не было ни плана, ни концепции поиска.

А тем временем в городе стали распространяться самые разнообразные версии и слухи о том, что сделали большевики с Царской Семьёй: кто говорил, что бывшего Царя закопали в саду; кто утверждал, что Его расстреляли где-то за Екатеринбургом; кто говорил, что тело ночью, с привязанными к голове и ногам камнями, бросили в городской пруд... И офицеры день за днём обшаривали баграми

30 апреля 1918 г. в дом инженера Н.Н. Ипатьева, за сутки огороженный забором, привезли бывшего Государя Императора Николая II, Его Семью и верных слуг, где Они провели в заточении 78 дней...

обширный по размерам Верх-Исетский пруд, а также перекопали чуть ли не каждый метр приусадебного участка дома Ипатьева. Было разрыто и несколько могил на городском кладбище, куда особый подрядчик свозил трупы, сдававшиеся ему советскими палачами после расстрелов. Но тела Государя нигде не нашли.

Тогда, по воспоминаниям всё того же М.К. Дитерихса, заново приступили к осмотру Ипатьевского дома. Для участия в нём и для опознания вещей, принадлежавших Царской Семье, пригласили бывшего Лейб-Медика В.Н. Деревенко и Камердинера Т.И. Чемадунова; в качестве эксперта-историка в осмотре принял участие профессор Академии Генерал-Лейтенант А.И. Медведев, а для соблюдения законности и всех необходимых юридических норм было решено привлечь к работе этой комиссии Судебного Следователя по важнейшим делам при Екатеринбургском Окружном Суде А.П. Намёткина.

(Деталь: как охранялся дом Ипатьева до его первичного осмотра А.П. Намёткиным, мы находим в воспоминаниях Г. Соколова — он с первого дня заступил в караул по охране дома. Причём с его слов следует, что караул этот был выставлен не во второй половине дня 25 июля, как пишет М.К. Дитерихс, а лишь после полудня на следующий день. То есть после взятия города дом более суток простоял никем не охраняемый!)

А далее события разворачивались следующим образом.

Утром 27 июля к Военному Коменданту 8-го Района Екатеринбурга Капитану В.А. Гиршу явился Поручик А.А. Шереметевский, который рассказал следующее.

Скрываясь от большевиков в деревне Коптяки, он узнал от местных крестьян о каких-то подозрительных действиях «комиссаров» в районе заброшенного рудника, расположенного в Урочище Четыре Брата, находящемся в близлежащем к городу лесу. Причём действия

эти производились непосредственно перед самым уходом красных из города. И как бы в подтверждение своих слов он представил и передал Капитану В.А. Гиршу множество самых разнообразных предметов, которые были обнаружены местными крестьянами в кострищах около заброшенных шахт.

Большинство таковых относились к предметам галантерейного ассортимента: пуговицы, пряжки, корсетные и иные застёжки, всевозможные металлические крючки, петли, кнопки и т. п. Но была среди них и прелюбопытная находка: слегка обгорелая брошь в виде так называемого Кульмского креста с изумрудами. Эти предметы наводили на мысль о том, что тайная деятельность большевиков в районе означенного урочища, вероятнее всего, была связана со смертью Государя и исчезновением Его Семьи.

После соответствующего доклада по инстанции Начальник Гарнизона г. Екатеринбурга Генерал-Майор В.В. Голицын распорядился начать расследование на заброшенном руднике, также при участии судебных властей.

Однако вся беда заключалась в том, что Екатеринбургский Окружной Суд давно не существовал, а разогнанные революциями бывшие судейские чиновники либо давно покинули город, либо уже много месяцев, как сидели по домам, боясь лишний раз напомнить о себе.

Но одного из них — бывшего Судебного Следователя по важнейшим делам при Екатеринбургском Окружном Суде Алексея Павловича Намёткина — всё же удалось разыскать. Его пригласили в Штаб Екатеринбургского гарнизона и предложили принять участие в расследовании, по существу, уже начатого военными властями.

Намёткин отказался, сославшись на то, что для расследования ему требуется официальная санкция Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда.

Но где же такового было найти? Правда, по слухам, Товарищ Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда А.Т. Кутузов проживал где-то в пригороде Екатеринбурга. И, скорее всего, в дачном посёлке Шарташ. Но у кого точно, никто не знал, посему его поиски заняли некоторое время.

А тем временем, офицеры, горевшие желанием действовать, не хотели больше ждать.

Утром 30 июля группа офицеров в составе Капитана Д.А. Машиновского, Капитана Г.В. Ярцова, Ротмистра Бертенева, Штабс-Капитана И.А. Бафталовского, Капитана Р.М. Политковского, Штабс-Ротмистра Ивановского, Капитана Е.Н. Сумарокова, Ротмистра

Матвееenko, Поручика А.А. Шереметевского, бывшего Камердинера Государя Т.И. Чемадунова и доктора В.Н. Деревенко собралась у здания Штаба Екатеринбургского гарнизона, куда им был подан небольшой легковой автомобиль и несколько экипажей. Рассевшись по местам, вся компания направилась к дому А.П. Намёткина, который в то время ещё спал.

По прибытии на место несколько офицеров зашли в его комнату и попросили А. П. Намёткина проехать вместе с ними в район рудника, на что последний ответил категорическим отказом, ссылаясь на ту же самую причину, связанную с санкцией прокурора. В ответ на это Капитан Д. А. Малиновский резонно заметил, что «теперь вся власть в руках военных. Ваша власть гражданская ещё не сформировалась. Начальник гарнизона требует, чтобы Вы, как следователь по Важнейшим делам, отправились бы туда с нами, где найдены вещи Августейшей Семьи».

А.П. Намёткин продолжал упорствовать. Тогда Малиновский заявил: «...Нас здесь 12 вооружённых офицеров и мы особенно просить его не станем».

Что оставалось делать... Покорившись судьбе, А.П. Намёткин быстро собрался и вышел на улицу.

Ожидавшая его группа разделилась на две части. Одна проследовала к Урочищу Четыре Брата на автомобиле кружным путём. А другая, добравшись по железной дороге до станции «Исеть», на лодках переплыла Исетское озеро, после чего пешком добралась до деревни Коптяки, где ей были предоставлены крестьянские подводы с возничими, на которых та и прибыла в район заброшенных шахт. Вместе с ними проследовали и некоторые из местных крестьян, уже осмотревшие эти места после ухода красных. Среди них были М.Д. Алферов и М.И. Бабинов, которым днями ранее удалось найти в кострищах упомянутые предметы.

Прибыв на место, офицеры занялись поисками, которые дали новые результаты. Так, в районе глиняной площадки, расположенной совсем рядом с заброшенной старательской шахтой, была найдена обгорелая дамская сумочка. А недалеко от неё, на лесной тропинке, находящейся рядом с этой же шахтой, были обнаружены признаки горелого места, в котором нашлись мелкие обгорелые тряпки, пуговицы, пряжки, обрывок кружева и какие-то чёрные блестящие обломки. В этом же самом месте Капитаном Р.М. Политковским был найден сильно загрязнённый водянистого цвета и значительной величины гранёный камень с плоской серединой в белой оправе с мельчайшими

27 июля 1918 г. к Коменданту 8-го городского Района г. Екатеринбурга явился Поручик А.А. Шереметевский, чтобы рассказать о таинственной суете в урочище Четыре Брата. С этого момента, по сути, и началось расследование убийства Царской Семьи и слуг, закончившееся только в 2009 году.

А.А. Шереметевский

блёстками. Очищенный от грязи, он показал великолепную игру света и безукоризненную чистоту бриллианта самого высокого природного качества. Следующие находки, представлявшие собой два небольших загрязнённых осколка изумруда и жемчуга, были обнаружены также рядом с этим местом. Помимо перечисленного, там же был найден и небольшой обрывок полосатой материи с сильным запахом керосина. А у самого края широкой шахты оказался втоптаный в глину осколок ручной гранаты.

Не удовлетворившись этим, Штабс-Капитан И.А. Бафталовский спустился на верёвке в шахту, в которой обнаружил следы от разорвавшейся гранаты и осколки от неё, врезавшиеся в стенки колодца. А в воде, имевшейся в шахте, им был обнаружен лист бумаги, на котором машинописным текстом были отпечатаны номера телефонных абонентов советских учреждений...

Составив о сём протокол, прибывшие вернулись в город, где прибывший в Екатеринбург Товарищ Прокурора А.Т. Кутузов вручил А.П. Намёткину Постановление за № 131 от 30 июля 1918 года, предписывающее ему начало производства Предварительного Следствия по делу об убийстве бывшего Государя на основании ст. 1453 Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных, приложив к сему протокол допроса Ф.Н. Горшкова.

В этот же день Судебный Следователь по важнейшим делам при Екатеринбургском Окружном Суде А.П. Намёткин, рассмотрев упомянутое постановление И. д. Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда А.Т. Кутузова о производстве Предварительного Следствия по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и находя, что в обстоятельствах, изложенных в нём, заключаются указания на признаки преступления, предусмотренного ст. 1453 Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных Свода Законов Российской

Иконы — подарок Григория Распутина. Обнаружены следствием в доме Ипатьева после убийства Царской Семьи.

Империи и подсудного Общим Судебным Учреждением, руководствуясь ст. 288 и п. 4 ст. 297 Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных, постановил: приступить к производству Предварительного Следствия.

С лёгкой руки М.К. Дитерихса в литературе более позднего периода, посвящённой теме гибели Царской Семьи, стало принятым считать, что следователь А.П. Намёткин, а равно как и его преемник И.А. Сергеев, вели порученное им следствие без должного энтузиазма, то есть спустя рукава. За что, собственно, и были отстранены от ведения такового.

«Первые исполнители его: следователь Намёткин и член суда Сергеев, — писал М. К. Дитерихс, — независимо от их личных качеств, характеров и политических физиономий, в своей следственной деятельности, безусловно, были под влиянием указанного выше политического течения мысли тогдашней гражданской власти и влиявших на неё политических партий бывших учредиловцев». (Правда, генерал так и не пояснил, в чём всё же заключалась эта «безусловность». Ну да оставим это на его совести.)

А далее он просто бичует А.П. Намёткина: «С первых дней работы следователя Намёткина прокурор Кутузов увидел полную непригодность его для ведения такого сложного и ответственного дела; Намёткин отличался не только леностью и небрежностью к работе, но просто игнорировал своими прямыми обязанностями, как следователь».

Однако с этими обвинениями нельзя согласиться. Ибо факты как раз говорят обратное.

Начнём с того, что Намёткин официально вёл порученное ему следственное производство на протяжении всего двенадцати дней (а фактически — на протяжении десяти!).

Так что же успел сделать за это время «нерадивый» следователь? Оказывается, не так уж мало.

Во-первых, как мы уже знаем, 30 июля 1918 года следователь А.П. Намёткин вместе с группой сопровождающих его лиц выезжал к заброшенному руднику для осмотра и поиска вещественных доказательств.

31 июля, встретившись с Помощником Начальника Гарнизона г. Екатеринбурга Полковником Лабунцевым, следователь А.П. Намёткин принял от него 151 вещественное доказательство, обнаруженное в районе заброшенных шахт и переданное последнему Комендантом 8-го Района Екатеринбурга Капитаном В.А. Гиршем.

1 августа следователь А.П. Намёткин допросил свидетельницу Е.Т. Лобанову, которая вечером 18 июля, выехав в деревню Коптяки, была задержана красногвардейским постом у будки путевого обходчика № 184 Горнозаводской железнодорожной линии.

А во-вторых, начиная с 2 августа 1918 года, следователь А.П. Намёткин пять дней кряду занимался осмотром помещений верхнего этажа дома Ипатьева. Причём осмотр этот производился в присутствии Товарища Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Н.И. Остроумова и понятых.

Осмотрев самым тщательным образом все комнаты верхнего этажа, Намёткин обнаружил и запротоколировал многие десятки вещественных доказательств, позволяющих существенно восполнить картину пребывания в доме Ипатьева Царской Семьи и Её верных слуг.

Осмотр дома Намёткин начал в 10 часов 30 минут утра 2 августа с описания дощатого забора, коим был обнесён дом со стороны фасада. Далее участвующие в осмотре лица проследовали в дом через парадный вход, расположенный со стороны Вознесенского проспекта. Осмотрев вестибюль (Комната I) (здесь и далее нумерация комнат дома Ипатьева даётся в соответствии с нумерацией таковых, имеющейся в книге Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи»), двинулись далее в прихожую (Комната II), где находился пост внутренней охраны и откуда вниз вела та самая лестница из 19 ступеней (не из 23, а по счёту Намёткина именно из 19!), по которой Царская Семья и Её слуги проделали последний земной путь. Обследовав ванную комнату и уборную (Комнаты III и IV), Намёткин проследовал в Комнату V, служившую своего рода прихожей перед бывшим кабинетом Н.Н. Ипатьева. Именно в этой комнате удалось обнаружить первые существенные улики, указывающие на сокрытие следов трагедии: сгоревшие револьверные гильзы, волосы, медальоны, половина погона, куски материи, пуговицы и т. д. В этой же комнате находилась и коробка с остриженными волосами, которые Т.И. Чемадуров опознал как волосы Великих Княжон.

Дом Ипатьева.
Вид из комнаты
А.С. Демидовой на столовую,
проходную комнату и кухню.

Осмотр помещений был прекращён в 15 часов.

Продолжить его А.П. Намёткину удалось лишь 5 августа в 12 часов 25 минут. Первое, что удалось ему осмотреть в этот день, был бывший кабинет Н.Н. Ипатьева (Комната VI), в котором в разное время располагались Коменданты Дома Особого Назначения (ДОН) А.Д. Авдеев и Я.М. Юровский со своими помощниками.

В комнате царил полный беспорядок, и также обнаружилось немало вещей, принадлежавших, по словам Т.И. Чемадунова, Царской Семье: коробка с подсвечником — Государю, флакон от духов и кипарисовые чётки — Государыне, электрическая машинка Шпамера, использовавшаяся для лечения Наследника Цесаревича, различные лекарственные препараты.

Из кабинета означенные лица проследовали в парадный зал (Комната VII), в котором, помимо прочих вещественных доказательств, была обнаружена картонная коробка, обтянутая бледно-сиреневым шёлком, в которой находились обгорелые конверты с подкладкой синего цвета и надписью: «Золотые вещи, принадлежавшие Анастасии Николаевне».

На этом осмотр упомянутых помещений был окончен.

Начиная с начала одиннадцатого часа утра 6 августа А.П. Намёткин производил осмотр гостиной (Комната VIII), соединявшейся с парадным залом широкой аркой.

Помимо находящейся в ней хозяйской мебели, у её правой стены он отметил плетёную из камыша и тростника садовую кушетку (лонгшез), которая, со слов Т.И. Чемадунова, была взята из Царского Села при отъезде в Тобольск.

Далее следователь произвёл осмотр смежного с ней помещения — столовой (Комната IX), в которой рядом с камином стояло принадлежащее Государыне трёхколесное кресло-каталка. А в находив-

Дом Ипатьева.
Зал и гостиная. На заднем
плане — лонгшез Государыни,
привезённый вместе
с остальными вещами
из Царского Села.

шемся там буфете было сложено немалое количество принадлежавшей Царской Семье посуды, равно как и девятнадцать разной величины и письма икон с имевшимися на них собственноручными надписями Государыни и Великих Княжон.

Осмотрев столовую, Намёткин проследовал в Комнату XI, в которой проживала Камер-Юнгфера А.С. Демидова. Комната оказалась почти пустой. Но и в ней нашлись некоторые принадлежавшие Царской Семье предметы. А именно: вешалки для платья, никелированный электрический прибор, использовавшийся при лечении Наследника Цесаревича (для согревания больного места), различные лекарства и т.д. В этой же самой комнате был обнаружен ключ на белом шнурке, которым открывалась принадлежавшая Наследнику Цесаревичу шкатулка, в которой тот имел обыкновение хранить свои деньги.

После этого Намёткин и сопровождающие его лица проследовали в Комнату X, в которой проживали Великие Княжны. В ходе осмотра в ней были обнаружены некоторые из принадлежавших им вещей: деревянная, обитая зелёной кожей шкатулка, внутренний замок которой был взломан. На столе находились Псалтирь и Новый Завет, а также принадлежавший Государыне написанный на доске Образ Феодоровской Божьей Матери, с которого был сорван венец, на котором, со слов Т.И. Чемадунова, была звезда с бриллиантами.

В этой же комнате были обнаружены карточки Великой Княжны Марии Николаевны и визитная карточка Лейб-Медика Е.С. Боткина. А ещё здесь был изъят небольшой клочок бумаги, датированный 4 февраля 1918 года, на котором по-английски были записаны действующие лица какой-то английской пьесы, роли в которой были распределены между Великой Княжной Анастасией Николаевной, Великой Княжной Марией Николаевной, Наследником Цесаревичем и Сиднеем Гиббсом.

Дом Ипатьева.
Лестница, по которой Царская Семья
спустилась к месту своей гибели.

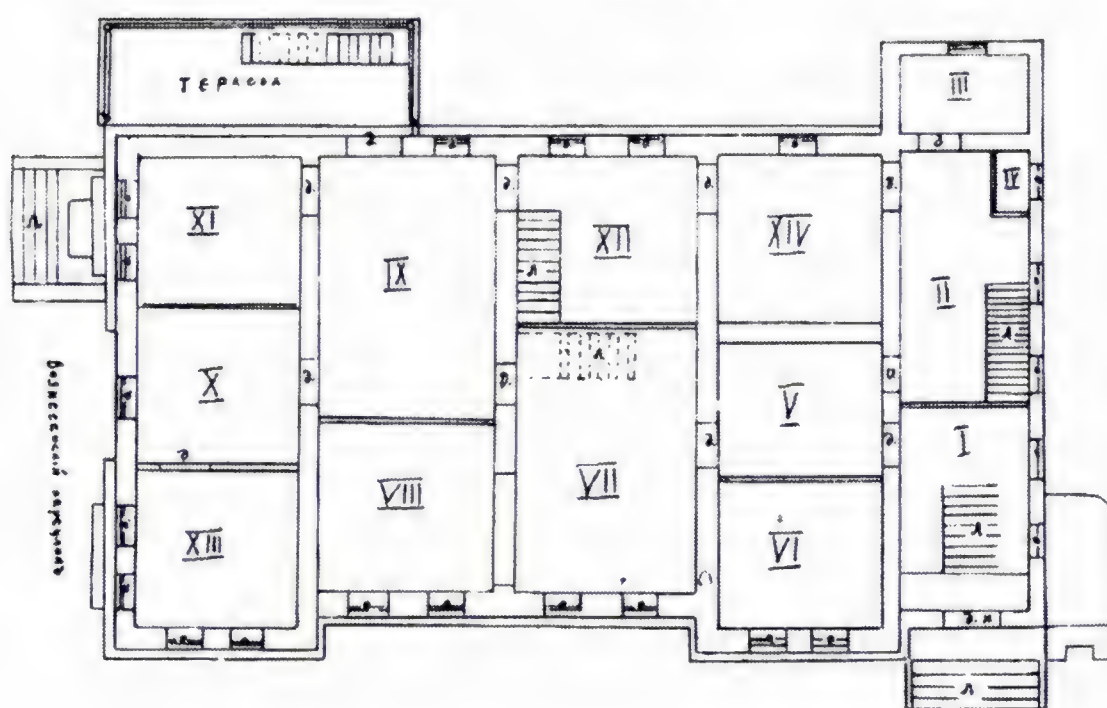
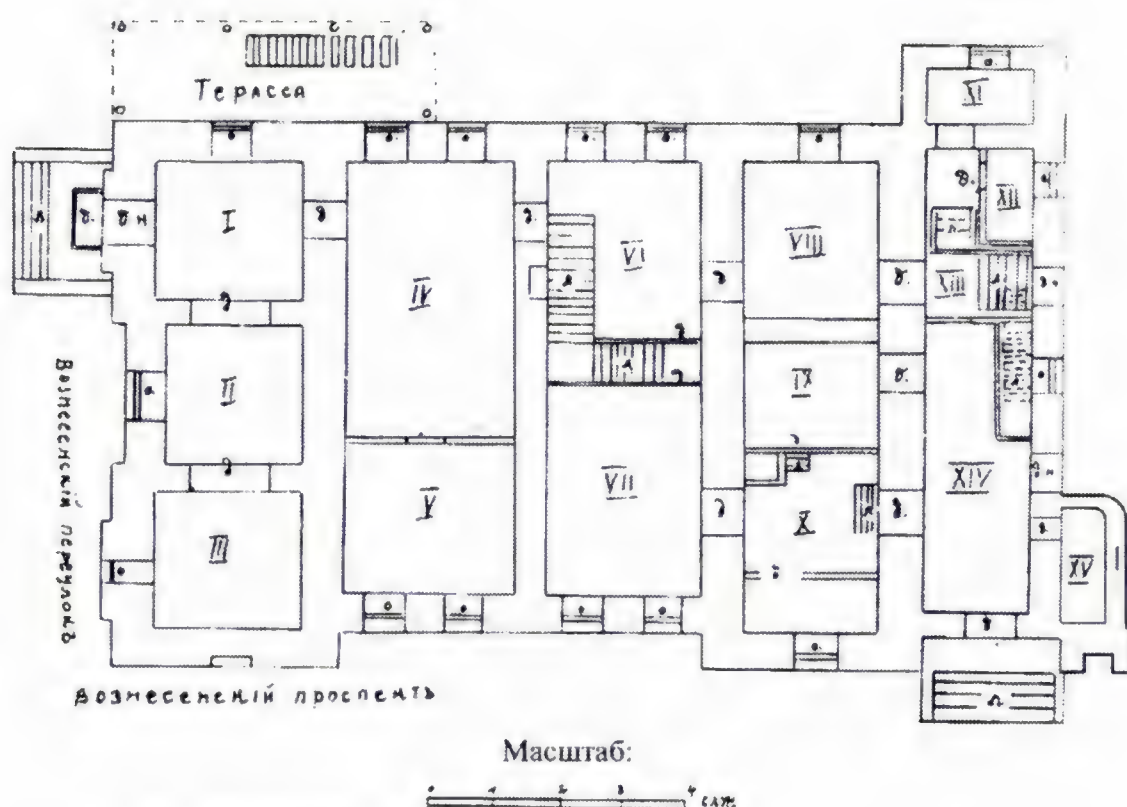
При выгребании золы из печей, находившихся в этой же комнате, были обнаружены металлические остовы рамок для фотокарточек, а также обгорелые остатки медальонов, образков, фрагменты сгоревших бумаг, оплавившиеся стёкла.

На осмотре этой комнаты все следственные действия были закончены в 15 часов 30 минут.

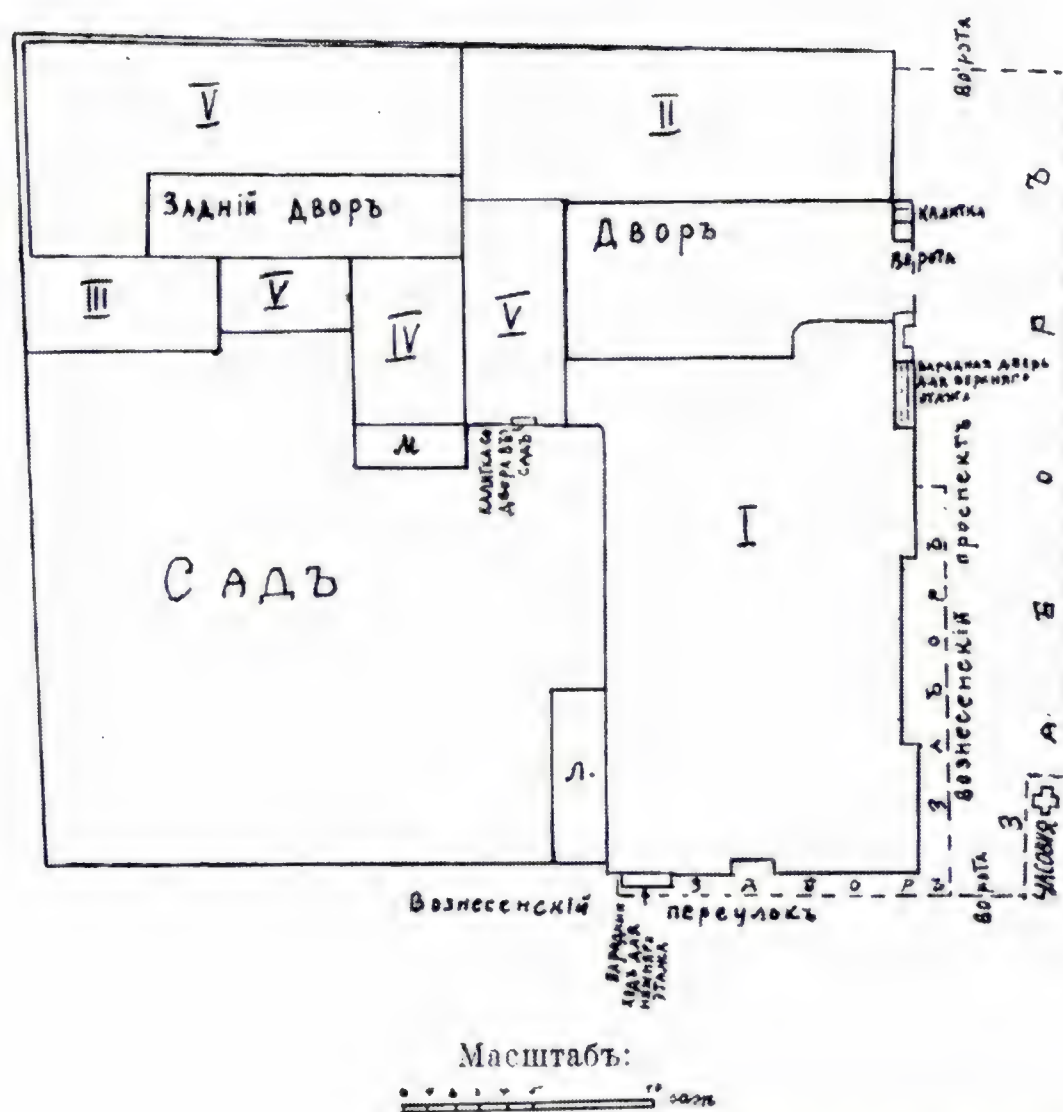
Следующий осмотр помещений квартиры Ипатьева состоялся, как это следует из протокола, 7 августа в 10 часов 30 минут утра.

Он был начат с угловой комнаты верхнего этажа (Комната XIII), где располагалась спальня Царской Четы и Наследника Цесаревича. При её описании А. П. Намёткин зафиксировал лежащие на письменном столе церковные книги («Лествица Иоанна, игумена Синайской горы», «Молитвослов» и др.), принадлежавшие Государю и Государыне и имеющие их личные пометы и эксклибрисы. В ящиках и на поверхности находившегося в комнате туалетного столика, а также на этажерке были обнаружены в большом количестве флаконы, всевозможные склянки, баночки «Придворной Его Величества Аптеки», аптекарская посуда и т. д. Наряду с этим в гардеробе и на открытом пространстве этой же комнаты находились следующие предметы: прибор для снятия обуви (сапог), вешалки с инициалами «АФ», свечи, тарелочка с пейзажем, на обратной стороне которой стояло фабричное клеймо «МН», а также склянки и баночки от всевозможных лекарств.

Осмотрев эту комнату и не найдя в ней чего-либо примечательного, что заслуживало бы внимание, Намёткин приступил к осмотру проходной комнаты (Комната XII), из которой вёл ход в нижний этаж. Помимо разрозненных предметов посуды, сапожных колодок, принадлежащих, со слов Т.И. Чемадунова, обуви Великих Княжон, и трёх вкладных отделений из сундука для серебряной посуды, ничего более примечательного в этой комнате также не было обнаружено.

Вверху: План верхнего и нижнего этажа дома Ипатьева.
Внизу: План участка дома Ипатьева.

План усадебного места
Н.Н. Ипатьева
в г. Екатеринбурге
с указанием построек

- I. Каменный двухэтажный дом.
- Л. Терраса.
- III. Каменные двухэтажные службы.
- IV. Деревянные службы с каменным погребом.
- М. Дощатая беседа.
- V. Навес на деревянных столбах.

Из этой комнаты А.П. Намёткин проследовал в последнее подлежащее осмотру помещение верхнего этажа — кухню (Комната XIV). Здесь он также не нашёл ничего интересного для следствия.

Описав означенное помещение и занеся обнаруженные в нём предметы в протокол, следователь А.П. Намёткин предоставил его для подписи понятым, после чего датировал таковой 8 августа 1918 года.

Так что, вопреки суждениям М.К. Дитерихса, сделано Намёткиным было не так уж мало.

Однако главный аргумент «нерадивости» следователя состоял в том, что А.П. Намёткин-де не осмотрел комнату убийства. То ли места большевиков испугался... То ли ему не хватило профессионализма... Неважно. Но факт остаётся фактом: «не проявил и не оправдал»!

Только подобные выпады полностью лишены здравого смысла.

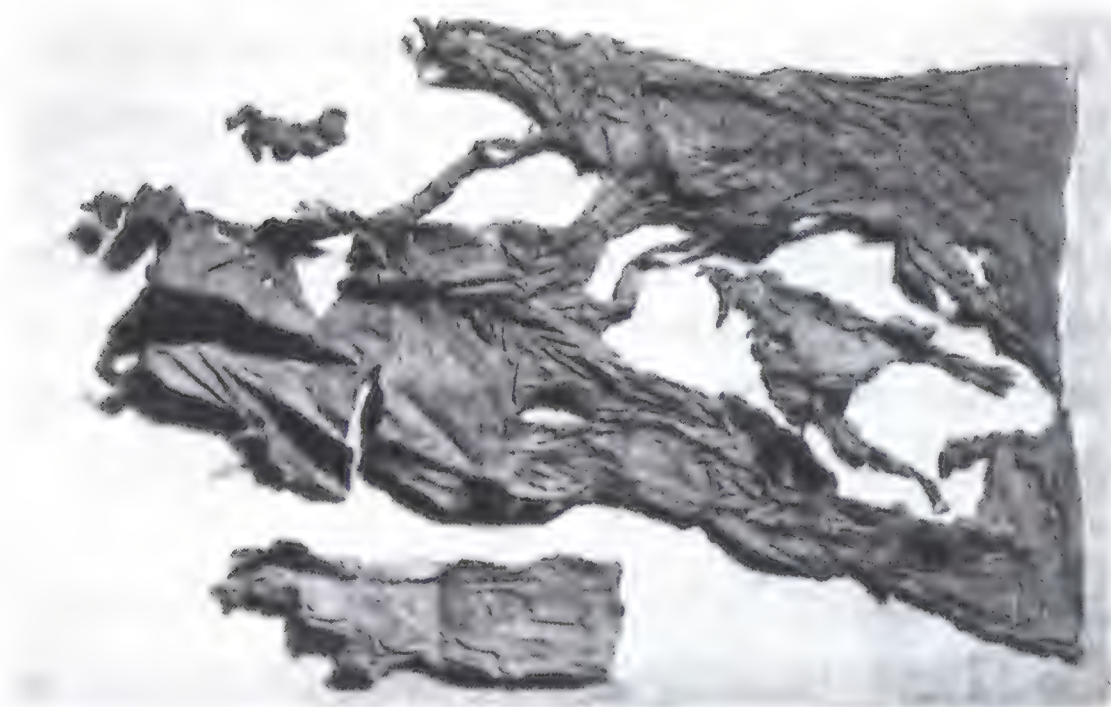
Ибо Алексей Павлович вполне обоснованно начал осмотр дома не с «той самой комнаты», а с его парадного входа, расположенного со стороны Вознесенского проспекта. А откуда же ещё надо было начинать? Со стороны Вознесенского переулка? Нелогично. Ведь основная жизнь как узников ДОН, так и их охраны протекала на верхнем этаже. А значит, только там можно было обнаружить наибольшее количество вещественных доказательств. И потом, лестница от парадной двери вела сразу на верхний этаж. Внешний же вход на нижний этаж осуществлялся только из трёх мест. Один (главный) — со стороны Вознесенского переулка и два с противоположной стороны дома, с территории двора, расположенного за воротами, с так называемого чёрного крыльца.

Так что на деле следователь А.П. Намёткин проявил себя как настоящий профессионал. Дойти же до «той самой комнаты» нижнего этажа он просто не успел. Не хватило времени...

Однако и того, что он успел сделать, оказалось достаточным для его ареста и бессудного расстрела летом 1919 года, в ходе Красного Террора, проводимого в Екатеринбурге сразу после возвращения большевиков...

Но это будет немногим позже. А в тот момент, то есть не позднее 9 августа 1918 года, Алексей Павлович Намёткин получил от И. д. Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда А.Т. Кутузова уведомление, в котором тот предлагал передать имеющиеся у него в производстве дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II Члену Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергееву.

И хотя М.К. Дитерихс уверяет нас в том, что единственной причиной отстранения следователя А.П. Намёткина было его нерадение,

Обрывки материи,
обнаруженные 30 июля 1918 г.
в ходе осмотра следователем
А.П. Намёткиным района
заброшенного рудника

с этим никак нельзя согласиться. Ибо мы уже знаем, сколь объёмная и кропотливая работа была им проделана в эти дни. Так что причина здесь, вероятнее всего, в другом: столь важное дело (хотя и находившееся в компетенции местного суда) было поручено более опытному юристу, занимавшему к тому же более высокий пост в судебной иерархии, каковым, несомненно, являлся Член Екатеринбургского Окружного Чуда И. А. Сергеев.

С передачей дела Сергееву Намёткин к расследованию больше не привлекался.

Но прежде чем продолжить рассказ о дальнейшем ходе следствия, следует рассказать ещё об одном человеке, подключившемся к таковому на самом начальном его этапе. А именно — об Александре Фёдоровиче Кирсте.

Начальник Екатеринбургского Военно-Уголовного Розыска Надворный Советник Александр Фёдорович Кирста

Почти что одновременно с образованием комиссии из числа офицеров, действующих под началом Полковника Шереховского, Начальник Гарнизона г. Екатеринбурга Генерал-Майор В.В. Голицын приказал вновь образованному Екатеринбургскому Военно-Уголовному Розыску приступить к расследованию вопроса об исчезновении прочих членов Царской Семьи из дома Ипатьева.

Давая свой комментарий по этому поводу, М.К. Дитерихс писал: «Военно-уголовный розыск был, в сущности, тем же военным контрольным аппаратом, каковые установлены нормальной организацией армии при высших штабах и войсковых частях для борьбы со шпионажем, в широком значении этого оружия войны. Но особые условия гражданской войны, и необходимость, кроме подвижных органов военного контроля, следующих при войсках, иметь и непод-

вижные аппараты такой работы в районах, очищавшихся от красной армии и остававшихся в тылу войск, привели к созданию при военно-административных управлениях тыловых районов и в крупных центрах также военно-контрольных органов, но соответственно преобразованных и применённых к условиям гражданской борьбы. Эти органы, в отличие от военно-контрольных органов, состоявших при войсках армии, получили название военно-уголовных розысков».

Вот во главе Екатеринбургского Уголовного Розыска и был поставлен бывший Надворный Советник Александр Фёдорович Кирста.

До недавнего времени его роль в расследовании дела об убийстве Царской Семьи была существенно принижена, а меж тем он был первым, кто разыскал важнейшие улики, а также свидетелей и участников этого злодеяния. И хотя генерал М.К. Дитерихс и другие давали А.Ф. Кирсте нелестные характеристики, его беда заключалась лишь в том, что, доверившись непроверенным данным, он сделал скоропалительный вывод о том, что Государыня и Великие Княжны остались живы и вывезены в Пермь, в силу чего всю свою последующую работу строил лишь в этом направлении.

И здесь, пожалуй, следует сделать небольшое отступление. Ведь это с высоты сегодняшнего дня нам всем хорошо известно: кто организовывал убийство Царской Семьи, кто стрелял, где прятали трупы... А тогда, в 1918-м, мифы о чудесном спасении Венценосной Семьи возникли чуть ли не на следующий же день после трагедии. И это не удивительно. Так как даже чудом уцелевший Камердинер Государя Терентий Иванович Чемадуров, встретившись в Тобольске с бывшим наставником Наследника Цесаревича Пьером Жильяром, сказал ему: «Слава, Богу, Государь, Её Величество и дети живы. Расстрелян Боткин и все другие». А если учесть и тот факт, что во время допросов некоторые свидетели клятвенно заверяли А.Ф. Кирсту, что видели, как Царская Семья садилась в вагон накануне падения Екатеринбурга, после чего другие из них заявляли, что видели Их всех живыми в Перми, последнему ничего не оставалось делать, как проверять и эту, казалось бы, фантастическую версию.

Позднее, вспоминая об этом, непосредственный участник следствия Р.А. Вильтон писал, что уже зимой 1918–1919 года многие свидетели видели живой в Перми младшую дочь Государя – Великую Княжну Анастасию Николаевну. Как истинно православных христиан, А.Ф. Кирста хотел верить в это «чудесное спасение», поэтому после показаний доктора П.И. Уткина, которого допросил лично в

Перми, он окончательно уверовал в то, что напал на след Царской Семьи. (К тому времени А.Ф. Кирста находился в должности Помощника Начальника Военно-Полевого Контроля Штаба Средне-Сибирского Корпуса, так как в августе 1918 года он был арестован по ложному обвинению и помещён в тюрьму, откуда его освободили лишь в декабре месяце по личному распоряжению Генерал-Лейтенанта Р. Гайды.) Из пояснений доктора П.И. Уткина А.Ф. Кирсте удалось узнать, что по распоряжению одного из сотрудников пермской чрезвычайки тот был вызван для освидетельствования неизвестной девушки, которая во время врачебного осмотра по секрету сообщила ему, что является младшей дочерью Государя. А в качестве подтверждения своих слов, П.И. Уткин ссылаясь на выписанные им лично для неё два бланка рецептов и знание местонахождения могилы этой девушки, которая якобы позднее скончалась от полученных накануне побоев. (Позднее выяснилось, что мнимая «княжна Анастасия» на самом деле является известной в местной уголовной среде преступницей по кличке «Настя-воровка».)

И, тем не менее, А.Ф. Кирста продолжал считать, что напал на след Царской Семьи, так как получил новые сведения, согласно которым Её сначала вывезли в Вятку, а затем поселили в какой-то деревне, находящейся недалеко от Глазова.

Однако, как выяснилось позднее, в своих начинаниях «Настя-воровка» была не одна. Благодаря тайне, которой на протяжении многих десятков лет была окутана судьба «оставшихся в живых» членов Царской Семьи, вокруг неё, точно грибы, появлялись на свет и другие претенденты на принадлежность к Царской Фамилии — всевозможные «лже-Ольги», «лже-Татьяны», «лже-Марии», «лже-Анастасии» и, конечно же, «лже-Алексеи». В настоящее время известно, что, начиная с 1918 года, свои права на родство с Царской Семьёй заявили 228 человек, из которых: 28 самозванок, выдававших себя за «Великую Княжну Ольгу Николаевну», 33 — за «Великую Княжну Татьяну Николаевну», 53 — за «Великую Княжну Марию Николаевну», 33 — за «Великую Княжну Анастасию Николаевну» и 81 — за «Наследника Цесаревича Алексея Николаевича». Но, пожалуй, самой одиозной из когорты самозванцев была проживавшая в Аргентине «Ирина Романова» (настоящее имя неизвестно), выдававшая себя за пятую дочь Государя, якобы рождённую в Тобольске и тайно вывезенную оттуда по согласованию с Советским правительством...

Уже через несколько месяцев после гибели Августейшей Семьи миру явилась «чудом спасшаяся Великая Княжна Ольга Николаевна»,

Нательные крестики и ладанки, принадлежавшие Царской Семье, изъятые в ходе оперативно-следственных мероприятий. Слева в центре — икона Спасителя, находившаяся на груди В. К. Елизаветы Фёдоровны, тело которой было обнаружено в шахте близ г. Алапаевска.

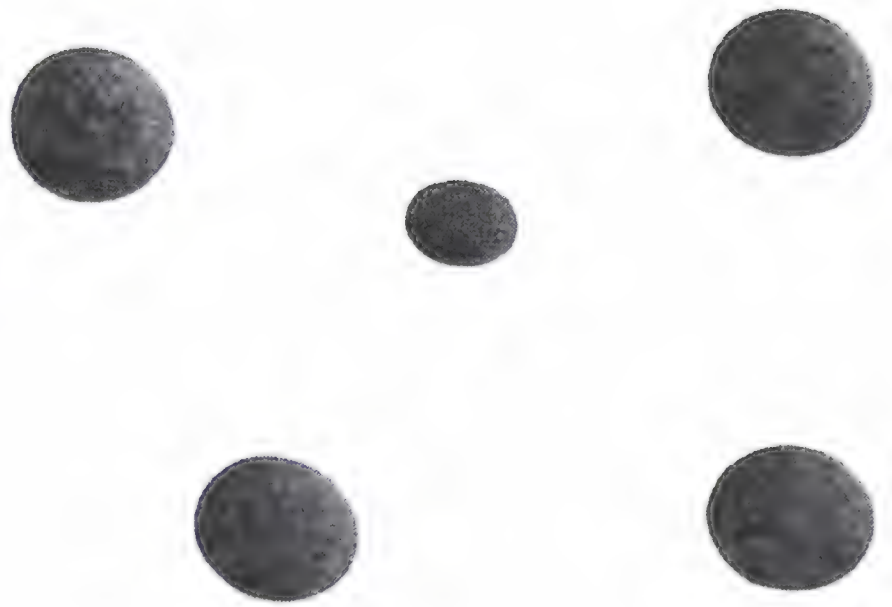
а осенью 1919 года в далёком сибирском селе Кош-Агач объявился новоявленный «Алексей Романов». (Позднее он был отправлен в Омск, где было установлено, что под именем «цесаревича» скрывался бывший почтовый работник Алексей Пуцятю).

В феврале 1920 года, после попытки неудачного самоубийства, в одной из берлинских психиатрических клиник оказалась молодая девушка, которая впоследствии долгие годы интриговала мировую общественность, выдавая себя за «чудом спасшуюся Великую Княжну Анастасию Николаевну». (Настоящие имя и фамилия Франциска Шанцковска, однако более известна под именем Анна Андерсон.)

Да что там Анна Андерсон! В 2000 году скончалась, наверное, уже последняя «Великая Княжна Анастасия»! (Гражданка Грузии Наталья Белиходзе 1915 года рождения, выдававшая себя за таковую по воле братьев Гряников, один из которых — Анатолий Николаевич — хорошо известен в кругу исследователей как автор книги «Завещания Николая II», в которой активно пропагандирует свою версию «чудесного спасения» Царской Семьи!)

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Княгиня Мария Илларионовна Романова (урождённая Воронцова-Дашкова, в браке с Князем Императорской Крови Н.А. Романовым, сыном Великого Князя Александра Михайловича) не раз и не два делала заявления о том, что все Члены Царской Семьи спаслись, включая и убитого в Перми Великого Князя Михаила Александровича. (Фактически Государя Императора Михаила II Александровича!) И по её словам выходило, что Его вместе со Своим Августейшим Братом (т.е. с Государем Императором Николаем II) видели живыми в 1925 году на Северном Кавказе, в станице Илинской. А вот Наследника Цесаревича Алексея Николаевича видели в Лабинске в 1928! По её рассказам также выходило, что все дочери Государя и сама Государыня Императрица Александра

Форменные пуговицы
с шинели Наследника
Цесаревича.
Обнаружены крестьянами
деревни Коптяки 28 июля
1918 г. в районе костра
у шахты № 7.

Фёдоровна скрывались в Натыробском монастыре. В декабре же 1929 года «Наследник Цесаревич Алексей Николаевич» объявился вновь, но на сей раз уже в Багдаде.

Безусловно, всем этим мифам потворствовали периодические заявления руководителей Советского государства о том, что Царская Семья не расстреляна (заявления Г.В. Чичерина 20 сентября 1918 года и 25 апреля 1922 года; М.М. Литвинова – 17 декабря 1918 года; интервью для американской газеты Г.Е. Зиновьева 11 июля 1920 года и пр.).

Поэтому с высоты прошедших лет читатель наверняка сможет понять, почему А.Ф. Кирста с такой горячей убеждённостью разыскивал следы «эвакуированной» Царской Семьи, на деле идя по ложному следу...

Однако нельзя сбрасывать со счетов и его заслуг в деле общего расследования.

30 июля 1918 года А.Ф. Кирста в ходе производимого им обыска на квартирах бывшего сторожа здания Уральского Областного Совета (располагавшегося в бывшем помещении Екатеринбургского отделения Волжско-Камского Банка) П.И. Лылова и его сожительницы Ф.И. Балмышевой, служившей там же разносчицей чая, изъял немалое количество ювелирных украшений, носильных вещей и прочих предметов обихода, принадлежавших Царской Семье.

6 августа 1918 года А.Ф. Кирста (в присутствии Товарища Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Белозерского и своего помощника Плешкова) произвёл обыск на квартире состоявшего в охране дома Ипатьева красногвардейца М.И. Летемина, в ходе которого было изъято значительное количество белья, а также носильных и прочих вещей, ранее принадлежавших Царской Семье, а также принадлежавшая Наследнику Цесаревичу собака породы английский спаниель по кличке Джой.

В этот же день А. Ф. Кирста произвёл обыск у К.И. Летемина (родного брата М.И. Летемина) — было изъято несколько детских игрушек (солдатики), также принадлежавших Наследнику Цесаревичу.

7 августа А.Ф. Кирста произвёл допрос М.И. Летемина.

В этот же день А.Ф. Кирста (в присутствии Товарища Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Белозерского) произвёл обыск у проживающей в с. Уктусь А.М. Тимофеевой, в ходе которого были обнаружены мужские шаровары военного образца, опознанные Т.И. Чемадуновым как принадлежавшие Государю.

Вероятнее всего, на следующий день (дата не указана) сотрудниками Екатеринбургского УР была задержана М. Д. Медведева — супруга Начальника Наружной охраны Дома Особого Назначения (так большевики называли дом Ипатьева во время содержания в нём Царской Семьи и Её слуг) П.С. Медведева, Е.И. Старкова — мать красногвардейца И.А. Старкова, принимавшего участие в охране ДОН, и З.А. Микулова — сожительница сотрудника Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии К. В. Коневцева.

(Медведева сообщила следствию, что, со слов её мужа, все содержащиеся в ДОН лица были расстреляны, вывезены в лес и сброшены в ямы (шурфы). Но из этого, к сожалению, не было сделано соответствующего вывода, видимо, в виду того, что в обследованных колодцах заброшенных шахт никто из перечисленных лиц не был обнаружен.)

9 августа А.Ф. Кирстой, при участии Суб-Инспекторов Талашманова и Леонтьева, был произведён обыск в посёлке Сысертского завода на квартирах красногвардейцев В.Я. Сафонова, П.С. Медведева, А.Ф. Стрекотина, А.А. Стрекотина, Н.И. Попова и И.А. Старкова, в ходе которых также было изъято множество вещей, принадлежавших Царской Семье.

10 и 18 августа А.Ф. Кирста опросил ещё ряд свидетелей. А 22 августа секретный работник Екатеринбургского УР, прибывший из занятой большевиками территории в районе Ирбита, доложил Кирсте, что в соответствии с добытыми им сведениям, Государь и Его Семья были вывезены в сторону Верхотурья.

Видимо, с этого момента А.Ф. Кирста окончательно уверовал в «чудесное спасение» Царской Семьи и начал проводить своё расследование исключительно в этом направлении. Однако долго вести таковое он не смог, так как в августе же 1918 года он был арестован по ложному обвинению и смог вновь принять участие в этом расследовании лишь четыре месяца спустя.

Дом Ипатьева.
Столовая. За этим столом
Царская Семья и Её верные слуги
собирались по несколько раз
в день.

Член Екатеринбургского Окружного Суда Иван Александрович Сергеев

Иван Александрович Сергеев родился 6 августа 1872 года в Симбирске, в семье мещан.

Его отец — отставной Фельдфебель, скопивший за долгую солдатскую службу немного денег и удачно женившийся. После выхода в отставку он осел в Симбирске, где, благодаря полученному за женой приданому, со временем смог стать владельцем двух домов, что, в свою очередь, позволило ему записаться в купеческое сословие.

Именно там, в Симбирске, у него родился сын, получивший при крещении имя Иван.

По окончании Симбирской гимназии Иван Сергеев поступает на Юридический Факультет Императорского Московского Университета, обучение в котором завершает в 1894 году.

Вернувшись в родной Симбирск, он был определён на службу Младшим Кандидатом Симбирского Окружного Суда с жалованием в 2400 рублей в год.

Как чиновник, состоящий на государственной службе, И. А. Сергеев в феврале 1894 года получает Серебряную медаль «В память царствования Императора Александра III».

Пройдя неплохую школу в должности Младшего Кандидата, он в 1897 году получает место Судебного Следователя Сенгелеевского участка. Но уже в июле 1898 года командировается на Урал для работы в Екатеринбургском Окружном Суде в качестве И. д. Судебного Следователя 4-го Участка Верхотурского уезда.

Участок, где молодому юристу пришлось начинать свою службу, представлял собой огромную территорию, в силу чего И. А. Сергеев был вынужден совершать многочисленные разъезды по Уральской тайге.

А пробираться в отдалённые посёлки и охотничьи заимки приходилось сквозь болота и бездорожье.

Но, несмотря на эти трудности, И. А. Сергеев довольно быстро завоевал среди коллег репутацию грамотного и трудолюбивого следователя. А его безупречный нравственный облик отмечали все коллеги по работе.

3 февраля 1900 года Екатеринбургским Окружным Судом избирался Кандидат на открывшуюся вакансию Следователя 5-го Участка Верхотурского уезда.

В Государственном архиве Свердловской области хранится документ — Определение Общего собрания Отделений Екатеринбургского Окружного Суда от 3.02.1900 года, в котором говорится, что «Общее собрание Отделений Суда находит справедливым перевести в этот участок, как находящийся, сравнительно, в лучших экономических и этнографических условиях, Судебного Следователя другого участка, находящегося в менее благоприятных условиях. На такой перевод, по мнению Окружного Суда, имеет право И. д. Судебного Следователя 4-го Участка Верхотурского уезда Сергеев, как человек способный, трудолюбивый и отличающийся прекрасными нравственными качествами, а потому вполне заслуживающий перевода из заведываемого им ныне следственного участка с огромными разъездами и дурными путями сообщения».

А ещё через два с половиной года И. А. Сергеев был переведён с почти такой же формулировкой в Екатеринбург.

После этого назначения И. А. Сергеев многие годы служил Товарищем Прокурора при Екатеринбургском Окружном Суде, а к началу Февральской смуты занимал должность Члена Екатеринбургского Окружного Суда. В конце апреля — начале мая 1917 года Сергеев сменяет эсера А. А. Кашеева на посту Председателя Комитета Общественной Безопасности, в должности которого состоит вплоть до его роспуска.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что общим собранием Отделений Екатеринбургского Окружного Суда от 7 августа 1918 года большинством голосов на И. А. Сергеева было возложено Следственное Производство по делу об убийстве бывшего Государя Императора Николая II.

Так что Генерал-Лейтенант М. К. Дитерихс был в принципе не прав, когда писал, что: «Остаётся только предполагать, что Сергеев ставленник известных политических течений, противник вообще Царскому делу, относился к нему, как к простому исполнению канцелярской работы».

Конвоирование
подследственных,
арестованных по
делу об убийстве
Царской Семьи.
Екатеринбург,
1919 г.

Никаких доказательств того, что Сергеев является чьим-то ставленником, генерал не приводит.

Но главное заблуждение М.К. Дитерихса (сам генерал не был юристом, а посему, видимо, весьма слабо разбирался в юриспруденции и тактике следственного производства) — обвинение Сергеева в «абсолютном непонимании следственной профессиональности». А «непонимание» это, с его точки зрения, выражалось в том, что во время проведения допросов Сергеев не достаточно полно расспрашивал свидетелей и не задавал им наводящих вопросов.

«Его допросы свидетелей, — писал М.К. Дитерихс, — это запись того, что хотел показать только сам свидетель или преступник; попытки вести допрос по определённой идее, определённому плану, систем дополнительных вопросов — у Сергеева отсутствовали совершенно. (...) Сергеев мог бы допрашивать самого Янкеля Юровского и, возможно, выслушав от него его биографию, не спросил бы его: а какое ваше отношение было к Екатеринбургской чрезвычайке, и откуда были люди, приведённые вами для внутренней охраны Царской Семьи?»

Но и здесь генерал не прав. Ибо в отличие от своего преемника — следователя Н.А. Соколова (который зачастую грешил в протоколах собственными умозаключениями и оценочными суждениями), И. А. Сергеев отличался проведением беспристрастного допроса свидетелей и обвиняемых, в чём, собственно, и заключался его профессионализм. Человеку, знакомому с практикой ведения следствия, не будет секретом такая методика И. А. Сергеева: дав допрашиваемым лицам выговориться, он скрупулёзно записывал их пояснения, не задавая при этом каких-либо наводящих вопросов. А делалось это для того, чтобы потом, проанализировав в комплексе все имеющиеся в его распоряжении материалы следствия, сделать определённые выводы.

Но М.К. Дитерихс, к сожалению, этого так и не понял. «Он (И.А. Сергеев. — Ю.А.) ждёт, — писал генерал в своей книге, — что преступление раскроется когда-нибудь само по себе, из материалов, которые будут подшиваться к следственному „делу”».

И, кстати сказать, материалов в этом деле, благодаря подвижнической работе И.А. Сергеева, было собрано немало. В момент передачи И.А. Сергеевым Следственного Производства Н.А. Соколову лишь в первом томе оно было пронумеровано и прошнуровано 266 листов. И это не считая собранных им вещественных доказательств!

Заслуга И.А. Сергеева — и раскрытое им за считанные месяцы дело об убийстве Великих Князей в Алапаевске, а также начатое им же дело об убийстве в Перми Великого Князя Михаила Александровича.

И — главное. Сергеев был первым, кто доподлинно установил факт того, что в доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля был убит не один Государь, а вся Его Семья вместе со слугами.

Это был вынужден признать даже М.К. Дитерихс, который позднее писал: «На основании имевшихся в его распоряжении следственных материалов Сергеев дал совершенно определённый ответ: убиты все члены Царской Семьи, а не только бывший Государь Император, как оповестили большевики. В этом у него никакого сомнения не было, и оставался только совершенно не выясненным вопрос, что сделали убийцы с телами своих жертв, так как при произведённых розысках тела найдены не были».

Именно Сергеевым были установлены и главные организаторы и участники этого злодеяния.

А теперь обратимся к деталям и фактам, связанным с домом Ипатьева.

13 августа 1918 года Судебный Следователь по важнейшим делам А.П. Намёткин, «...принимая во внимание сообщение Председателя Екатеринбургского Окружного Суда от 30/12 августа с. г. за № 56 о передаче дела об убийстве бывшего Государя Императора Николая II Члену Суда И.А. Сергееву для дальнейшего производства следствия», вынес постановление о передаче такового Члену Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергееву со всеми относящимися к нему приложениями на 26 пронумерованных полулистах.

К порученному делу И.А. Сергеев приступил, что называется, без раскачки — 11 августа 1918 года. (А ведь этот день приходился на воскресенье!)

В качестве официального лица в осмотре дома участвовал Товарищ Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Н.И. Остроумов,

Комната, где совершилось
убийство Царской Семьи
и верных слуг

а в качестве понятых — владелец дома Капитан в отставке Н.Н. Ипатьев и Генерал-Лейтенант А.И. Медведев.

Свою работу И.А. Сергеев начал в 10 часов 30 минут утра с осмотра нижнего этажа дома Ипатьева, отметив в протоколе, что в таковой ведут три наружных входа: два со двора и один со стороны Вознесенского переулка. Зайдя в дом со стороны двора через дверь, ближайшую к углу фасадной части дома, И.А. Сергеев оказался в передней (Комната XIV). В этом помещении находилась печь, в топке которой находилось большое количество пепла от сгоревших бумаг, тканей и других предметов. Обследуя содержимое печи, И.А. Сергееву удалось сделать воистину бесценную находку — не подвергшийся огню список Наружной охраны ДОН и листок с «пробой пера» Начальника пулемётной команды ДОН А.Г. Кабанова.

После осмотра и просеивания извлечённых из печи предметов И.А. Сергеев продолжил осмотр прилегающих помещений, отметив, что справа от входа (между печью и стеной) имелась дверь, ведущая на площадку лестницы, сообщавшей нижний этаж с верхним. (Той самой лестницы, по которой Царская Семья сошла к месту своей гибели.)

На нижней площадке лестницы имелась вторая дверь, ведущая в ту же переднюю, напротив которой имелась ещё одна, ведущая в тёплую кладовую (Комната IX). Осмотр этой кладовой результатов не дал, если не считать обнаруженного там большого медного, давно не чищенного двухведёрного самовара.

Осмотрев ещё несколько комнат, Сергеев приступил к осмотру жилых помещений нижнего этажа, а точнее — первой половины Комнаты X, разделённой на две половины лёгкой деревянной перегородкой. Имевшаяся в этой комнате мебель была представлена простой работы деревянной скамьёй и таким же деревянным шкафом. На скамье оказалась сложенной столовая и кухонная посуда, из коей 21 тарелка

имели клейма Екатеринбургского Общественного Собрания, а 2 медные кастрюли — Государственные Гербы, что указывало на принадлежность таковых к Гофмаршальской Части. Находящийся же в комнате шкаф оказался пуст. Но после того, как таковой был отодвинут, под ним было обнаружено много мусора, часть которого представляла собой обрывки некоторых документов, имеющих непосредственное отношение к Царской Семье: карточки меню за 9 сентября 1907 и 1 ноября 1909 года, обрывок печатной программы концерта, обрывки почтовой бумаги и почтовой карточки с письмом, адресованным Великой Княжне Ольге Николаевне и пр.

В отгороженной же части этой комнаты, имевшей окно, выходившее в сторону Вознесенского проспекта, находилась железная кровать с двумя грязными матрацами, деревянная скамейка и старый венский стул. А обнаруженная у косяка двери надпись «Rudolf Lacher J. J. K. Jagr. Trient» указывала на то, что в ней ранее проживал военнопленный австро-венгерской армии Рудольф Лахер.

Из правой половины осмотренной комнаты И.А. Сергеев проследовал в кухню (Комнату VII) с расположенной в ней русской печкой и плитой. На шестке печки имелись обрывки различных бумаг, по сортировке которых удалось найти разорванное на мелкие кусочки требование Коменданта ДОН Я.М. Юровского за № 24 от 15 июля 1918 года, текст которого восстановить не удалось.

Следующий осмотр дома Ипатьева был начат Сергеевым на следующий день в 10 часов 30 минут утра.

В этот раз И.А. Сергеев, Н.И. Остроумов и понятые зашли в дом через расположенную во дворе дверь, которая вела на другую половину нижнего этажа дома.

Оказавшись в сенях, они увидели вход на кухню (Комната XIII), попасть в которую можно было, спустившись по лестнице из 8 ступенек. Осмотрев таковую и не найдя для себя ничего интересного, И.А. Сергеев проследовал далее.

Следующим помещением оказалась Комната VI, имевшая два окна, выходившие в сад. В ней также не было обнаружено ничего интересного, за исключением заполненного на половину водой самовара, имевшего клеймо тульской фабрики Батышова (так записано в протоколе) и некоторого количества рисунков и надписей скабрезного содержания, «украшавших» стены этой комнаты.

Далее И.А. Сергеев через небольшой коридорчик проследовал в следующее помещение (Комнату IV), также имевшее два выходивших в сад окна. Одно из них было с двойными рамами, а другое — только

Пули, извлечённые
из стен и пола
в комнате
убийства Царской
Семьи

с одной летней. Вся обстановка этой комнаты состояла из двух железных кроватей с матрацами, двух столов простой работы и подзеркального столика. А на её стенах также имелись надписи циничного содержания: так охрана ДОН выражала своё отношение к Венценосной Семье.

В описанной выше Комнате IV имеется дверь, соединяющая таковую с передней, представляющей собой помещение (Комната I).

Окрашенный жёлтой краской деревянный пол комнаты носил явные следы замывки в виде зигзагообразных полос с плотно присохшими к таковой частицами мела и песка, причём на карнизах (плинтусах) наслоения таковых были значительно толще. Напротив внутренней входной двери в это помещение имелся выход на крыльцо дома со стороны Вознесенского переуллка. Выходившие на улицу двери были двустворчатыми, а расположенные непосредственно при входе в дом — трёхстворчатыми, из которых крайние были наполовину застеклены. На поверхности окрашенного между ними пола имелось пятно «красноватой окраски», похожее на кровь.

Парадное крыльцо дома было каменным. От Вознесенского переуллка оно было огорожено высоким дощатым забором, идущим на расстоянии немногим менее 3-х метров от дома вдоль боковой его части и фасада. Забор был сплошным, и устройство в нём каких-либо дверей и калиток не наблюдалось, вследствие чего огороженное забором пространство улицы представляло собой узкий наружный двор с единственным в него входом через описанную выше дверь.

Внутри этого двора на углу дома была расположена будка сторожа, охранявшего ранее этот участок Вознесенского проспекта.

На этом осмотр дома Ипатьева в этот день был закончен, о чём И. А. Сергеевым в 15 часов дня была сделана соответствующая запись в протоколе.

Дом Ипатьева.
Комната Государя, Государыни
и Наследника Цесаревича.

Заключительный осмотр помещений дома И. А. Сергеев начал в 10 часов утра 14 августа 1918 года. В этот день всё его внимание было посвящено осмотру Комнаты II, в которой была убита Царская Семья, и смежной с ней кладовой (Комнаты III).

Вход в неё вёл из уже описываемой Комнаты I через двустворчатые двери, окрашенные в белый цвет. Имевшееся в её южной стене окно полукруглой формы с вмурованной в него металлической решёткой выходило в сторону Вознесенского переулка.

Окрашенный жёлтой краской пол комнаты в своей левой от входа части также имел следы замывки со скоплениями следов мела и песка по карнизам (плинтусам).

Потолок комнаты был сводчатым и опирался на четыре столба, расположенных по углам таковой. Стены комнаты оклеены обоями жёлтого цвета с мелким рисунком.

В противоположной от входа стене имелась ещё одна двустворчатая дверь, примыкающая к арке южной стены дома, также окрашенная белой краской. На её обеих половинах имелись следы сургучной печати красного цвета. На её правой и левой створках были обнаружены два сквозных пулевых отверстия, а на площади прилегающей к ней слева деревянной оштукатуренной стены были зафиксированы ещё 16 углублений, оставленных пулями. Девять из них носили следы замывки, повредившей верхний слой бумажных обоев. После исследования зондом все эти отверстия были пронумерованы, а их местонахождение измерено в соответствии с расстояниями от правого столба арки и пола.

Ещё два следа от пуль были обнаружены Сергеевым в деревянной обшивке южной стены, немногим ниже подоконника. След от пули (сквозное отверстие) имелся также и в левом при входе в комнату косяке двери и на её левой половинке. Причём если эту створку

Комната Великих княжон.
На полу — зола и остатки уничтоженных
вещей, извлечённых из печи в ходе
следствия.

распахнуть настежь, то след, оставленный на косяке, полностью совпал со сквозным отверстием, имевшимся в полотне означенной двери.

Пол упомянутой комнаты также насчитывал шесть оставленных пулями углублений, которые, как и все предыдущие, были пронумерованы, а расстояние до них измерено.

Помимо следов от пуль на стенах комнаты были зафиксированы различного рода надписи и рисунки порнографического характера. По большей части содержание таковых было скабрёзного содержания: «Николай сказал народам вот вам х.., а не республика» и т. п.

Но была среди них одна весьма примечательная, написанная на немецком языке («Belsatzar ward in selbiger Nacht Von seinen Knechten umgebracht»), которая впоследствии породила множество всяких предположений, и о которой будет подробно рассказано в следующей главе.

И наконец, последним помещением, которое осматривал И.А. Сергеев в доме Ипатьева, была кладовая (Комната I), двери которой носили следы красной мастичной печати. Как и Комната II, она также имела закрытое решёткой окно полукруглой формы, однако более высокое. Вдоль левой и противоположной входу стены имелись полки, на которых лежали свёрнутые ковры, а также картонки и ящики с различным принадлежавшим Н.Н. Ипатьеву имуществом. При осмотре оштукатуренных стен кладовой на них усматривалось лишь одно нарушение верхнего слоя штукатурки, образованное в результате попадания пули в правую боковую стену с окном. Поверхность же той стены, в которой было зафиксировано 16 попаданий пуль, сохраняла свою целостность. Ничего значимого для следствия более в этой комнате обнаружено не было.

Осмотр помещений дома Ипатьева был закончен в 17 часов 15 минут, а описанные в протоколах вещи и документы приобщены к делу.

Следователь Соколов

По окончании осмотра двери Комнаты II были опечатаны должностной печатью, после чего упомянутый протокол был подписан Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым, Товарищем Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Н. И. Остроумовым и Капитаном в отставке Н. Н. Ипатьевым.

18 августа Сергеев вынес постановление о вырезке частей стены и пола, в которых были обнаружены углубления.

Основанием же для такового он посчитал:

«1. Что при наружном осмотре стен и пола не представилось возможным определить с точностью происхождение обнаруженных на стене и полу углублений.

2. Что замытые части стен и пола дают основание предполагать о существовании в замытых местах следов крови, причём не исключена возможность нахождения таких следов в толще стены и пола.

3. Что для выяснения этих вопросов, имеющих для дела существенное значение, необходимо вырезать части стены и пола».

В этот же день Сергеев вместе с Остроумовым, оружейным мастером Комаровым и понятыми посетили дом Ипатьева, где Комаров произвёл поочерёдное выпиливание имевшихся в полу углублений за №№ 1–6, которые извлёк вместе с фрагментами располагавшихся вокруг них половых досок.

По выпилке этих фрагментов оказалось, что все имевшиеся в них углубления являлись пулевыми каналами, а в конце таковых за №№ 1, 2 и 3 имелись застрявшие пули.

Точно таким же способом было произведено изъятие фрагментов пола со следами крови, отмеченных в районе парадного крыльца между второй и третьей дверями.

Оставалось ещё разметить и выпилить из стен фрагменты с углублениями от пуль.

Адмирал Колчак, будучи Верховным Правителем России, возложил общее руководство следствием по делу об убийстве Царской Семьи на Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса, а само следствие – на Судебного Следователя по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколова.

М.К. Дитерихс. В 1918 г. — Начальник Штаба отдельного Чехословацкого Корпуса. В июле 1919 г. Командующий Сибирской Армией и Западным фронтом войск Верховного Правителя. В июне 1922 г. в Приморье избран «Земским собором» «Правителем и Воеводой Земской Рати». С октября 1922 г. в эмиграции.

Однако ввиду крайнего утомления мастера Комарова выпилка таковых была отложена до следующего дня.

В последний раз И. А. Сергеев осматривал дом Ипатьева 20 августа 1918 года вместе с Н.И. Остроумовым, дворником Ф.И. Обыкиным и понятыми.

По просьбе Сергеева упомянутый Обыкин произвёл вырезку 16 оставленных пулями углублений, имевшихся в восточной стене Комнаты II. Вырезка таковых, как и в первом случае, производилась при помощи напарея, пилы и топора. Однако прежде чем приступить к вырезке деревянных частей этой стены, с неё в подлежащих удалению фрагментах с углублениями была снята штукатурка, после чего выяснилось, что углубления за №№ 1, 2, 4, 5, 9 и 10 проникают только через толщу штукатурки. И только углубление за № 9 проникло в деревянную часть стены на 1,5 см. Удаляемый слой штукатурки, имевший толщину 3–4 см, тщательно осматривался, но ни в одном из шести осматриваемых участков никаких пуль обнаружено не было.

По удалению же штукатурки на участках, соответствующих углублениям за №№ 3, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 15 и 16 (вокруг которых, согласно протоколу от 14 августа, имелись следы замывки), а также на участке с углублением за № 13 (вокруг которого, равно как и вокруг углублений за № 1, 2, 4, 5, 9 и 10, таковых не имелось) были обнаружены пулевые каналы, ведущие в глубину деревянной части стены от 1 1/2 до 1 3/4 вершка. Во всех десяти вырезанных фрагментах стены (№№ 3, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15 и 16) были обнаружены револьверные пули, после чего все они были занумерованы и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

После этого подобным же способом были выпилены два фрагмента с углублениями из южной стены. Причём при извлечении выпиленного верхнего участка деревянной обшивки стены оттуда выпала

Генерал-Лейтенант Р. Гайда.
Командующий Екатеринбургской
дружиной войск Сибирской Армии.

револьверная пуля, находившаяся между обшивкой и самой стеной. При выпиливании нижнего участка стены в нём также была обнаружена револьверная пуля, застрявшая в верхнем слое обшивки. Как и предыдущие, эти участки стены также были занумерованы и приобщены в качестве вещественных доказательств.

По окончании осмотра и изъятия вещественных доказательств, комната была вновь закрыта на замок, после чего опечатана должностной сургучной печатью.

Подводя итог следственным действиям, производимым в доме Н.Н. Ипатьева, нельзя не сказать о существенной оплошности, которую допустил как А.П. Намёткин, так и И.А. Сергеев. А именно: никто из них не удосужился сделать фотографии помещений этого дома. (Посему приглашённому уже следователем Н.А. Соколовым Р. Вильтону пришлось фотографировать таковые далеко не в первичном виде. А восточную стену Комнаты II — уже с выпиленными из неё фрагментами).

...8 октября 1918 года в 10 часов 30 минут утра к Сергееву явился дежурный офицер при Коменданте г. Екатеринбурга Прапорщик Алексеев, который от его имени попросил выдать разрешение на занятие дома Ипатьева под квартиру для Генерал-Майора Р. Гайды. (Прибывший в Екатеринбург Р. Гайда на тот момент занимал должность Командующего Новониколаевской группой войск Отдельного Чехословацкого корпуса.)

И.А. Сергеев отказал визитёру в категорической форме, на что последний ответил, что дом Ипатьева всё равно «будет занят вследствие категорического приказа генерала Гайды».

Доложив об этом инциденте своему руководству, И.А. Сергеев вместе с Председателем Екатеринбургского Окружного Суда В.Н. Казем-Беком и Прокурором В.Ф. Иорданским прибыли в дом Ипатьева, где застали чешских солдат, производивших уборку и мытьё

полов помещений верхнего этажа под присмотром чешских офицеров. Попытавшемуся воспрепятствовать этим действиям И. А. Сергееву и прибывшим иже с ним лицам ещё раз было разъяснено, что всё это делается на основании распоряжения генерала Р. Гайды, приказавшего очистить верхний этаж дома к 13 часам дня.

Что мог противопоставить И. А. Сергеев всемогущим военным властям? Лишь только составление соответствующего протокола, под которым расписались В.Н. Казем-Бек, И.Ф. Иорданский и Н.Н. Ипатьев, после чего все вещественные доказательства, хранившиеся в двух опечатанных комнатах, были увезены для дальнейшего хранения в здание Екатеринбургского Окружного Суда.

И, тем не менее, Сергеевым была одержана, хотя и маленькая, но всё же победа: Комната II нижнего этажа, где произошло убийство, оставалась нетронутой и в распоряжении судебных властей.

Прочитав вышеизложенное, читатель и сам мог убедиться, как много для обретения истины было сделано И. А. Сергеевым. Так отчего же столь явное недоверие и откровенный сарказм в адрес этого человека веет со страниц книг Р. Вильтона, М.К. Дитерихса и Н.А. Соколова? И в чём, собственно, он так уж «провинился» перед оными лицами, которые, хотя и в разное время, но, казалось бы, делали одно общее дело?

А ларчик, как говорится, открывался просто...

По мнению упомянутых лиц, предки Ивана Александровича Сергеева были еврейского происхождения. А сам он, со слов Прокурора В.Ф. Иорданского, был сыном крещёного еврея. (Хотя подтверждения этому факту, кроме голословного заявления последнего, так и не были представлены.). Рассуждая о том, что убийство Царской Семьи «было инспирировано по замыслу и руководимо в исполнении нерусскими членами советской власти», Прокурор В.Ф. Иорданский заметил, что «...Сергеев сын крещёного еврея, вследствие чего, оставляя в стороне предъявление ему каких-либо обвинений в ведении следствия, я не могу не отметить, что еврейское происхождение Сергеева неблагоприятно в смысле отношения к нему значительной части Екатеринбургского общества».

То есть, по мнению Прокурора В.Ф. Иорданского — человека с высшим университетским образованием, Члена Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеева с самого начала не следовало назначать на это Следственное Производство.

А из всего этого напрашивался только один вывод: дело об убийстве Русского Царя не может быть раскрыто «каким-то евреем».

И ещё один момент. Когда Член Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеев лишь приступил к работе, вся свободная от большевиков территория бывшей Российской Империи представляла собой конгломерат самых разных правительств, каждое из которых действовало на своей суверенной территории.

А 23 сентября 1918 года на состоявшемся Уфимском Государственном совещании была образована Уфимская Директория, или Временное Всероссийское Правительство, которое по своей сути было эсеровским. Начиная с 18 ноября 1918 года вся верховная власть на свободной от большевиков территории России сосредоточилась в руках Адмирала А.В. Колчака, которого Омское правительство, претендовавшее на роль Всероссийского, провозгласило Верховным Правителем.

17 января 1919 года Верховный Правитель Адмирал А.В. Колчак подписал предписание за № 36 на имя Вр. И. д. Главнокомандующего Западным фронтом Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса, в котором повелевал представить ему все найденные вещи Царской Семьи, а также подлинное Следственное Производство.

Передача И. А. Сергеевым Следственного Производства, а также всех вещей и материалов Генерал-Лейтенанту М.К. Дитерихсу происходила строго по описи и с соблюдением всех юридических формальностей. А, кроме того, при таковой, как было оговорено заранее, присутствовал Прокурор Екатеринбургского Окружного Суда В.Ф. Иорданский. 3 февраля 1919 года генерал М.К. Дитерихс доставил этот специальный груз в Омск.

Во время очередного доклада Верховному Правителю Адмиралу Колчаку о расследовании дела по убийству Императора Николая II и его Семьи Генерал-Лейтенант М.К. Дитерихс рекомендовал оказавшегося волею судеб в Омске Судебного Следователя по важнейшим делам при Пензенском окружном Суде Надворного Советника Н.А. Соколова как единственного кандидата на роль следователя по столь важному делу.

5 февраля 1919 года А.В. Колчак вызвал к себе Н.А. Соколова и предложил ему ознакомиться с материалами Предварительного Следствия, после чего предоставить свои соображения по ходу дальнейшего расследования. Проведя бессонную ночь, Н. А. Соколов уже утром докладывал Верховному Правителю о своём личном видении этого дела. Адмиралу понравился профессионализм и деловитость Н.А. Соколова. Выбор был сделан.

7 февраля 1919 года Н. А. Соколов получает подписанный Министром Юстиции С.С. Старынкевичем Ордер за № 25 а. 12437, в ко-

КЛЯТВЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ.

Объщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангелиемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято законы Имперіи, творить судъ по чистой совѣсти, безъ всякаго въ чью либо пользу.лицепріятія, и поступать во всемъ соотвѣтственно званію, мною принимаемому, памятую, что я во всемъ этомъ долженъ буду дать отвѣтъ предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую слова и крестъ Спасителя моего .
Аминь.

По сему приписанному Лицелу
приняты принимаю
Сер-Сибъ аввадомини и Лицелу
Знаменит. Огуду Н.В.С.С.

14 Декабря 1904 года на кресте орудованіи
Общественнаго Ресурса и Монумента

Присутствующимъ:

Михаиломъ Председателемъ

Меня Сибъ

Меня

Крестъ

Павелъ Трапезникъ

Клятвенное обещание следователя И.А. Сергеева
перед святым Евангелием и крестом Господним

тором тот предлагает ему принять в производство следствие по делам: «1) об убийстве бывшего Императора и его семьи, 2) об убийстве Великих Князей Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича и Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, а равно графа Палей» и в тот же день принимает от Генерал-Лейтенанта М. К. Дитерихса все акты следствия и вещественные доказательства.

Следует отметить, что нынче о Н.А. Соколове написано множество статей, любому стала доступна его книга «Убийство Царской Семьи», подробно рассказывающая о проведённом им следствии. Так что всех читателей, интересующихся следствием Соколова, я адресую к этим источникам.

Что же касается судьбы Члена Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеева, то за свою честность и принципиальность следователь поплатился сполна. Он, как и его предшественник А. П. Намёткин, был расстрелян большевиками буквально в первые же дни их возвращения в Екатеринбург...

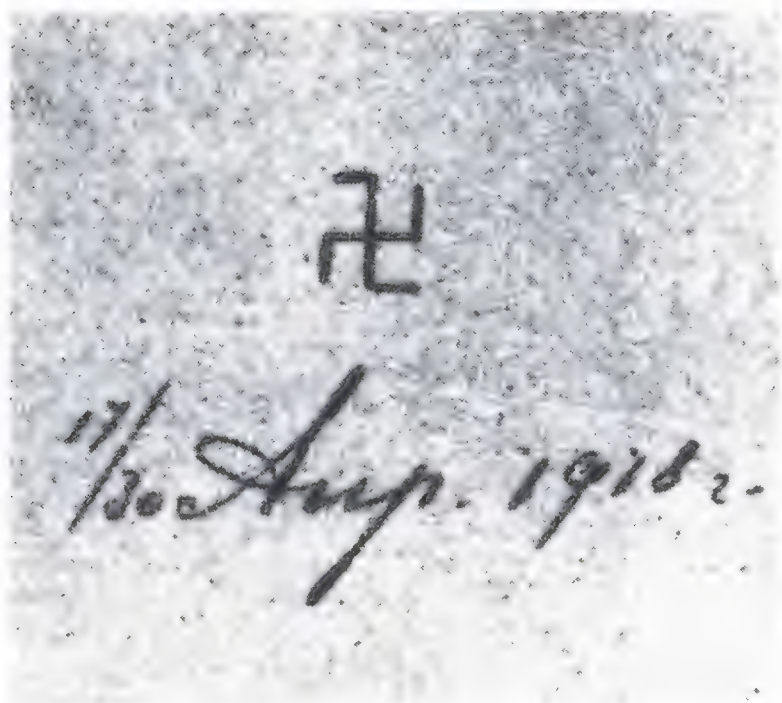
Мифы и легенды «Царского дела»

До сего дня в различной литературе, посвящённой теме гибели Царской Семьи, зачастую высказывается мнение о Её ритуальном убийстве. Первопричиной же этому стали широко известные на сегодняшний день книги Н.А. Соколова («Убийство Царской Семьи»), М.К. Дитерихса («Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале») и Р.А. Вильтона («Последние дни Романовых»). Но, если в книге Н.А. Соколова содержатся лишь полупрозрачные намёки на данное обстоятельство, то в работах двух других авторов данный вывод, можно сказать, проходит красной нитью. Дескать, свержение и ритуальное убийство Русского Царя было задумано сионистами ещё задолго до революции.

И хотя прямых ссылок на это обстоятельство не имеется, анти-семитская направленность этих произведений сквозит сквозь каждую их строчку.

В поддержку таковых в самое разное время появлялись и всевозможные «свидетельства». Как то: опубликованные воспоминания бывшего монаха-расстриги Илиодора (С. Труфанова), поведавшего миру на страницах «Ганноверской газеты» весьма увлекательную историю об отрубленных царских головах, свидетелем уничтожения которых в Московском Кремле он якобы являлся. И надо сказать, что сия тема оказалась настолько животрепещущей, что не раз и не два всерьёз обсуждалась на страницах современных печатных изданий и даже на телеэкранах. Так, к примеру, В. Родиковым была написана целая работа под названием «Легенда о царской голове», а ведущие программы «Взгляд» даже рассказывали о том, как после смерти В.И. Ленина из его сейфа была изъята банка с заспиртованной головой Государя.

Так что же всё-таки явилось первопричиной для слухов о ритуальном убийстве, а иже с ними и об отрубленных головах, загадочных надписях и «тайных» каббалистических знаках?

Знак «Свастика» и дата «заселения» Царской Семьи в дом Ипатьева, выполненные рукой Государыни на оконном косяке

«Подарок» для Лейбы

После того, как Членом Екатеринбургского Суда И. А. Сергеевым было доподлинно установлено, что в ночь с 16 на 17 июля 1918 года доме Ипатьева произошло убийство Царской Семьи, перед следствием встал вопрос о том, куда, собственно говоря, были вывезены и где схоронены трупы жертв этого преступления.

Первичный осмотр заброшенного рудника под названием «Ганина яма» производился Судебным Следователем по важнейшим делам А. П. Намёткиным. Принявший у него Следственное Производство Член Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеев в район означенного рудника не выезжал, а его преемник — Судебный Следователь Н. А. Соколов мог тщательно исследовать таковой лишь весной 1919 года, то есть почти год спустя.

И это не удивительно, так как именно там следствием были обнаружены многочисленные вещественные доказательства, свидетельствующие о нахождении трупов Царской Семьи и Её верных слуг — вставная челюсть Лейб-Медика Е. С. Боткина, чей-то отрезанный палец, сумка Камер-Юнгферы А. С. Демидовой, а также прочие многочисленные предметы, большая часть которых являлась фрагментами одежды и её фурнитуры.

Подойдя к порученному следствию со всей тщательностью, Н. А. Соколов лично прошёл весь путь от дома Ипатьева до рудника.

Но, несмотря на всю тщательность поисков, искомые трупы так и не были обнаружены. (Тем более что времени у Н. А. Соколова для работы на руднике и исследования прилегающей к нему местности было немногим более двух месяцев!) Разумеется, это обстоятельство всерьёз подрывало версию об убийстве, вкупе с которой стали появляться многочисленные слухи о «чудесном спасении Царской Семьи», а также о том, что Её удалось вывезти из Екатеринбурга незадолго

Р.А. Вильтон, аккредитованный корреспондент
газеты «Таймс» в Петрограде. Добровольно
принял участие в Первой мировой войне.
Кавалер Знака Ордена Св. Георгия IV степени.
Активно участвовал в следствии
Н.А. Соколова.
В 1923 г. выпустил книгу
«Последние дни Романовых».

до освобождения города чехословаками. И поэтому нет ничего удивительного в том, что для того, чтобы хоть как-то объяснить причину не обнаружения искомых тел, Н. А. Соколов и его куратор М.К. Дитерихс пошли по ложному следу, взяв за основу своей версии их полное физическое уничтожение. А так как в районе рудника были обнаружены фрагменты каких-то костей со следами, свидетельствующими о том, что они подвергались разрубанию, а также остатки жировых масс, упомянутые выше лица пришли к означенному выводу. И пусть на деле эти кости оказались костями млекопитающих (вероятнее всего, зажаренной на костре свининой: ведь надо же было что-то кушать людям Я.М. Юровского, пытавшимся спрятать в Коптяковском лесу тела убиенных, для чего находившимся там не день и не два!), их версия была выстроена следующим образом. После расстрела тела казнённых вывезли за город, где разрубили на куски. Причём сами тела сожгли, а головы Государя Императора Николая II, Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича увезли в Москву, где передали руководителям партии и государства, как представителям мирового сионистского заговора.

Так, в частности, Н. А. Соколов писал, что: «...трупы Августейших Особ и всех остальных, погибших вместе с Ними, около одной из шахт сначала расчленяли на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина. Трудно поддававшиеся действию огня части разрушались при помощи серной кислоты». (Заметим, что подобный вывод Н. А. Соколов делает только лишь в своей книге, да и то лишь по прошествии лет, а не в материалах Следственного Производства, ведя которое он зачастую позволял себе вносить туда некоторые собственные предположения, относящиеся к тому или иному эпизоду данного дела!)

Заявление Н. А. Соколова об убийстве Венценосной Семьи вызвало в эмигрантских кругах неоднозначную реакцию. Так, Вдовствующей

Фрагмент стены расстрельной комнаты с «пробой пера», оставленной кем-то из сотрудников конторы по продаже чёрных металлов «Макшеев и Голландский». Впоследствии сторонники «всемирного заговора Сиона» усмотрят в этом подтверждение факта ритуального убийства Православного Царя.

щая Императрица Мария Фёдоровна, для которой он написал многостраничный целый доклад, категорически отказывалась верить этому факту, а Великий Князь Николай Николаевич (младший) (как старший представитель Дома Романовых) даже не захотел его принять, чтобы заслушать оный, что называется, от первого лица. А иже с ними написанную им книгу сочли искусной фальсификацией. Но время «убедило» — следствие прав. А раз так, то почему бы не поверить и во всё остальное: в жидо-масонский заговор, разрубленные тела и отрезанные головы в «красном спирту»....

Совершенно очевидно, что своим ошибочным выводом Н. А. Соколов способствовал ещё большему распространению слухов подобного рода. С годами эти слухи продолжали обрастать всё новыми и новыми подробностями, основанными на всякого рода «свидетельствах».

И поэтому нет ничего удивительного в том, что на их фоне так и остались практически незамеченными аргументы, которые Э. Саммерс и Т. Менгольд приводили в своей совместной работе — книге «Досье на Царя» (A. Summers, T. Mangold. «The File the Tsar»), изданной в Нью-Йорке и Лондоне в 1976 году.

Энтони Саммерс и Том Менгольд оспорили утверждения Соколова, подчёркивая, что за два дня, даже принимая во внимание большое количество имевшегося у них бензина и серной кислоты, палачи никак не могли уничтожить более полутонны плоти и костей и развеять пепел, как заявил Ермаков, по ветру. Профессор Френсис Кэмпс, судебный патологоанатом из Британского Министерства Внутренних Дел, специалист с тридцатилетним стажем, объяснил авторам, как трудно, оказывается, сжечь человеческое тело. «Огонь обугливает тело, — пояснил он, — а затем этот обугленный слой предохраняет оставшееся от разрушения». «Что касается серной кислоты, — заявил авторам доктор Эдвард Рич, американский эксперт из Академии Вест-Пойнт, — то имея

одиннадцать взрослых тел, вряд ли можно нанести им слишком большой вред, если не считать обезображенной поверхности».

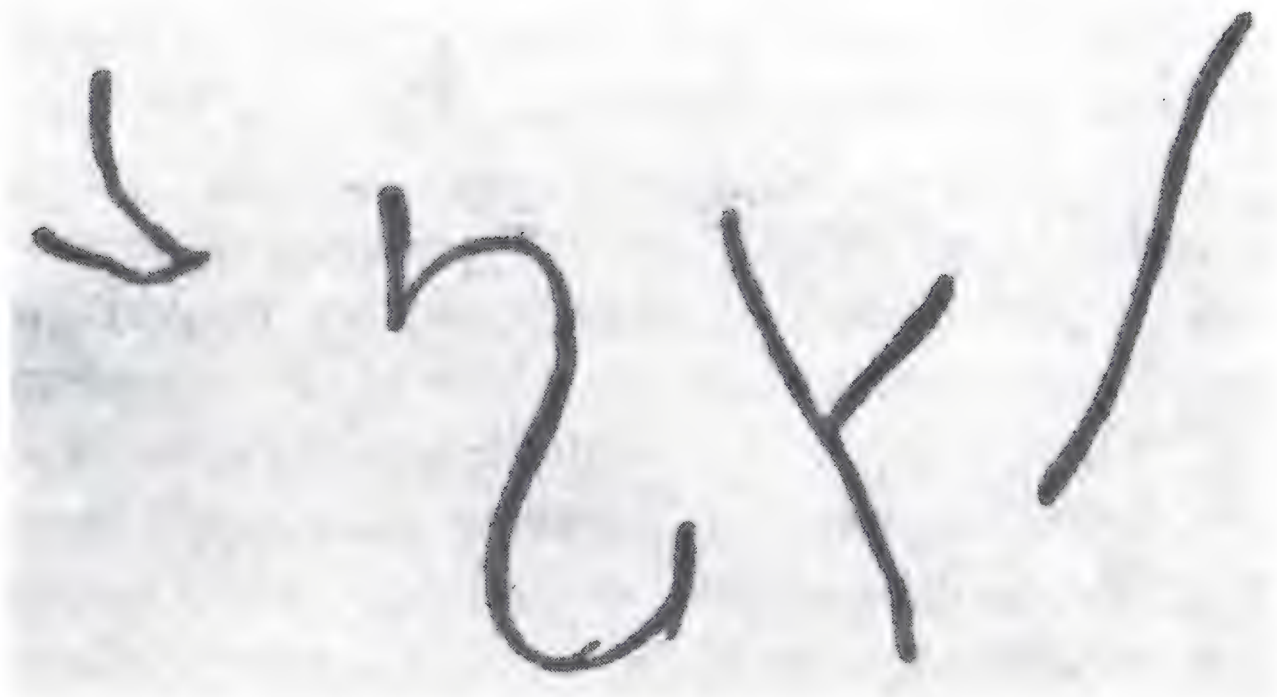
«Наиболее бросающиеся в глаза противоречия в находках Соколова, — в один голос заявили оба эксперта, — это отсутствие человеческих зубов». «Зубы являются единственным практически неразрушимым компонентом человеческого тела, — писали Саммерс и Менгольд. И если одиннадцать трупов членов семьи Романовых и их слуг действительно были сброшены в шахту (если принять за версию, что все трупы были сожжены до пепла, а сам пепел сброшен на дно шахты. — Ю. Ж.), то в таком случае не хватает около трёхсот пятидесяти зубов»...

Следствие по «царскому делу», проведённое Генеральной Прокуратурой РФ в 1990-е и 2000-е годы, также подтвердило абсурдность версии о полном сожжении тел.

Утратив за рубежом остроту сенсации ещё в конце 20-х годов минувшего столетия, эти слухи явились тем самым «хорошо забытым старым», которое всерьёз взяли на вооружение некоторые исследователи «Романовской темы». Именно с лёгкой руки этих авторов, ссылающихся на зарубежные источники, в отечественной прессе в 1991–1992 годах замелькали многочисленные публикации «легенд о царских головах».

Например, в качестве одного из аргументов в пользу этой версии выступил В. Родиков, о котором уже говорилось выше. Так вот, сей автор приводит в своих работах (со ссылкой на бывшего думца В.В. Шульгина) историю гибели Петра Алексеевича Хрусталёва (настоящее имя Носарь Георгий Степанович), согласно которой таковой был убит по приказу Л.Д. Троцкого в начале 1919 года, а «заспиртованная голова Носаря была послана Лейбе в знак исполнения его велений».

Слов нет! Звучит красиво и даже по-восточному коварно! Я бы сказал даже — в реалистично-верещагинской манере, которую он использовал в своём творчестве, посвящённом событиям Русско-турецкой войны... И всё-таки я, наверное, огорчу некоторых «исследователей царской темы», если скажу, что, во-первых, П.А. Хрусталёв-Носарь был убит не в начале 1919 года, а летом. И хотя точная дата его смерти неизвестна, однако точно установлено, что этот факт произошёл вскоре после мая 1919 года. А, во-вторых, решение о ликвидации (расстреле) П.А. Хрусталёва-Носаря было принято вовсе не по указанию Л.Д. Троцкого, а явилось инициативой Переяславского Комитета партии большевиков, вынесшего таковое по инициативе его председателя — И.И. Крадонежа. (Это решение Переяславский Комитет партии большевиков вынес Хрусталёву за его

Якобы
«каббалистическая
надпись»,
обнаруженная
Н.А. Соколовым
под подоконником
в комнате убийства

контрреволюционную деятельность, выражавшуюся в виде открытой агитации местного населения против «жидов-коммунистов».)

По словам же непосредственного участника этих событий А.В. Яновского, П.А. Хрусталёв-Носарь был арестован вместе со своим братом Е.С. Носарем (офицером Добровольческой Армии, прибывшим в Переяславль в отпуск) и Волковым — местным фельдшером. Им также было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, после чего Е.С. Носарь и Волков, без какого либо суда, были расстреляны лично А.В. Яновским, а их трупы сброшены в Днепр.

Сам же П.А. Хрусталёв-Носарь, со слов того же А.В. Яновского, был расстрелян «в городе Переяславле, в доме Симонова отрядом черниговцев», а его труп был также сброшен в Днепр лично А.В. Яновским и двумя его товарищами — И. Каневским и П. Глобой.

Вот так рождаются и... не умирают слухи.

Версия об отрезанных головах, пусть и маловероятная, ещё могла бы иметь место до того, как эксперты провели исследования Царских останков, найденных под Екатеринбургом. Ну а после этого рассуждать далее об «отрезанных головах» в каком бы то ни было аспекте не было никакого смысла, посему и тема эта постепенно сошла на нет.

«Belsazar» или «Belsatzar»

После того, как в 1923 году в Берлине вышла книга Р. А. Вильтона «Последние дни Романовых», в среде русской эмиграции появились разговоры о каббалистических надписях, начертанных на стене той самой «расстрельной» комнаты дома Ипатьева. Одна из таких (обнаруженная И. А. Сергеевым) являла собой строфу из поэмы «немецкого еврея» Г. Гейне «Валтасар», а другая — «каббалистическая» (обнаруженная Н. А. Соколовым при повторном осмотре

дома Ипатьева) — представляла собой изображение в виде четырёх загадочных символов. А ещё под этой же самой «каббалистической надписью» был обнаружен целый столбец цифр, о котором будет сказано немногим позднее.

Так, Р. А. Вильтон, в частности, писал: «Изречение из Гейне о Валтасаре, написанное на обоях комнаты, где произошло убийство Царской семьи, сделано справа у самого входа, а рядом с окном, как раз против того места, где был убит сам Царь, оказалась каббалистическая надпись. Вот как сказано в протоколе осмотра:

«На самом краю подоконника чернилами сделаны одна под другой три надписи: «1918 года» «148467878 p», а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком «87888».

В некотором расстоянии от этих надписей на обоях стены такими же чернилами и такими же толстыми линиями написаны какие-то знаки, имеющие следующий вид (См. рисунок. — Ю. Ж.).

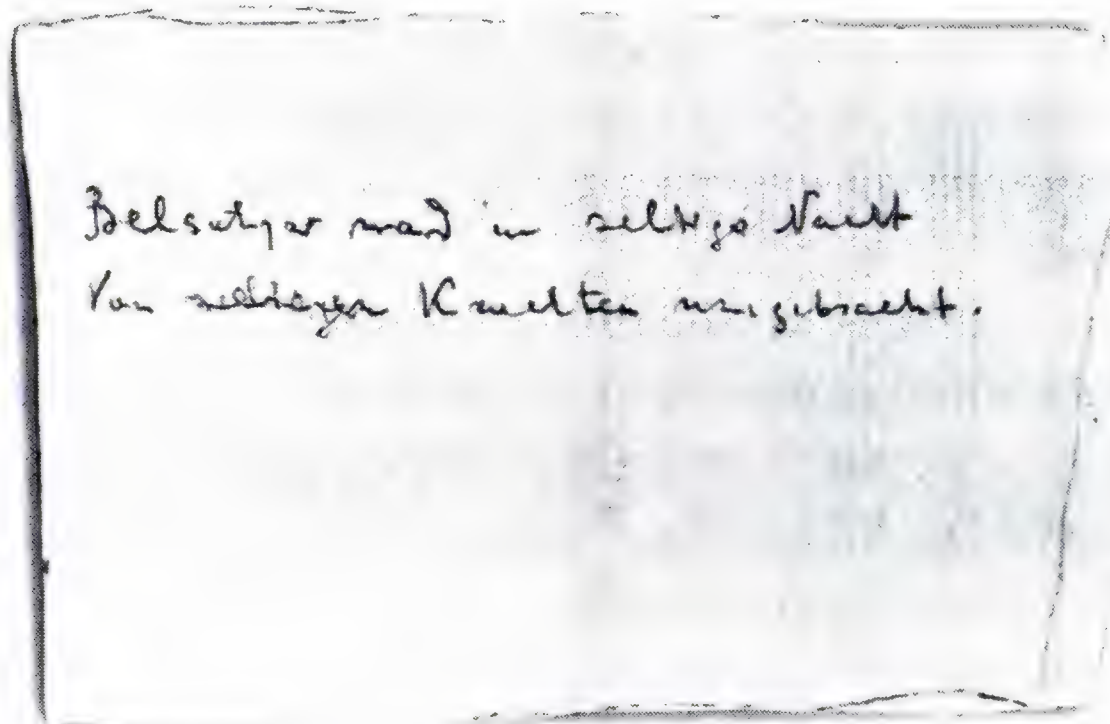
Читатель, если он посвящён в тайны, поймёт». Вот такая, чисто журналистская, интрига. И ничего более...

Но многие читатели поняли так: обе надписи являются бесспорными доказательствами «заговора Всемирного Сиона», ставившего целью убийство Русского Православного Царя.

Правда, они не знают того, что Р. Вильтон, вероятнее всего, намеренно процитировал Н. А. Соколова не совсем точно, опустив в своём тексте без всякого отточия ещё одну надпись из цифр. Ибо у Н. А. Соколова эта выдержка выглядит в следующем виде: «На самом краю подоконника чернилами *чёрного цвета, весьма толстыми линиями* (выделено мною. — Ю. Ж.) сделаны одна под другой три надписи: «24678 РУ. года», «1918 года» «148467878 p» (выделено мною. — Ю. Ж.), а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком «87888» (выделено мною. — Ю. Ж.);

Скорее всего, усечение текста было сделано для того, чтобы у читателя не возникало подозрений, что эти цифры — не более, чем обыкновенные денежные подсчёты.

Небезынтересно также и то, что эти денежные подсчёты, выдаваемые упомянутым автором за «загадочные надписи», на деле (согласно записи в протоколе Н. А. Соколова) оказались написанными на обоях «в расстоянии полувершка» от всех прочих надписей. То есть не «в некотором расстоянии», как писал Р. Вильтон, а в непосредственной близости. А уж если быть ещё более точным, то всего в двух сантиметрах! И такая деталь: «каббалистические» знаки и цифры написаны одним почерком.

Строчка из
стихотворения Г. Гейне
«Валтасар», оставленная
рукой Я.М. Свикке

Попробуем разобраться в этом хитросплетении мистики, домыслов и таинственных надписей. Для этого снова обратимся к книге Р. А. Вильтона.

«На стене низкой комнаты, когда следователь в неё вошёл, виделась немецкая надпись-цитата из Гейневской поэмы Belsazer:

„*Belsatzar ward in selbiger Nacht Von seinen Knechten umgebracht*”». (Выделено мною. — Ю. Ж.)

(Валтасар был этой ночью убит своими слугами).

Еврей «с чёрной, как смоль, бородой», прибывший, по-видимому, из Москвы с собственной охраной к моменту убийства в обстановке крайней таинственности, — вот вероятный автор надписи, сделанной после убийства и после ухода «латышей», занимавших полуподвальное помещение; последние были на это по своему низкому умственному развитию совершенно неспособны. (Это я пересказываю версию Р. Вильтона. — Ю. Ж.)

«Во всяком случае, тот, кто сделал эту надпись, хорошо владел пером (или, точнее, карандашом), — продолжает Р. Вильтон. — Он позволил себе даже каламбур с именем царя (*Belsatzar* вместо *Belsazer*); монарх этот расположением евреев не пользовался, хотя зла пленным евреям не причинял. Понятен намёк на Библию. Николай тоже зла евреям не сделал; их было много среди его подданных, но он их не любил: то был в глазах Израиля грех смертный. И ему устроили тяжкую смерть — быть убитым своими».

Возникает вопрос: а откуда автор сам узнал об этой надписи? Ответ прост. Р. А. Вильтон принимал участие в работе белогвардейского следствия в 1918–1919 году и имел личную копию настоящего Следственного Производства. Среди множества протоколов там был и протокол осмотра вещественных доказательств Н.А. Соколовым, в котором перечислялись предметы, переданные членом Екатерин-

бургского Окружного Суда И.А. Сергеевым. Процитируем документ из уголовного дела, где Соколов комментирует обнаруженную Сергеевым надпись:

«...1. Кусок обоев. (...)

2. Кусок обоев, имеющих форму прямоугольника, стороны коего составляют 9 1/2 и 13 1/2 сантиметров. Задняя сторона этого куска также носит следы клея. Цвет обоев такой же, как и у предыдущего куска.

На этом куске имеется сделанная таким же чёрным карандашом надпись.

Сергеевым надпись передаётся следующим образом:

„Besat (zar?) var in selbign Nacht Vom schlagu Knechten umgebracht”. (Выделено мною. — Ю.Ж.)

При осмотре этой надписи оказывается, что: а) первые два слова в ней составляют одно слово; б) ни скобок, ни вопросительного знака в подлинной надписи нет; в) она изложена не в виде одной строки, а в виде двух строк, явно имея характер стихотворения; г) в подлинной надписи совсем нет слова „schlagu”; д) окончание слова „selbign” передано неправильно.

В действительности эта надпись имеет следующий вид:

„Belsatzar ward in selbiger Nacht Von seinen Knechten umgebracht”. (Выделено мною. — Ю.Ж.)

Таким образом, надпись эта сделана на немецком языке, не готическим, а латинским шрифтом.

В этой надписи буква немецкая „R” написана в виде „г”, как иногда она пишется при беглом письме. При этом человек, писавший эту букву, пишет её несколько неразборчиво, так что более явно отмечается крючок этой буквы.

Слово, принятое Сергеевым за слово „schlagu”, как это совершенно ясно видно через лупу, означает слово „seinen”. Неясность при чтении этого слова происходит от следующей причины. Сначала в тексте было написано слово „selbigen”, но затем автор надписи зачеркнул слово горизонтальной волнистой карандашной чертой и по зачёркнутому тексту написал слово „seinen”. Вышеприведённая надпись является двадцать первой строкой произведения Гейне „Belsazar”. В переводе на русский язык это последнее слово означает „Валтасар”. Вышеприведённая фраза в переводе на русский язык имеет такой смысл:

„В ту же самую ночь царь Валтасар был убит своими приближёнными (подданными)”.

При сличении этой фразы с фразой Гейне в вышеупомянутом его произведении оказывается, что в надписи отсутствует лишь слово „aber”, означающее в переводе на русский язык „но”, „однако”, „всё-таки”.

У Гейне двадцать первая строфа читается так:

„Belsazar ward aber in selbiger Nacht Von seinen Knechten umgebracht”. (Выделено мною. — Ю.Ж.)

Видимо, можно предположить, что автор надписи выбросил этот союз „но” из надписи, как выражающий самостоятельный смысл явления, а не являющийся противоположением двадцатой строфы, как она передаётся у Гейне.

Кроме того, автор в слове „Belsazar” употребляет букву „t”.

Понятые Судебный Следователь Н. Соколов».

Из приведённого выше документа видно, что следствие Н. А. Соколова не делало каких-либо предварительных выводов в отношении некоего «еврея с чёрной, как смоль, бородой», а также не вдавалось в рассуждения об умственных способностях «латышей», состоящих в так называемой внутренней охране ДОН.

Рассуждения же Р.А. Вильтона были основаны исключительно на его личных позициях, краеугольным камнем которых являлся весьма популярный в то время антисемитизм.

Не желая далее развивать эту, на мой взгляд, абсолютно бесперспективную тему, считаю необходимым привести следующие, весьма небезынтересные факты.

Рижский публицист А.Н. Грянник был, пожалуй, первым, обратившим внимание на тот факт, что в архиве Военного музея Латвии имеется личный фонд Я.М. Свикке (в книге представлена страница анкеты, заполненная его рукой: Ф № 2–60566/1065-VII), почерк которого ему показался схожим с почерком, оставленным неизвестным лицом в подвале дома Ипатьева.

Вот что он писал по этому поводу:

«В Приложении имеется образец его (Я.М. Свикке. — Ю.Ж.) почерка, сравнивая который с известной надписью в комнате расстрела в Ипатьевском доме об участии царя Валтасара (она имеется в книге Соколова), эксперт-графолог нашёл между ними сходство, но провести экспертизу невозможно ввиду плохого качества изображения в книге. Это при том, что Свикке знал немецкий язык и работал в своё время преподавателем в школе.

Известно, что комиссар Свикке находился на Урале до начала декабря 1918 года, что видно из документов...».

Располагая впоследствии более хорошей копией этой надписи, мне удалось провести независимую почерковедческую экспертизу. И, надо сказать, предположения рижских экспертов полностью подтвердились.

Но кроме перечисленного, на мой взгляд, заслуживает внимания также и следующий факт.

В почерках неизвестного лица, оставившего свой «автограф» в полуподвальной комнате дома Ипатьева, и комиссара Я.М. Свикке (представляющих собой несомненную схожесть в написании) имеются не только общие признаки, но и ярко выраженные индивидуальные особенности. Как отмечено у Н. А. Соколова «... автор надписи зачеркнул это слово горизонтальной волнистой карандашной чертой...».

Точно такого же типа «горизонтальная волнистая черта» имеется в машинописном тексте 1-го листа «Воспоминаний о раскрытии трёх заговоров на Урале», хранящихся в архиве Военного музея Латвии, который был явно отредактирован рукой Я.М. Свикке.

А если наша версия верна, то с большой долей уверенности можно говорить о том, что имеющееся в строфе слово «Belsatzar» вовсе не является искажённым или неграмотным написанием слова «Belsazar».

Написанное в таковом виде (то есть с добавлением в него буквы «t») оно приобретает совершенно другой смысл и представляет собой уже не имя царя Валтасара, а игру слов латышского и русского языков: «Belsat» — жаргонное слово латышского языка, выражающее такие значения, как: «балда», «недоумок», «дурак», «придурок» и т. д., а слово «zar» является латинской транскрипцией русского слова «царь». В связи с этим обстоятельством отсутствие союза «aber» уже не кажется случайным, так как именно его отсутствие даёт этой фразе тот самый смысл, который в неё изначально хотел заложить Я.М. Свикке.

А так как Я.М. Свикке прекрасно «владел пером» и в совершенстве знал не только латышский, но и немецкий языки (в своё время он окончил техникум в немецком городе Митвейде), то, учитывая все перечисленные выше обстоятельства, скорее всего, именно он и был автором той самой «сакраментальной» надписи, сделанной уже после разыгравшейся в доме Ипатьева трагедии.

Заявления же некоторых авторов о том, что Я.М. Свикке принимал непосредственное участие в этом убийстве, на мой взгляд, являются беспочвенными, так как многочисленные факты говорят как раз против этой версии.

А теперь, когда читатель наконец-то узнал, кто на самом деле является автором упомянутой надписи, автор продолжит свой рассказ о «каббалистических» знаках.

«Демон» и чудеса смыслотехники

Мы уже знаем: среди непосредственных убийц Царской Семьи был только один этнический еврей — Я. М. Юровский. Но ещё в 1903 году, изменив вере отцов, он, будучи в Германии, совершил обряд крещения и стал лютеранином.

Так что на вопрос товарищей о какой-то обнаруженной следствием «каббалистической надписи», заданный ему во время выступления на Совещании Старых большевиков в 1934 году, Яков Михайлович прямо заявил, что: «это недопустимо, не могло быть, это может быть произведение белых, может быть, они сами написали».

А вот его соратник — чекист М. А. Медведев (Кудрин), рассуждая об этой надписи (о которой узнал из книги Н. А. Соколова), всегда склонялся к тому, что некто просто проверял на обоях нажим пера перед тем, как заняться несложными бухгалтерскими подсчётами, свидетельством чему и являются имевшиеся ниже столбцы цифр.

Но вот что интересно. Так называемые «каббалистические знаки» были написаны на стене не горизонтально, а под значительным наклоном сверху вниз. Одним из первых, кто обратил внимание на это, был известный французский исследователь русского происхождения Николай Георгиевич Росс.

Внимательное изучение оригинальной фотографии и материалов следственного дела нам позволяет сделать несколько замечаний по поводу этой знаменитой «каббалистической» надписи.

По материалам следствия известно, что со стены, на которой изображена «каббалистическая» надпись, было удалено несколько кусков штукатурки с обоями, на которых фигурировали настенные надписи (см. док. № № 14, 154 и 194). Маловероятно, что тогда не заметили «каббалистической» надписи и расчётов около неё и их также не удалили (или списали).

По определению следствия, «каббалистическая» надпись и цифровые надписи на подоконнике около неё произведены теми же чернилами и, вероятно, той же рукой.

Подоконник — самое светлое место комнаты, если не зажигать электричества. По определению Сергеева, окно находится на высоте 1 аршина 7 вершков от пола комнаты (примерно 1 м 2 см): это означает, что Сергеев точно измерял эту высоту. Весьма маловеро-

ятно, что он не заметил «каббалистической» надписи, находящейся на расстоянии полувершка от подоконника и, тем более, надписей на последнем.

Надпись начертана толстыми линиями, очень ярко и свежо выступает на фоне фотографии.

Вышеприведённые факты позволяют заключить с большой долей вероятности, что «каббалистическая» надпись была начертана после осмотра комнаты Сергеевым, т. е. после 14 августа 1918 г. Скорее всего она является «пробой пера» человека, затем использовавшего подоконник для каких-либо расчётов».

С этим трудно поспорить, однако его предположение о том, что данная надпись была начертана кем-то уже после осмотра комнаты И. А. Сергеевым, на мой взгляд, лишена логики. Комната эта, равно как и часть первого этажа, после приобретения Н. Н. Ипатьевым дома в собственность, были сданы в аренду конторе Агентства по торговле чёрными металлами «Макшеев и Голландский». И странным было бы предположить, что его сотрудники никогда не занимались какими-либо видами денежных расчётов. Ибо цифры «24678 ру», «148467878 р» и «87888» есть не что иное, как денежные суммы, в пользу чего говорят буквенные сокращения «ру» и «р».

Но вот что странно. Если денежные суммы в 24 678 и 87 888 рублей ещё можно отнести к какому-то виду «настенной бухгалтерской отчётности» упомянутой конторы, то сумма в 148 467 878 рублей — это, казалось бы, уже из области фантазии! Ибо таковая чуть ли не в 50 раз перекрывала финансовую статистику всей Пермской губернии за 1915 год! Но это только на первый взгляд.

В 1918 году в ходу были денежные купюры достоинством в 20 и 40 рублей (так называемые «керенки», запущенные в оборот Временным Правительством), которые ещё в 1917 году по отношению к бывшему полноценному царскому рублю ценились на 15–20% ниже.

А после того, как в марте 1918 года Уральский Облсовет получил разрешение Экспедиции заготовления государственных бумаг Наркомфина Р. С. Ф. С. Р. на выпуск Областных кредитных билетов Урала чрезвычайного выпуска (фактически бон достоинством в 1, 5, 25 и 100 рублей), себестоимость новых уральских денег по отношению к царскому рублю снизилась уже в несколько десятков раз.

Но наряду с «керенками» в России имели также хождение и так называемые «думские деньги» номиналом в 250 и 1 000 рублей, запущенные в оборот в апреле 1917 года. К началу 1918 года они полностью обесценились. Так что если кто-то имел таковые в наличии и желал бы

Я.М. Свике. 1917 г.

Его рукой была написана строка из поэмы Г. Гейне «Валтасар» на стене комнаты, где была убита Царская Семья.

ими рассчитаться с упомянутой конторой, то их количество действительно могло исчисляться миллионами.

А если принять эту версию за основу, то тогда надпись «24687 ру.» представляет собой денежную сумму в 24 тысячи 687 рублей, а надпись 148 467 878 р.» — денежную сумму в 148 миллионов 467 тысяч 878 рублей.

Но тогда перед нами встаёт вопрос: почему автор этой надписи к первой группе цифр добавляет обозначению «ру», а ко второй — «р», а к третьей («87 888») — ничего не прибавляет? К сожалению, ответить на этот вопрос сегодня не представляется возможным... Можно лишь только гадать, что, собственно, и делают некоторые авторы.

Так, к примеру, в числе так называемы «радетелей за правду» оказался А.Б. Разумов, который выложил в интернет собственное видение этой проблемы, построив свою теорию на том, что эти цифры — не что иное, как «секретное донесение» Я.М. Свике В.И. Ленину.

«Я считаю, что цифры записаны рукой Свике (Родионова). Почему я так думаю? (Далее упомянутый автор цитирует известного исследователя О.А. Платонова. — Ю. Ж.)

(...) В своих воспоминаниях «Ясные дали» Свике рассказывает, что «книжка Лермонтова „Демон” служила между мной и В.И. Лениным для обмена зашифрованными заданиями и соответствующими донесениями Ильичу». А затем продолжает. «Итак, если рукой Свике написаны эти чёрные цифры, мы можем попытаться понять, что же содержит эта запись. Попробуем её разобрать. 2 4678 ру. года 1918 года 148 4678 78 р.

Допущу, что цифры — порядковые номера стихов в поэме. В таком случае у нас катастрофически не хватает информации. Нет номеров строк и номеров слов в строках. Свике, скорее всего, держа книгу перед глазами, только делал в ней пометки — подбирал слова для донесения, — записывая на подоконнике лишь номера стихов. Неужели тупик? Не совсем.

Мы знаем, что произошло той ночью в доме. Мы можем уверенно предположить, что мог или должен был сказать Ленину Свике в своей шифрограмме-депеше. Попробуем вслед за ним подобрать слова, которые могли бы заинтересовать Свике.

Первая строчка на подоконнике: „24678 ру. года”.

Первая цифра — „2”. Второй стих, и единственное подходящее слово „сопротивленья”:

Он не встречал сопротивления —

И зло наскучило ему.

Вторая цифра — „4”. В четвёртом стихе два подходящих к событию слова: „жизнь” и „ночи”. Свике выбирает „ночи”. Слово „жизнь” ему пригодится чуть позже.

Таким же образом находим слова „дом” (6), „царь” (7) и „семья” (8).

Тогда первая строка цифр означает: „сопротивленья (2) ночи (4) дом (6) царь (7) семья (8)”.

Что могут значить буквы „р” и „у”?

В таком контексте логично предположить, что это слова: „р (омановых) у (биты)”. Тогда полностью запись выглядит, как: «сопротивленья (2) ночи (4) дом (6) царь (7) семья (8) р (омановых) у (биты). года».

Или:

„(Без) сопротивления ночью (в) доме царь (и) семья р (омановых) у (биты). года” 1918 года.

Черновик донесения готов. Но Свике не хватает слова „убит”. И он лихорадочно его ищет. Но всё дело в том, что в „Демоне” нет слова „убит” или „убиты”. И тогда он заменяет это слово словосочетанием. Вот поэтому в третьей строке цифр (148467878 р) исчезает буква „у” и появляются две лишние цифры — 7 и 4 — „лишился (7) жизнь (4)”.

Полностью третья строка: сомненья (1) ночи (4) тайное (8) дом (6) царь (7) семья (8) наследницу (8) лишился (7) жизнь (4) р (оманов)

Или:

„(Без) сомненья ночью тайно (в) доме царь (с) семьей (и) наследником лишился жизни”».

Ну, что тут скажешь? Лихо по-кавалерийски! А главное — с наскока! Но ведь таким методом можно доказать всё что угодно! Правда не совсем понятно, зачем секретный агент Ленина оставляет тайное послание вождю в таком месте, где тот его никогда не сможет увидеть... И потом А.Б. Разумов как-то забыл, что надпись про царя Валтаса-

ра (выполненная рукой Я.М. Свикке) была сделана карандашом. А нагромождение цифр — чернилами. Или автор считает, что Я.М. Свикке кроме «Демона» всегда таскал при себе не только карандаши, но и походную чернильницу с набором перьев?

Каббалистические знаки

А теперь наступило время вкратце рассказать о самом главном. О той самой «каббалистической надписи».

Первые расшифровки этой надписи были приведены во втором русскоязычном издании книги Р. А. Вильтона «Последние дни Романовых», так как после упоминания о них в первом варианте своей книги он получил несколько писем от «знатоков» подобного вида письменности.

Пожалуй, самое известное прочтение этой надписи принадлежит М.В. Скарятину, изложенное им под псевдонимом «Энель» в книге «Жертва» (1925 г.).

«Расставим буквы в их правильном расположении и приступим к их чтению справа налево.

Первая буква — скорописное начертание — „ламед” древнееврейского языка (так называемая арамейская азбука). Это двенадцатая буква алфавита, коей числовое значение 30, коей каббалистическое основание 3 (то есть $3 + 0 = 3$).

Вторая буква — та же буква „ламед” в самаритянской транскрипции.

Третья буква — греческая ламбда, соответствующая древнееврейскому „ламед”.

В собственном смысле означает — „разогнутая рука”. Это понятно из формы рисунка, который не что иное, как сокращение древнего египетского иероглифа „Lusain”, изображающего человека, разгибающего свой бицепс, как бы для удара. Отсюда проистекает символический смысл — мщение, и, наконец, как развитие этого же символа — насильственная смерть.

Изучая скрытый смысл корня (двойной „ламед”), сохранившегося в арабском языке, мы узнаём, что он обозначает „отчаяние четвертованного человека”.

Третий усиливает эту мысль, подчёркивая безысходность положения.

Божественное имя, соответствующее , является именем, состоящим из 3-х букв (Шадай), эмблема которого и который управляет сферой Сатурна (). Число Сатурна также 3.

Весь этот материал нам даёт ещё очень мало, так как надпись продолжает оставаться не расшифрованной. Единственное заключение, которое мы имели бы право сделать, это то, что мы находимся на том месте, где насильственная смерть послужила мщением. Но мы уже знаем, что каббалисты изощряются в различных способах криптографии, как-то: перемещение букв, соединение фразы в одном слове, избирая для этого изображения основной корень каждого слова и т. д.

Вот несколько примеров, заимствованных у Молитора.

...Пример IV. — Каждая древнееврейская буква имеет своё цифровое значение; при этом, по каббалистике, буквы и цифры могут быть взаимно замещаемы. Кроме того, применяется сложение цифр, рассматривая слово как сумму цифр, ему соответствующих. Так, слово **אדא** — Адам равнозначит цифрам 40, 4, 1. Сложение нам даёт $40 + 4 + 1 = 45$. Но для более свободного обращения с цифрами их приводят к их начальному основанию, т. е. к числу, меньшему десяти. Таким образом, складывая цифры, составляющие 45, получаем $4+5=9$. Число, определяющее слово Адам, — 9. Но число 9 означает в то же время окончание эволюции созидającego принципа, т. к. раз эволюция закончена, то основной принцип возвращается к единице (единству): $10 = 1 + 0 = 1$; $1 + 0 + 0 = 1$ и т. д.; по этой причине число 9 является символом превосходства человечества, завершением создания Творца.

Талмуд определяет такие применения иероглифики „благоуханием мудрости”.

Возвратимся к интересующей нас надписи. Здесь скрытый символ ещё более глубокий, т. к. буква **א** изображена три раза на трёх различных наречиях. Оставляя пока объяснение выбора наречия, попробуем расшифровать каббалистическое значение трижды повторённого „ламед”. Для этого необходимо исследовать понятие о человеке, согласно Каббале».

Чтобы не утомлять читателя дальнейшими рассуждениями означенного автора, сразу же приведу его перевод этой таинственной надписи: «Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесён в жертву для разрушения Государства. О сём извещаются все народы».

Автора мало волнует, откуда бы среди лиц, имевших отношение к убийству Царской Семьи (Я.М. Юровский, Ф.И. Голощёкин, И.И. Родзинский), весьма посредственно образованных и как на подбор воинствующих атеистов, такое знание каббалы, древнееврейского, древнегреческого и самаритянского языков, каким не владеют и учёные

мужи... (Кстати, хотелось бы также отметить, что каббала во всех своих построениях пользуется только буквами древнееврейского алфавита и категорически запрещает какие бы то ни было знаки, иероглифы, символические изображения и тому подобное).

Таким образом, будучи фактически недоступной для широкого круга читателей и исследователей (то есть о ней слышали, но не имели реальной возможности для более близкого ознакомления), брошюра М.В. Скарятин (Энея) «Жертва» стала некоей «истиной в последней инстанции» для многих наших «исследователей», хотя... никто её не читал.

Однако полностью вся правда открылась лишь тогда, когда Старший прокурор-криминалист Отдела криминалистики Главного Следственного Комитета Генеральной Прокуратуры РФ В.Н. Соловьёв (перед которым Синодальной Комиссией РПЦ был поставлен вопрос: было ли убийство Царской Семьи ритуальным или же нет?) всё же смог разыскать эту брошюру и обстоятельно процитировал её в составленном им документе под наименованием «Проверка версии о так называемом „ритуальном убийстве“ семьи Российского Императора Николая II и лиц из его окружения в 1918 году».

«С точки зрения закона, — пишет В.Н. Соловьёв, — обсуждение вопроса о „ритуальных убийствах“ некорректно, поскольку существующее российское уголовное и гражданское законодательство не знает такого понятия. Российскому законодателю до 1917 года также не было известно такое юридическое понятие, хотя существовали неоднократные попытки проведения процессов об убийствах как о преступлениях „ритуальных“. Нам неизвестно ни об одном следственном деле или судебном процессе о „ритуальных убийствах“, возникшем после октября 1917 года. Характерно, что такие процессы не проводились даже в фашистской Германии, где евреи преследовались повсеместно».

И ещё. В.Н. Соловьёв был первым, кто обратил внимание на такую немаловажную деталь: результаты «исследования» Энея не были подтверждены никем из учёных — специалистов по древним языкам и иудаизму. Да что говорить, если сам издатель Энея — Борис Верный в предисловии к его книге отзывался о его «толкованиях» крайне скептически.

В заключение же хочется отметить, что неосведомлённость или шарлатанство Энея, — это кому как больше нравится, — было окончательно разоблачено в 2004 году группой московских гебраистов Российского Государственного Гуманитарного Университета.

«Все сочинения, — писали они в заключении, — на которые автор ссылается как на авторитетные, не относятся к научной литературе (...) Брошюра Энеля не имеет никакой научной ценности (выделено мною. — Ю.Ж.) и поэтому не может быть использована в качестве основополагающего или даже подсобного документа ни в каком юридическом процессе».

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы также отметить, что, начиная с 1993 года, в ходе произведённого Генеральной Прокуратурой РФ следствия было произведено ознакомление с многочисленными свидетельскими показаниями Предварительного Следствия 1918–1919 года, а также изучены прочие источники, хранящиеся в различных архивах. Наряду с этим были также изучены и сохранившиеся личные дела основных фигурантов этого преступления, непосредственно выносивших решение о расстреле Царской Семьи: их национальность, религиозная принадлежность и т. д. В общем, как говорится, вся их подноготная на протяжении всего их жизненного пути... И что же?

Вывод следствия категоричен: ритульное убийство, каббалистические знаки и пр. «веские аргументы» в пользу жидо-масонского заговора есть не что иное, как плод воображения людей, даёких от знания событий, происходивших в реальной действительности.

Когда дописывались эти строки, подумалось: а ведь вряд ли я смог убедить оппонентов официальной версии. Ведь снова и снова будут раздаваться голоса, что таковая является версией «еврейских и масонских историков», не признающих «ритуального характера надписи из четырёх знаков на южной стене». И что они-де в который уже раз «... пытаются объяснить её „пробой пера“ человека, затем использовавшего подоконник для каких-либо расчётов».

На это я отвечу. Оставайтесь, господа, при своём мнении. Ибо переубеждать кого-либо я не собираюсь.

Вы доказываете, что надпись сия «извещает все народы»? Тогда позвольте Вас спросить, почему это извещение надо рассматривать, чуть ли не через микроскоп? И не менее ли нелепой, выражаясь словами уважаемого О. А. Платонова, выглядит данная мысль?

Очень жаль, если Вы, господа, «ревнители памяти Государя», этого до сих пор не поняли. Ибо время уже давно всё расставило по своим местам!

Упорство же Ваше в этом вопросе и очередные поиски несуществующих врагов Веры Православной только лишь оскорбляют память о Государе и Его Семье, принявших Мученический Венец за Свой горячо любимый Русский Народ!

Претерпевшие до конца

В начале апреля 1918 года Президиум Исполкома Уральского Областного Совета начинает разворачивать активную кампанию по переводу Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург, в которую с не меньшей энергией включается и центральная власть в лице Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.

Для доставки Августейших Узников в столицу Красного Урала в Тобольск направляется московский посланец — известный уфимский боевик В. В. Яковлев (К. А. Мячин), который на время выполнения этого ответственного задания наделяется полномочиями Чрезвычайного Комиссара ВЦИК. Прибыв в Тобольск вместе со своим отрядом 22 апреля 1918 года, В. В. Яковлев решает вывезти лишь троих — Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну, а остальных (в виду болезни Наследника Цесаревича) временно оставить в Тобольске до открытия весенней навигации. Сопровождают Венценосную Семью Князь В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, А. С. Демидова, Т. И. Чемадуров и И. Д. Седнев — кандидатуры были отобраны по желанию самих Августейших Особ, после чего согласованы непосредственно с В. В. Яковлевым.

Так кто же они были — эти люди, не пожелавшие оставить своего Государя и Его Семью в дни тяжёлых испытаний?

По своему общественному положению до 1917 года, то есть до того времени, когда совместным Декретом ВЦИК и СНК Р. С. Ф. С. Р. от 10/23 ноября «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» были отменены «фальшивые титулования», главенствующее место среди перечисленных лиц занимал Князь В. А. Долгоруков-1-й.

Гофмаршал Министерства Императорского Двора и Уделов

Князь Василий Александрович Долгоруков-1-й

Род князя Василия Александровича Долгорукова-1-го относился к древнейшему роду Рюриковичей.

Гофмаршал Министерства
Императорского Двора и Уделов
Князь В.А. Долгоруков.
Тобольск, 1917 г.

Его мать — Графиня Мария Сергеевна Бенкендорф (урожд. Княжна Долгорукова) в замужестве с Обер-Церемониймейстером Князем Александром Васильевичем Долгоруким 1 августа 1868 года родила сына Василия. Однако их брак был недолгим. Овдовев в 1876 году, она уже на следующий год сочеталась повторным браком с Обер-Гофмаршалом Министерства Императорского Двора и Уделов Графом Павлом (Леопольдом-Иоганном-Стефаном) Константиновичем Бенкендорфом.

Аристократ по происхождению и представитель высшей петербургской знати, Князь В. А. Долгоруков обладал таким редким качеством среди людей этого круга, как исключительная скромность. А его честность и прямота переходили в бескомпромиссность.

Образование он получил в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе, начав в нём службу 1 сентября 1888 года. После окончания этого элитного учебного заведения в чине Корнета был зачислен в Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк.

10 августа 1894 года Князь В. А. Долгоруков восприизведён в чин Поручика, а в 1896 году назначен на должность Флигель-Адъютанта Свиты Е. И. В. Государя Императора Николая II, личную дружбу с которым он будет поддерживать до конца своих дней.

Службу он исполнял исправно — чины и звания шли своим чередом: 9 апреля 1900 года он был восприизведён в чин Штаб-Ротмистра, немногим более чем через два года (10 августа 1902 года) — в чин Ротмистра с назначением на должность Командира эскадрона Лейб-Гвардии Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка, а ещё почти через два года (28 марта 1904 года) в чин Полковника. 12 марта 1912 года Князь за особые отличия был восприизведён в чин Генерал-Майора с зачислением в Свиту Е. И. В. Государя Императора Николая II.

С началом Первой мировой войны Князь В. А. Долгоруков состоит при Ставке Верховного Главнокомандующего как Генерал-Майор Свиты Е. И. В., сначала в качестве Помощника Гофмаршала Министерства Императорского Двора и Уделов, а затем и Гофмаршала. (Князь В. А. Долгоруков за беспорочную службу на протяжении без малого тридцати лет награждён следующими орденами: Орденом Св. Анны 3-й степени (1904); Орденом Св. Анны 2-й степени (1906); Орденом Св. Владимира 3-й степени (1911); Орденом Св. Станислава 1-й степени (22.03.1915).

После отъезда Государя из Могилёва и Его дальнейшего следования в Царское Село Князь В. А. Долгоруков был единственным человеком, с кем Он изредка общался в пути следования. И надо сказать, что их взаимоотношения строились отнюдь не из-за приближённости Князя к Государю по службе или каких-то его верноподданнических проявлений. Просто личные качества Князя были очень близки настроениям и натуре самого Государя, подобно ему отличавшегося исключительной личной скромностью и честностью.

И примером тому — цитата из книги М. К. Дитерихса, который, со ссылкой на показания Коменданта Александровского Царскосельского Дворца Полковника Е. С. Кобылинского, ставит в пример поведение князя В. А. Долгорукова после прибытия Императорского поезда в Царское Село:

«Я не могу забыть одного явления, которое я наблюдал в то время; в поезде с Государем ехало много лиц Свиты. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимые проникнутые чувство страха, что их узнают. Прекрасно помню, как удирал тогда начальник походной канцелярии Императора генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была некрасива».

Выйдя из вагона, Государь сел в автомобиль вместе с Князем В. А. Долгоруковым, который объявил себя добровольно арестованным.

Во всё время заточения Царской Семьи в Александровском Дворце вместе с ней находился и Князь В. А. Долгоруков (или просто «Валя», как называл его Государь в семейном кругу).

А когда Министр-Председатель А. Ф. Керенский объявил Августейшим Узникам, что Они будут направлены «в тобольскую ссылку», Князь В. А. Долгоруков без промедления изъявил желание последовать в Сибирь за своим Государем.

«Гулял и работал с Вале́й» — почти рефрен в письмах и дневнике Государя. И в своих дневниковых записях, сделанных в Тобольске, Государь также не обходит вниманием князя В. А. Долгорукова, ставшего для него ещё более близким человеком.

17 декабря [1917 года] (...) *Гуляли долго, дети, как всегда, возились отчаянно с В. Долгор. [уковым] и mr. Gillard*».

Упоминает его, как наиболее близкого Ей человека и Государыня. Так в письме к А. А. Вырубовой за 8 декабря этого же года Она пишет: «Только Жилику (П. Жильяру. — Ю. Ж.) и Вале твои снимки показала, дамам не хотелось, слишком твоё лицо мне дорого и свято».

Новый 1918 год принёс новый поворот в судьбе теперь уже опального царедворца. За упразднением Гофмаршальской Части на основании Приказа Народного Комиссара Имуществ В. А. Карелина от 15 января 1918 года Князь В. А. Долгоруков был уволен со службы...

Однако это обстоятельство нисколько не повлияло на дальнейшее отношение «Вали» к Августейшей Семье, к которой он был привязан всей душой. Особую любовь он питал к Государю, в котором видел не только бывшего Самодержца, но и своего личного друга. А посему он, как никто другой из ближайшего окружения сочувствовал всей душой своему Государю в горе, постигшем не только Его, но вместе с ним и всю Россию.

И, конечно же, когда встал вопрос о поездке из Тобольска в неизвестность, Князь В. А. Долгоруков, с согласия Государя, взялся сопровождать его в дороге, взяв с собой для «надёжности» коробку с двумя... дуэльными пистолетами. (Впоследствии именно эти старинные пистолеты и наличие принадлежавшей Царской Семье крупной суммы денег в 80 тысяч рублей послужат формальной причиной для ареста князя и заточения в тюрьму.)

По прибытии в Екатеринбург 30/17 апреля 1918 года и доставке Царской Семьи и прибывших вместе с ней слуг к дому Ипатьева, Князю В. А. Долгорукову было объявлено о том, что он будет помещён в тюрьму. (Решение об этом было принято заранее, но датировано именно этим днём.)

Постановление:

«30 апреля.

1918 года апреля 30 дня я, Председатель Уральского Обл. [астного] Исп. [олнительного] К- [омите]та Сов. [ета] Раб. [очих], Кр. [естьянских] и Солд. [атских] Депутатов, постановил:

В целях охраны общественной безопасности арестовать Василия Александровича Долгорукова (бывш. князя), сопровождавшего бывшего царя из Тобольска.

Копию настоящего удостоверения препроводить комиссару.

[Председатель областного Совета А. Белобородов].

Князь В. А. Долгоруков сразу же выразил протест, написав на имя Облсовета заявление следующего содержания:

«(...) Сего числа, прибыв в Екатеринбург, меня арестовали и посадили в тюрьму № 2. Ввиду того, что мне не предъявлено никакого обвинения, я прошу меня освободить и дать возможность поехать к больной матери в Петроград».

В этот же день он написал письмо в Петроград на имя своего родного брата Павла:

«Вторник 30 апреля

Дорогой мой Павел!

Сегодня приехал в Екатеринбург, после ужасной утомительной дороги в тарантайке 270 вер. Ехали 2 дня, и я очень разбит. Нас очень торопили, не знаю почему. Но это ещё ничего. Приехав сюда, меня безо всякого допроса и обвинения арестовали и посадили в тюрьму. Сижу, и не знаю, за что арестовали. Я написал заявление в Областной Совет, прося меня освободить и разрешить выехать к больной маме в Петроград. Всею душой, надеюсь скоро вас повидать и обнять. Больную маму не пугай моим арестом, она стара и надо её беречь. Скажи ей о том, что Бог даст, я её скоро увижу.

Душевно Вас обнимаю. Христос Воскрес».

3 мая 1918 года в ответ на присланную в Екатеринбург телеграмму Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, предлагавшего «... содержать Николая самым строгим порядком», полетела ответная, в которой А. Г. Белобородов докладывал о произведённых арестах, а также откровенно врал, донося наверх о несуществующем заговоре: «Князь Долгоруков и епископ Гермоген нами арестованы, никаких заявлений и жалоб ихних ходатаев не удовлетворяйте. Из изъятых у Долгорукова бумаг видно, что существовал план бегства».

По прошествии нескольких дней «гражданину В. А. Долгорукову» всё же было предъявлено обвинение в подготовке побега Царской Семьи из Тобольска, а также в незаконном хранении оружия. (В ходе следствия упомянутые выше дуэльные пистолеты уже стали фигурировать в виде двух револьверов Нагана, якобы купленных князем у охраны в Тобольске!)

Скорее всего, не ранее 3 мая 1918 года князь писал:

«(...) 30 апреля я был препровождён в тюрьму без всяких объяснений. 3 мая за Вашей подписью получил уведомление, что арестован на основании общественной безопасности. Из этого я не могу понять свою вину. Но допустим, что мною (меня. — Ю.Ж.) опасаются, хотя я даже в прежние времена был далёк от политики. Я человек больной, у меня наступила почечная колика, страдаю ужасно, весь организм расшатан. Не найдёте ли Вы возможным перевести меня в дом на Верх-Вознесенской улице (Вознесенском проспекте. — Ю.Ж.), где я мог бы пользоваться советами доктора Боткина и вместе с тем был бы под наблюдением охраны. Был бы чрезвычайно Вам признателен. Во имя человеколюбия не откажите это исполнить...

С совершенным почтением гражд. [анин] В. Долгоруков».

О том, как протекали похожие друг на друга дни содержания под стражей ближайшего соверена Государя, почти ничего не известно. Однако кое-какой свет на это проливают воспоминания бывшего Министра-Председателя Временного Правительства Г. Е. Львова, который впоследствии вспоминал о том, как Князь работал на тюремном огороде. (Этот огород всего в четыре грядки, обустроенный по инициативе Г. Е. Львова при поддержке тюремной администрации, возделывался руками арестантов.)

Князь В. А. Долгоруков и Граф И. Л. Татищев были заключены в Екатеринбургском Исправительном Доме (Тюрьме № 1). Однако через некоторое время Князя В. А. Долгорукова перевели в Тюрьму № 2.

Последнее обращение в Уральский Совдеп Князя В. А. Долгорукова датировано 18 мая 1918 года:

«В Областной Совет.

Ввиду моего болезненного состояния, покорно прошу перевести меня из тюрьмы № 2 в дом Ипатьева, что на Вознесенском проспекте, дабы я мог пользоваться лечением у доктора Боткина наравне с другими.

Гражд. Долгоруков».

Ответом, как и прежде, было молчание.

О трагическом конце жизненного пути Князя В. А. Долгорукова ранее было известно лишь из книги воспоминаний Пьера Жильяра, где он сообщал:

«Несколько дней после взятия Екатеринбурга, во время приведения в порядок города и погребения убитых, неподалёку от тюрьмы подняли два трупа. На одном из них нашли расписку в получении 80.000 рублей на имя гражданина Долгорукова и, по описанию

свидетелей, очень вероятно, что это было тело князя Долгорукова. Что касается другого, есть все основания думать, что оно было телом генерала Татищева».

Но, работая над книгой, посвящённой жизненному пути бывшего чекиста М. А. Медведева (Кудрина), я обратился с просьбой к его сыну — историку-архивисту М. М. Медведеву — предоставить возможность ознакомиться с личным архивом его покойного отца. Моя просьба была воспринята весьма благосклонно.

И вот среди обилия всевозможных документальных материалов обнаружилась небольшая рукопись, датированная 18 декабря 1957 года. (В этот день в квартире Медведева (Кудрина) собрались его старые боевые товарищи-чекисты: Григорий Никулин, Исай Родзинский а также одна из основательниц Социалистического Союза Рабочей Молодёжи Урала, бывшая партийная функционерка Римма Юровская — дочь Я. Юровского, к тому времени только недавно освободившаяся из сталинских лагерей.) Собравшиеся не без гордости вспоминали былые годы.

В тот день Г. П. Никулин решил поведать присутствующим о том, как он и его дружок Валька Сахаров (кстати, впоследствии расстрелянный своими же товарищами за самоуправство и грабежи) убивали Князя В. А. Долгорукова и Графа И. Л. Татищева.

«Когда в мае 1918 года царя Николая II привезли в Екатеринбург, из его свиты были арестованы гофмейстер Татищев и князь Василий Долгоруков. Вызывает меня с Валькой Сахаровым председатель Екатеринбургской ЧК Николай (Иван. — Ю. Ж.) Бобылёв и говорит нам улыбаясь (улыбка у него была, очень уж симпатичная и он всегда улыбался): «Берите вы из арестного дома Татищева и Долгорукова и вот вам задание — отвезти их в ссылку. На лошадях довезёте до разъезда и посадите их в поезд».

Мы стоим и хлопаем глазами, ничего не понимаем: в какую ссылку? А Бобылёв всё улыбается, потом после разговора наклоняется к нам и шепчет: «Вывезите за город и там... обоих!»

Взяли мы извозчиков из ЧК, Валька Сахаров сел в повозку с Татищевым, я — с князем Долгоруковым. Взяли все их чемоданы и говорим: «Повезём вас в ссылку, на разъезде сядете в поезд». Едем. Тёплая майская ночь, полная луна — довольно светло. Выехали на окраину Екатеринбурга, кругом какие-то лачуги. Телеграфные столбы стоят почему-то посередине дороги и случилось тут, что задел кучер оглоблей или гужем за столб и лошадь распряглась. Валька, едущий передо мной, ускакал, а я кричать ему не решился — ещё разбудишь

кого, хотя в ту ночь [хоть] из пушек пали — всё одно, ни одна душа из домов бы не появилась. Стоим посреди дороги. Ни души. Кучер не может понять, что же порвалось в упряжи. Что же делать, думаю я? Говорю князю Долгорукову: «Придётся идти пешком. Тут недалеко...» Он охотно соглашается, беру его чемодан, идём...

Дошли до леса. На счастье вижу тропинку, и между деревьями огонёк мерцает: «Вон и разъезд виден», — говорю Долгорукову. Дорогой он всё порывался нести свой чемодан, тут уже я с удовольствием вручил ему ношу и иду за князем. Вошли в лес. Ну, думаю, пора действовать! Отступил на шаг, стреляю ему в затылок и обомлел: никогда я не видел, чтобы так падал расстрелянный человек — свалился как куль с сеном, мгновенно без крика, без стона. Лежит на земле, а я думаю: вот, подойду к нему, а он жив — схватит меня за ноги и пойдёт борьба. Осторожно подошёл к нему и издали беру его руку — она как плеть. Кажется, мёртв. А теперь что с ним делать? Оставить князя на тропинке нельзя, закопать его — нечем! Вышел обратно на дорогу — как раз едет Валька обратно в коляске: увидел меня (я руку поднял) — стрелять хотел.

— Стой, кричу, — не стреляй! Вот у меня дело какое: что делать с князем?

— Да, тебе повезло! Мой Татищев мне всю коляску кровью запачкал. Я его сперва-то не убил, ранил только, так он боролся со мной в коляске, еле прикончил его.

Пошли мы в лес, раздели князя догола — и правильно сделали, когда рассмотрели одежду в городе, оказалось что всё бельё имеет метки с вензелем — инициалами. Труп бросили в лесу. Но начальник тюрьмы (потом он бежал к белым) как-то вскоре мне говорит: „А помните князя Долгорукова? Его в лесу убитым нашли: это не ваша работа?“ Как-то всё-таки узнали об этом».

Таким образом, из рассказа Г. П. Никулина следует, что труп Князя В. А. Долгорукова был раздет догола, а значит, П. Жильяр ошибался и упомянутые им тела не могли принадлежать князю В. А. Долгорукову и Графу И. Л. Татищеву. Но сути дела это не меняет.

Князь В. А. Долгорукий, присягнувший на верность Государю и Отечеству, остался до конца верен Военской Присяге, в которой есть такие слова: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, Великому Государю Николаю Александровичу верно и нелицемерно служить (...) и во всём споспешествовать, что Его Императорского Величества верной службе касаться может...», —

и поэтому, отнюдь не случайно, Собор РПЦЗ в ноябре 1981 года причислил Князя В. А. Долгорукова-1-го к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и нарёк его именем Св. Мученик Воин Василий.

Почётный Лейб-Медик Евгений Сергеевич Боткин

Ещё один пример верного служения Царю и Отечеству — почётный Лейб-Медик ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ Е. С. Боткин, один из сыновей известного на весь мир доктора С. П. Боткина, корифея отечественной терапевтической школы.

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая 1865 года в Царском Селе Санкт-Петербургской губернии. Он был четвёртым ребенком, рождённым от первого брака его отца Сергея Петровича с Анастасией Александровной Крыловой.

Как духовная, так и бытовая атмосфера в этой семье была уникальной.

В семье Боткиных много музицировали. Сам же Сергей Петрович играл на виолончели под аккомпанемент своей супруги, беря частные уроки у профессора Санкт-Петербургской Консерватории И. И. Зейферта. Таким образом, с самого раннего детства Евгений Боткин получил основательное музыкальное образование. Боткины состояли в родстве и с такими известными деятелями русской культуры, как поэт А. А. Фет и меценат П. М. Третьяков.

На ставшие знаменитыми «Боткинские субботы» собирался столичный бомонд: профессора Императорской Военно-Медицинской Академии, писатели и музыканты, коллекционеры и художники, среди которых были такие выдающиеся личности, как И. М. Сеченов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Бородин, В. В. Стасов и др.

Всё это не могло не отразиться на характере и мировосприятии Евгения Боткина.

Так в своей книге «Мой брат» Пётр Сергеевич Боткин писал: *«С самого нежного возраста его прекрасная и благородная натура была полна совершенства. Он никогда не был похож на других детей. Всегда чуткий, из деликатности, внутренне добрый, с необычайной душой, он испытывал ужас от любой схватки или драки. Мы, другие мальчишки, бывало, дрались с неистовством. Он, по обыкновению своему, не участвовал в наших поединках, но когда кулачный бой принимал опасный характер, он, рискуя получить травму, останавливал дерущихся. Он был очень прилежен и смышлён в учёбе».*

Почётный Лейб-Медик Евгений
Сергеевич Боткин.
Тобольск, 1917 г.

Начальное домашнее образование позволило Е. С. Боткину в 1878 году поступить сразу в 5-й класс 2-й Санкт-Петербургской Классической Гимназии. После неё он поступает на Физико-Математический Факультет Императорского Санкт-Петербургского Университета. Однако пример отца-врача и любовь к медицине оказались сильнее, и уже на следующий год (сдав экзамены за первый курс университета) он поступает на младшее отделение открывшегося Приготовительного Курса Императорской Военно-Медицинской Академии.

В 1889 году умирает отец и почти в это же время Евгений Сергеевич успешно оканчивает ИВМА, удостоившись звания Лекаря с отличием и именной Пальцевской премии, которую присуждали «третьему по старшинству баллов в своём курсе...»

Свой путь практикующего эскулапа Е. С. Боткин начинает в январе 1890 года с должности Врача-ассистента Мариинской больницы для бедных, а в декабре того же года его командировывают в Германию, где он проходит практику у ведущих врачей и знакомится с обустройством больниц и больничного дела.

По окончании врачебной практики в мае 1892 года Евгений Сергеевич приступает к работе Врача Императорской Придворной Певческой Капеллы (и блестяще защищает диссертацию на соискание степени доктора медицины, его официальным оппонентом на этой защите был выдающийся физиолог И. П. Павлов). С января 1894 года Боткин вновь возвращается к работе в Мариинской больнице в качестве сверхштатного Ординатора.

Одновременно с клинической практикой он занимается научными изысканиями, основными направлениями в которых были работы в области иммунологии, сущности процесса лейкоцитоза, защитных свойств форменных элементов крови и др.

В 1895 году Е. С. Боткин вновь командировается в Германию, где на протяжении двух лет повышает свою квалификацию, занимаясь практикой в медицинских учреждениях Хайдельберга и Берлина, а также посещает лекции немецких профессоров Г. Мунка, Б. Френкеля, П. Эрнста и др.

В мае 1897 года Е. С. Боткин избирается Приват-доцентом ИВМА.

18 октября 1897 года он читает студентам свою вступительную лекцию, в которой наглядно показывает отношение врача к больным:

«Раз приобретённое вами доверие больных переходит в искреннюю привязанность к вам, когда они убеждаются в вашем неизменно сердечном к ним отношении. Когда вы входите в палату, вас встречает радостное и приветливое настроение — драгоценное и сильное лекарство, которым вы нередко гораздо больше поможете, чем микстурами и порошками. (...) Только сердце для этого нужно, только искреннее сердечное участие к больному человеку. Так не скупитесь же, приучайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно. Так, пойдём с любовью к больному человеку, чтобы вместе учиться, как ему быть полезным».

С началом Русско-Японской войны 1904–1905 года Е. С. Боткин уходит добровольцем в Действующую Армию, в которой назначается Заведующим Медицинской частью Российского Общества Красного Креста (РОКК) в Маньчжурской Армии.

Однако занимая эту достаточно высокую административную должность, он, тем не менее, большую часть времени предпочитает находиться на передовых позициях.

Рассказывают, что однажды в Полевой Лазарет был доставлен раненый Ротный Фельдшер. Оказав ему первую помощь, Е. С. Боткин взял его медицинскую сумку и вместо него отправился на передовую.

Ратный труд доктора Е. С. Боткина не остался без внимания и по окончании войны «За отличие, оказанное в делах против японцев», он был удостоен Орденов Святого Владимира II степени с мечами и III степени с мечами и бантом.

6 мая 1905 года доктор Е. С. Боткин назначается Почётным Лейб-Медиком Императорской Семьи, о чём он узнает, находясь ещё в Действующей Армии.

Кандидатура нового придворного врача была названа самой Государыней, которая на вопрос, кого бы она хотела видеть на месте ушедшего из жизни Лейб-Медика Густава Ивановича Гирша, ответила: «Боткина». А на вопрос, какого из них именно (в то время в Санкт-

Петербурге было два Боткина), сказала: «Того, который воевал». (Хотя родной брат Е. С. Боткина — Сергей Сергеевич был тоже участником Русско-Японской войны.)

Таким образом, с 13 апреля 1908 года Евгений Сергеевич Боткин стал Лейб-Медиком Государя Императора Николая II Александровича и Его Семьи, в точности повторив карьерный путь своего отца, который был Лейб-Медиком двух предыдущих Императоров — Александра II и Александра III.

Надо сказать, что к тому времени все Медицинские чины (так официально назывались врачи при Высочайшем Дворе), обслуживающие Царскую Семью, состояли в штате Министерства Императорского Двора и Уделов, представляя собой довольно значительную по количественному составу группу лучших титулованных специалистов по многим врачебным специальностям: терапевт, хирург, окулист, акушер, педиатр, дантист и др.

В круг его непосредственных обязанностей входило врачебное наблюдение и лечение всех членов Царской Семьи. Государь относился к Е. С. Боткину с нескрываемой симпатией и доверием, терпеливо выдерживая все лечебно-диагностические процедуры. Но если здоровье Государя было, можно сказать, отменным (если не считать плохой стоматологической наследственности и периодических болей геморроидального характера), то наиболее сложными пациентами для доктора Е. С. Боткина были Государыня и Наследник.

Ещё в раннем детстве принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская перенесла дифтерию, осложнения после которой с годами сказались в довольно частых приступах ревматизма, периодических болях и отёках в ногах, а также в нарушении сердечной деятельности и аритмии. А кроме того, и пять перенесённых родов окончательно подорвали и без того слабый организм.

Из-за этих недугов Государыня уже вскоре после рождения Алексея была вынуждена отказываться от длительных прогулок. К тому же из-за постоянных отёков ног Ей приходилось носить специальную обувь. Болям в ногах зачастую сопутствовали и постоянные сердцебиения, а сопровождавшие их приступы головной боли на недели лишали Государыню покоя и сна, отчего Она была вынуждена надолго оставаться в постели. А если и выходить на воздух, то не иначе, как в специальной прогулочной коляске.

Но ещё больше хлопот доктору Е. С. Боткину доставлял Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, врождённая болезнь которого требовала постоянного врачебного внимания. И случалось так, что

он дни и ночи напролёт проводил у постели мальчика, оказывая ему не только медицинскую помощь, но и врачуя не менее важным для любого больного лекарством — человеческим участием. Цесаревич однажды напишет своему доктору: *«Я вас люблю всем своим маленьким сердцем»*.

В свою очередь, Евгений Сергеевич также всей душой привязался к Наследнику и всем остальным Членам Царской Семьи, не разговоря своим домочадцам, что: «Своей добротой Они сделали меня рабом до конца дней моих».

Однако не всё в отношениях Лейб-медика Е. С. Боткина с Царской Семьёй было таким уж безоблачным. И причиной тому — его отношение к Г. Е. Распутину, «чёрной кошкой» пробежавшее между ним и Государыней. Как и большинство верноподданных, он знал о Старце Григории лишь со слов людей, никогда с ним не общавшихся, а по сему по своему недомыслию всячески муссирующих и раздувающих о нём самые грязные слухи, начало которым положили личные враги Государыни в лице так называемых «чёрных». (Так Государыня называла своих недругов, объединившихся вокруг Двора Черногорских Княжон — Станы Николаевны и Милицы Николаевны, которые стали жёнами Великих Князей Николая Николаевича-младшего и его родного брата Петра Николаевича.) И как ни странно, в слухи эти верили не только люди, далёкие от Высочайшего Двора, но и такие приближённые к нему лица, как Е. С. Боткин, искренне считавший Григория Распутина «злым гением» Царской Семьи.

Как человек исключительной честности, Е. С. Боткин как-то отказал даже Государыне в Её просьбе принять у себя на дому Г. Е. Распутина. «Оказать медицинскую помощь любому — мой долг, — сказал Евгений Сергеевич. — Но на дому такого человека не приму».

Подобное заявление не могло не сказаться на отношении Государыни к Её любимому Лейб-Медику. А после одного из кризисов болезни, случившегося у Наследника Цесаревича осенью 1912 года, когда профессора Е. С. Боткин, С. П. Фёдоров и Почётный Лейб-Хирург В. Н. Деревенко признали себя бессильными, Государыня стала ещё больше доверять Распутину. Ибо Григорий силой молитвы и заговоров сумел сделать то, чего не удалось докторам: вовремя остановить открывшееся у Наследника внутреннее кровотечение, грозящееся закончиться летальным исходом.

Пересмотрев впоследствии своё отношение к Григорию Распутину, Е. С. Боткин стал презирать тех людей, которые сочиняли или повторяли разные небылицы о Царской Семье и Её личной жизни.

Е.С. Боткин с женой и детьми.
1900-е гг.

Как врач и человек исключительной нравственности, Е. С. Боткин никогда не распространялся на стороне о здоровье своих Августейших пациентов. Так, Начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора Генерал-Лейтенант А. А. Мосолов в своих воспоминаниях упоминал, что *«Боткин был известен своей сдержанностью. Никому из свиты не удалось узнать от него, чем больна Государыня и какому лечению следуют Царица и Наследник. Он был, безусловно, преданный Их Величествам слуга»*.

А вот личная жизнь Евгения Сергеевича сложилась не совсем удачно. В 1910 году, оставив детей на его попечение, от доктора уходит жена, увлечённая модными в то время революционными идеями, а вместе с ними и студентом моложе её на 20 лет. Боткин остался с тремя младшими детьми — Юрием, Татьяной и Глебом (старший сын — Дмитрий к тому времени уже жил самостоятельно). Душевная травма долго не заживала, и Евгений Сергеевич всю нерастраченную любовь обратил на детей.

Пользуясь несомненным влиянием и авторитетом при Высочайшем Дворе, Е. С. Боткин, тем не менее, никогда не использовал таковое в личных целях. К примеру, он не стал хлопотать о «тёплом местечке» даже для своего сына Дмитрия — Хорунжего Лейб-Гвардии Казачьего полка, ушедшего с началом Первой мировой войны на фронт и погибшего 3 декабря 1914 года. (Горечь этой утраты стала незаживающей кровоточащей раной в отцовском сердце, боль от которой сохранялась в нём до самых последних дней жизни.)

А через несколько лет в России наступила новая Смута, обернувшаяся отречением и арестом Государя.

Содержавшиеся под стражей в Царскосельском Александровском Дворце Государь и Его Семья практически оказались заложниками грядущих событий. Они пребывали здесь лишь с самыми близкими

людьми, в числе которых был и Е. С. Боткин, не пожелавший покинуть Царскую Семью. (Лишь на самое короткое время он оставляет Августейшую Семью, чтобы оказать помощь больной тифом вдове погибшего сына Дмитрия, а когда её состояние не стало более вызывать у него опасений, Евгений Сергеевич без каких-либо просьб и принуждения возвратился назад к Августейшим Узникам.)

В конце июля 1917 года Министр-Председатель Временного Правительства А. Ф. Керенский объявил Государю и Его Семье о том, что все они вместо поездки в Крым будут отправлены в один из сибирских городов.

Верный своему долгу, Е. С. Боткин, ни минуты не колеблясь, принимает решение разделить Их участь и выехать в сибирскую ссылку вместе со своими детьми.

Прибыв в Тобольск, Е. С. Боткин вместе со всеми слугами бывшего Царя проживал в доме рыбопромышленника Корнилова, расположенном поблизости Губернаторского дома, куда была поселена Царская Семья. Здесь Е. С. Боткин занимал две комнаты, где в соответствии с полученным разрешением мог принимать солдат Сводного Гвардейского Отряда по охране бывшего царя и местное население. 14 сентября 1917 года к нему в Тобольск прибыли младшие дети Татьяна и Глеб.

Об этих последних в своей жизни днях врачебной практики Е. С. Боткин написал, уже находясь в Екатеринбурге, в письме, датированном 26.06/09.07.1918 года: *«Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что и приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного и не только как равного себе, но и в качестве больного, имеющего все права на все мои заботы и услуги».*

Жизнь семьи доктора Е. С. Боткина в Тобольске подробно описана в книге воспоминаний его дочери Татьяны «Воспоминания о Царской Семье и Её жизни до и после революции». Так, в частности, она упоминает о том, что, несмотря на то, что личная переписка её отца подвергалась цензуре, сам он, в отличие от других узников, мог свободно передвигаться по городу, квартира его никогда не подвергалась досмотру, а записаться к нему на приём мог любой желающий.

Но относительно безмятежная жизнь в Тобольске закончилась с переселением Царской семьи в Екатеринбург. И вновь Лейб-Медик Е. С. Боткин, верный своему врачебному и моральному долгу, отправляется вместе с Венценосной Семьёй.

В ночь с 25 на 26 апреля 1918 года они выезжают из Тобольска и следуют на подводах в сторону Тюмени. Но что характерно! Стра-

дая в пути от бесконечной дорожной тряски, холода и почечных колик, Боткин остаётся доктором даже в этой нестерпимо болезненной для него обстановке, отдав свою шубу Великой Княжне Марии Николаевне, которая не захватила с собой по-настоящему тёплых вещей.

В Екатеринбурге Е. С. Боткин сразу же в качестве пленника был помещён под арест в ДОН. И здесь, верный врачебному долгу, он делал всё для того, чтобы хоть как-то облегчить участь своих пациентов.

Вспоминая об этом годы спустя, бывший Комендант Дома особого Назначения Я. М. Юровский писал:

«Доктор Боткин был верный друг семьи. Во всех случаях по тем или иным нуждам семьи он выступал ходатаем. Он был душой и телом предан семье и переживал вместе с семьёй Романовых тяжесть их жизни».

Почти то же самое более сорока лет спустя вспоминал и его бывший помощник Г. П. Никулин:

«Как правило, всегда ходатаем по всем всевозможным, значит, делам был всегда, вот, доктор Боткин. Он, значит, обращался...»

И в этом они оба были абсолютно правы, так как все просьбы арестованных передавались либо непосредственно Комендантам ДОН (А. Д. Авдееву или сменившему его Я. М. Юровскому), либо дежурным членам Уральского Облсовета (таковые назначались в первый месяц пребывания Царской Семьи в ДОН, где несли суточное дежурство).

После прибытия в Екатеринбург и размещения в доме Ипатьева перевезённых из Тобольска Августейших Детей доктор Е. С. Боткин понимает, что его *«угасающих сил»* для ухода за больным Наследником Цесаревичем явно не хватает.

Поэтому уже на следующий день он пишет на имя А. Г. Белобородова записку нижеследующего содержания:

«Екатеринбург.

24 мая 1918 г.

В [Екатеринбургский] Областной

Исполнительный комитет

Господину Председателю.

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении Областного Исполнительного Комитета вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, господин Председатель, с следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич, лечение которого ведёт доктор Вл. [адмир]

Ник. [олаевич] Деревенко, подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающихся выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдерживать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает. Состоящий при нём Клим Григорьевич Нагорный после нескольких бессонных и полных мучений ночей сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать во-все, если б на смену и помощь ему не являлись преподаватели Алексея Николаевича — г. Гиббс и в особенности воспитатель его г. Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменю впечатлений отвлекают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему их и давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами для смены их в свою очередь. Г. Жильяр, к которому Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нём неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни иногда и целые ночи, отпуская измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно же, повторяю, г. Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят больному более облегчения, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к самолечению, крайне ограничен. Ввиду всего изложенного, я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить г. г. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их — в крайности же хотя бы одного г. Жильяра — к нему завтра же.

Доктор Ев. [гений] Боткин

Передавая эту записку адресату, комендант А. Д. Авдеев не удержался от того, чтобы не наложить собственную резолюцию:

«Просмотрев настоящую просьбу доктора Боткина, считаю, что из этих слуг один является лишним, т. е. дети все царские и могут следить за больным, а поэтому предлагаю Председателю Облсовета немедленно поставить на вид этим зарвавшимся господам ихнее положение. Комендант Авдеев».

Как и все узники дома Ипатьева, доктор Е. С. Боткин писал письма и получал ответы на них из далёкого Тобольска, где оставались его дочь Татьяна и младший сын Глеб. В ГА РФ имеются несколько писем Т. Е. Боткиной, которые та написала в Екатеринбург своему отцу. Вот отрывок одного из них от 4 мая/23 апреля 1918 года:

« (...) Драгоценный, золотой ненаглядный мой папулечка!

Вчера мы были ужасно обрадованы твоим первым письмом, которое целую неделю шло из Екатеринбурга; тем не менее это были наиболее свежие известия о тебе, потому что приехавший вчера Матвеев с которым Глеб разговаривал, не мог нам сказать ничего кроме того, что у тебя была почечная колика <неразб.> этого я ужасно боялась, но судя по тому, что ты уже <неразб.> писал, что здоров я надеюсь, что эта колика была несильная. (...)

Не могу себе представить, когда мы увидимся, т. к. у меня нет никакой надежды на <неразб.> уехать со всеми, но я постараюсь приехать всё-таки поближе к тебе. Без тебя здесь сидеть <неразб.> очень скучно, да и бесцельно. Хочется какого-нибудь дела, а не знаешь, чем заняться, да и долго ли придётся здесь жить? От Юры за это время было всего одно письмо, да и то старое от 17 марта, а больше ничего.

Пока кончаю, мой дорогой. Не знаю, дойдёт ли до тебя моё письмо. А если дойдёт, то когда. И кто же будет читать до тебя (эта фраза вписана между строчками мелким почерком. — Ю.Ж.)

Целую тебя, мой драгоценный, много, много и крепко — как люблю.

До свидания, мой дорогой, мой золотой, мой любимый. Надеюсь, что скоро увидимся. Целую тебя ещё много раз.

Твоя Таня».

Свой последний в жизни день рождения Боткин Евгений Сергеевич также встретил в доме Ипатьева: 27/14 мая ему исполнилось 53 года. Но, несмотря на столь ещё, сравнительно небольшой, возраст Евгений Сергеевич уже чувствовал приближение смерти, о чём написал в своём последнем письме к младшему брату Александру. Письмо это так и осталось неотправленным (в настоящее время хранится в ГА РФ),

о нём позднее вспоминал участвовавший в расстреле узников Ипатьевского дома Г. П. Никулин:

«Боткин, значит... Вот я повторяю, что он всегда за них ходатайствовал. Просил за них что-нибудь там сделать: священника позвать, понимаете, вот..., на прогулку вывести или, там, часики подчинить, или ещё что-нибудь, там, какие-нибудь мелочи.

Ну, вот однажды я, значит, проверил письмо Боткина. Писал его, адресовал он его сыну (младшему брату. — Ю. Ж.) на Кавказ. Значит, он пишет, примерно, так:

„Вот, дорогой мой (забыл, там, как его звали: Серж или не Серж, неважно, как), вот я нахожусь там-то. Причём, я должен тебе сообщить, что когда царь-государь был в славе, я был с ним. И теперь, когда он в несчастье, я тоже считаю своим долгом находиться при нём. Живём мы так и так (он «так» — это завуалировано пишет). Причём, я на подробностях не останавливаюсь потому, что не хочу утруждать..., не хочу утруждать людей, на обязанностях которых лежит чтение [и] проверка наших писем”.

Ну, вот это было единственное письмо при моём... Больше он не писал. Письмо [это], конечно, никуда не отправлялось».

Свой последний час Е. С. Боткин встретил вместе с Царской Семьёй.

17 июля 1918 года, приблизительно в 1 час 30 минут полуночи Евгений Сергеевич был разбужен Комендантом Я. М. Юровским, который сообщил ему, что в виду предполагаемого нападения на дом отряда анархистов все арестованные должны спуститься в подвал, откуда их, возможно, перевезут в более безопасное место...

Описывать ход дальнейших событий не имеет смысла, так как об этом писалось множество раз. Однако после того, как Я. М. Юровский объявил узникам, что их «принуждены расстрелять», Евгений Сергеевич смог только произнести чуть хрипловатым от волнения голосом: «Так нас никуда не повезут?»

Яков Юровский вспоминал:

«Но когда, наконец, мне удалось остановить (стрельбу. — Ю. Ж.), я увидел, что многие ещё живы. Например, доктор Боткин лежал, оперевшись локтём правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом [я] с ним покончил...»

То есть Я. М. Юровский прямо сознаётся в том, что лично застрелил бывшего Лейб-Медика Е. С. Боткина и чуть ли не гордился этим...

Что ж, время всех расставило по своим местам. И палачей, и жертв...

На состоявшемся 1 ноября 1981 года Поместном Соборе РПЦЗ Евгений Сергеевич был причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших под именем Святого Новомученика Евгения Боткина.

17 июля 1998 года останки Е. С. Боткина были торжественно захоронены вместе с останками Членов Царской Семьи в Екатерининском приделе Собора Петра и Павла в Санкт-Петербурге.

Камердинер при комнатах Е. И. В. Государя Императора Николая II Александровича Терентий Иванович Чемадуров

В числе прибывших в столицу «Красного Урала» с первой партией Августейших Узников был и Т. И. Чемадуров, состоявший в должности Камердинера.

Биографические сведения о нём, весьма незначительны и отрывочны, и почти всё, что мы знаем о нём до недавнего времени, ограничивалось сведениями биографического характера, занесёнными в протокол Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым, допросившим Чемадунова 2/15—3/16 августа 1918 года.

Однако автору данного издания удалось несколько дополнить данные об этом человеке.

Терентий Иванович Чемадуров родился в 1849 году. (Фамилию этого человека зачастую пишут как «Чемодуров», но это неверно.) Происходил из крестьян села Крупца Крупецкой волости Путивльского уезда Курской губернии. Был женат на Екатерине Андреевой, в браке с которой имел дочь Екатерину, рождённую 19 ноября 1891 года.

Как большинство состоящих впоследствии при Высочайшем Дворе слуг, Т. И. Чемадуров, вероятнее всего, сначала проходил воинскую службу в одном из Лейб-Гвардейских полков, где был замечен и приглашён в услужение к Великому Князю Алексею Александровичу — четвёртому сыну Императора Александра II и последнему Генерал-Адмиралу Императорского Русского Флота.

Определён на службу ко Двору Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича Официантом 6 января 1891 года. 1 января 1895 года назначен на должность Рейткнехта.

Свои обязанности Т. И. Чемадуров выполнял образцово, за что по представлению Великого Князя был представлен к Серебряной медали «За усердие», которой был удостоен по Высочайшему повелению в 1897 году.

1 мая 1898 года Т. И. Чемадуров был назначен на должность «Исполняющего обязанности Камердинера».

С новыми обязанностями он, видимо, также справлялся весьма неплохо, за что в 1901 году был представлен уже к Золотой медали «За усердие», а 20 мая 1906 года возведён в звание Личного Почётного Гражданина.

На протяжении более чем 17 лет Т. И. Чемадуров состоял при особе Великого Князя и лишь после его смерти был уволен от службы с 1 ноября 1908 года.

Но преданный слуга не был забыт.

Ровно через месяц Терентий Чемадуров с соизволения Государя Приказом по Гофмаршальской Части Министерства Императорского Двора и Уделов за № 55 от 1 декабря 1908 года был назначен Камердинером комнат Его Императорского Величества сверх штата, а на аналогичную штатную должность был зачислен лишь 23 ноября 1910 года.

В течение многих лет Т. И. Чемадуров сопровождал Государя во всех его поездках, служа Ему верой и правдой, в награду за что 6 апреля 1914 года был возведён в звание Потомственного Почётного Гражданина.

С началом Первой мировой войны Т. И. Чемадуров также сопровождает Государя во всех его поездках, а за особые труды по обслуживанию поездок Е. И. В. в Действующую Армию в 1915 году был пожалован Золотой шейной медалью «За усердие», в 1916-м — орденом Св. Станислава 3-й степени (в российской Империи это был единственный орден, который не давал прав ни на Личное, ни на Потомственное дворянство).

После Февральской Смуты Терентий Чемадуров в числе прочих, не пожелавших оставить своего Государя слуг, оставался в Александровском Дворце, после чего 1 августа 1917 года последовал за Царской Семьёй в Тобольск.

17/30 апреля 1918 года Т. И. Чемадуров вместе с Царской Семьёй прибыл в Екатеринбург, где среди прочих пленников был помещён под арест в ДОН.

До 23/10 мая 1918 года он проживал вместе с Царской Семьёй на положении арестованного. Но за это время его общее физическое состояние сильно ухудшилось (Государь ещё накануне приезда Августейших Детей пообещал сильно расхворавшемуся к тому времени Т. И. Чемадурову, что отпустит его к жене в Тобольск, а вместо него возьмёт А. Е. Труппа).

В означенный день старый царский слуга был приглашён в комендантскую комнату, где ему приказали раздеться, после чего самым тщательным образом осмотрели одежду и личные вещи из-за опасения «налаживания связи с контрреволюционным подпольем».

Однако после того как эта весьма неприятная процедура была завершена, Т. И. Чемадунова посадили в экипаж, но доставили не на вокзал, а в местную... тюрьму.

Там он находился в одной камере с бывшим камердинером А. А. Волковым, который находился в так называемом «политическом» отделении бывшей тюрьмы, где, кстати говоря, ожидали свой участи и взятые большевиками заложники. Пребывание в Екатеринбургском Исправительном доме (Тюрьме № 1 — Екатеринбургском Тюремном Замке) ещё сильнее подорвало здоровье пожилого человека и вскоре он был переведён в тюремную больницу. Именно это обстоятельство и спасло ему жизнь. В суете о Т. И. Чемадунове просто забыли...

А вот каким предстаёт Т. И. Чемадунов в воспоминаниях Генерал-Лейтенанта М. К. Дитерихса:

«Из ворот Екатеринбургской городской тюрьмы, после того как ворвались туда наши добровольцы и освободили заключённых, одним из последних, широко крестясь и блаженно улыбаясь, вышел высокий, сухой, болезненный на вид и сгорбленный старик. Это был Терентий Иванович Чемадунов, камердинер бывшего Государя Императора.

Не такой старый годами, 69 лет, он сильно состарился за последние месяцы от болезни и тюрьмы, где был совершенно забыт большевиками. Выйдя 24 мая больным из дома Ипатьева, куда он попал, сопровождая Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну, привезённых в Екатеринбург 28 апреля, он вместо госпиталя или отправления на родину, как обещали комиссары, был заключён в тюрьму. И тут его все забыли. Совсем забыли. Он знал, что за время его сидения в тюрьме большевики вывели куда-то содержащихся там же Нагорного и Седнева, а потом Татищева и Долгорукова и, наконец, Гендрикову, Шнейдер, Волкова и сидевшую с ними Княгиню Елену Петровну Сербскую, супругу Князя Иоанна Константиновича.

10 лет пробыл он камердинером у бывшего Государя Императора, а перед этим в той же должности 19 лет при Великом Князе Алексее Александровиче. Вся домашняя жизнь Царя и Его Семьи протекла на его глазах; видел Их и на парадных приёмах и в семейном быту; видел Их в величии царствования на троне и в величии страдания — в доме Ипатьева и всё существо его прониклось своим Хозяином: „прекрасным семьянином, громадным, неутомимым работником, глубоко религиозным христианином и горячо любившим своего простого, русского человека”.

И теперь, выйдя из тюрьмы, шаги его, естественно, направились туда, где он оставил Их в последний раз — на Вознесенский проспект, к дому Ипатьева.

Пришёл. Вошел с другими, тоже стремившимися туда; увидел разгром, хаос, пустоту разрушения; увидел кровь, пули и ещё кровь, и... задумался.

«А сколько привезли вы сюда с собой вещей Государя?» — спросили его.

«Одну дюжину ночных, одну дюжину денных, одну дюжину тельных шелковых рубашек; три дюжины носков, 200 носовых платков, одну дюжину простынь, две дюжины наволочек, три мохнатых простыни, двенадцать полотенец ярославского холста, четыре рубахи защитных, три кителя, пальто офицерское, пальто солдатского сукна, короткую шубу из романовских овчин, пять пар шаровар, серую накидку, шесть фуражек, шапку зимнюю, семь пар сапог шевровых и хромовых».

«Куда же это всё делось теперь?»

Молчал старик и думал...

«Ничего не знаю, — сказал наконец, — ничего не знаю, что постигло моего Государя и Его Семью»...

Скорее всего, увиденное настолько подействовало на старика, что он стал слегка не в себе... Так через десять дней, по пути в Тобольск, Т. И. Чемадуров встретил в Тюмени Наставника Наследника Цесаревича Пьера Жильяра, которому, крестясь, с радостью сообщил:

«Слава Богу, Государь, Её Величество и Дети живы. Расстреляны Боткин и все другие».

И как верно заметил П. Жильяр: «Трудно было понимать Чемадурова, потому что он говорил без всякой связи».

А ещё через три месяца Терентия Ивановича Чемадурова не стало. Похоронили верного царского слугу на Тобольском городском кладбище, и к настоящему времени могила его не сохранилась.

Камер-Юнгфера при комнатах Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Анна Степановна Демидова

Анна Степановна (Стефановна) Демидова родилась 14 января 1878 года в Череповце. Её дед — мещанин Александр Андреевич Демидов состоял в должности первого Директора Череповецкого Общественного Банка. Отец Анны Демидовой — Степан (Стефан) Александрович Демидов — человек, пользующийся в городе большим уважением, был Гласным и Казначеем Череповецкой Городской Думы, а также Череп-

Камер-Юнгфера при комнатах
Е. И. В. Государыни Императрицы
Александры Фёдоровны Анна
Степановна Демидова .
Тобольск. 1917 г.

повецкого Уездного Собрания. Мать — Мария Ефимовна — домашняя хозяйка.

Семья Демидовых владела землёй, недвижимостью в виде двух двухэтажных каменных зданий с тремя квартирами и торговыми заведениями: магазином колбас, готового платья и ювелирной лавкой. В двухэтажном же деревянном флигеле располагалась слесарная мастерская. Имелись также и надворные постройки.

Но, пожалуй, самым важным делом жизни Степана Александровича была его служба в Правлении Череповецкого Общества взаимного от огня страхования, в котором он состоял в должности председателя. И, надо сказать, что в этом деле он немало преуспел.

Так, благодаря его усердию, город Череповец, как писалось в отчётах, «... по своей горимости» относился «... к группе самых счастливых городов России». Ибо в городе, где большинство домов были деревянными, сия проблема имело первостепенное значение.

У Анны, или Нюты, как её звали родные, было два брата — Александр и Николай, а также младшая сестра Елизавета.

Всем детям С. А. Демидов дал прекрасное образование.

Брат Анны — Александр учился в Санкт-Петербурге и, получив диплом инженера, стал работать на Путиловском заводе.

Сама же Анна Демидова вместе с сестрой Елизаветой (та училась немного позднее) окончила с отличием Череповецкую Марининскую Гимназию и получила аттестат домашней учительницы истории.

Однако по другим сведениям А. С. Демидова окончила Леушинскую школу, находившуюся при Леушинском Иоанно-Предтеченском монастыре, основанную игуменьей Таисией в которой наряду с прочими дисциплинами очень серьёзно было поставлено обучение рисованию, иконописи, рукоделию и пр.

А. С. Демидова быстро становится одной из лучших учениц, а на периодически проводимых в Ярославле ученических выставках воспитанниц Леушинского монастыря её работы обычно занимают первые места

По существующему семейному преданию эту выставку посетила Государыня Императрица и обратила внимание на работу А. С. Демидовой, от которой пришла в полный восторг, так как сама занималась рукоделием и знала в нём толк. Государыня встретила с Анной Демидовой, а поговорив с ней, почти сразу же предложила ей, как выпускнице, место Камер-Юнгферы.

Только это вряд ли соответствует действительности, так как с работами Демидовой Государыня, скорее всего, могла познакомиться только в Санкт-Петербурге, где проводились выставки рукоделия, выполненного воспитанницами различных учебных заведений или послушницами монастырей.

Однако как бы там ни было, но в штат Гофмаршальской Части А. С. Демидова была зачислена 13 января 1898 года и «определена к комнатам Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны».

Её главным делом было обучение Великих Княжон шитью, вышиванию, вязанию и прочему рукодельному мастерству.

Элегантная и образованная, прекрасно музицирующая на фортепиано и знавшая несколько иностранных языков, Анна Демидова поселилась в Александровском Дворце. По заведённому в то время порядку весь штат дворцовой прислуги получал вполне приличное жалование, а состоящие в нём лица могли приглашать к себе в гости родственников, которых принимали и размещали в помещении Царскосельского Лицея. (Именно благодаря этому обстоятельству рядом с Анной на протяжении нескольких лет проживала её родная сестра Елизавета.)

Но имелось одно обязательное условие: все комнатные девушки непременно должны были быть девицами. Выходившие же замуж получали расчёт. Перед войной Анна Демидова некоторое время встречалась с инженером-путейцем Николаем Николаевичем Эрсберг — родным братом другой комнатной девушки Э. Н. Эрсберг. Но слух об их романе быстро распространился среди служителей Высочайшего Двора, которые чуть ли не открыто стали поговаривать о скорой свадьбе. Однако из-за привязанности к Царской Семье и принципиальном нежелании Нюты уходить от них, брак не состоялся.

Нюта Демидова (так её стала называть и Государыня) была чрезвычайно привязана к Царской Семье. Но особую любовь она проявляла

к младшей Дочери Августейшей Четы — Великой Княжне Анастасии Николаевне, в воспитании которой она принимала участие с раннего детства.

За свою долголетнюю и беспорочную службу Царской Семье А. С. Демидовой и всем её родственникам было пожаловано потомственное дворянство. А старожилы Череповца рассказывали её внучатым племянникам, как толпа зевак всякий раз собиралась во время её въезда в город в золочёной карете.

При переезде Царской Семьи в Екатеринбург в апреле 1918 года вместе с Ней продела этот нелёгкий путь и Анна Степановна Демидова. По прибытии она сразу была помещена под арест в ДОН.

Находясь на положении арестованной в доме Ипатьева, Анна Степановна выполняла всю работу, связанную с приготовлением пищи, починкой и штопкой постельного белья, чему она обучала Великих Княжон.

Так, в дневнике Государыни за 27 мая имеется запись: *«Дети штопают постельное бельё с Нютой [Демидовой]»*.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года А. С. Демидова была разбужена доктором Е. С. Боткиным, который сообщил ей об угрозе нападения на дом. Анна Степановна разбудила Великих Княжон... Несмотря на предупреждение Я. М. Юровского не брать с собой никаких вещей, узники всё же ослушались и взяли с собой ничего не значащую мелочь.

Почти всем участникам и соучастникам этого убийства наиболее запомнился тот факт, что, шествуя к месту своей гибели, А. С. Демидова несла две большие подушки. (Оказавшись в комнате убийства, она одну из них подложит под спину больного Наследника, усаженного в последние минуты своей жизни на стул.) А вот вторая подушка так и останется у неё в руках...

Вспоминает цареубийца М. А. Медведев (Кудрин):

«Редает пелена дыма и пыли. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым, как представителям ЧК и Красной Армии, засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский, радостный крик:

— Слава богу! Меня бог спас!

Шатаясь, поднимается уцелевшая горничная: она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную».

Ещё один убийца — А. Г. Кабанов в своём письме к М. М. Медведеву описывает гибель Анны Степановны с ещё более страшными подробностями:

«Фрельна лежала на полу ещё живая. Когда я вбежал в помещение казни я крикнул, чтобы немедленно прекратили стрельбу, а живых dokonчили штыками, но к этому времени [в] живых остались только Алексей и Фрельна. Один из товарищей в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки «Винчестер» штык вроде кинжала, но тупой и грудь не пронзил, а фрельна ухватилось обеими руками за штык и стала кричать...»

Его рассказ существенно дополняют воспоминания ещё одного соучастника убийства — караульного наружной охраны А. А. Стрекотина:

«Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты, тогда тов. Ермаков видя, что держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть этих еще оставшихся живыми. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умерла та особа — дама. Ермаков ей всю грудь исколол».

Так окончила свой земной путь Анна Степановна.

На состоявшемся 1 ноября 1981 года Поместном Соборе РПЦЗ она была причислена к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших под именем Святой Новомученицы Анны Демидовой.

17 июля 1998 года останки А. С. Демидовой были торжественно захоронены вместе с останками Членов Царской Семьи в Екатерининском приделе Собора Петра и Павла в Санкт-Петербурге.

Лакей 2-го разряда при комнатах Их Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств Иван Дмитриевич Седнев

Последним из царских слуг, прибывших из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 года, был запасной Боцманмат Императорской яхты «Штандарт» И. Д. Седнев, которого в литературе, посвящённой теме Царской Семьи, ошибочно называют рядовым матросом.

Иван Дмитриевич Седнев родился 22 сентября 1881 года.

Происходил из крестьян деревни Сверчково, Спасской волости, Мышкинского уезда, Ярославской губернии.

На действительную военную службу был принят Мышкинским Уездным по воинской повинности Присутствием в 1904 году. После

Лакей 2-го разряда при комнатах
Их Высочеств Августейших Детей
Их Императорских Величеств
Иван Дмитриевич Седнев в форме
матроса Гвардейского Экипажа.
1910-е гг.

окончания Кронштадтской Учебной Команды И. Д. Седневу была присвоена категория Матроса 2-й статьи.

Проходил службу в Гвардейском Экипаже на Императорской Яхте «Штандартъ», за годы которой дослужился до звания Боцманмата.

По всей видимости, ближе к окончанию срока службы И. Д. Седнев получил предложение продолжить таковую в качестве лакея взамен уволившегося по болезни Лакея 1 разряда Александра Сиповича.

Свою службу при Высочайшем Дворе И. Д. Седнев начал 14 апреля 1909 года в должности Лакея 3 разряда при окладе 460 рублей годовых и 240 рублей квартирных.

6 мая 1913 года И. Д. Седнев назначается Лакеем 2 разряда, а через год переведён «Лакеем 2 разряда при комнатах Их Императорских Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств».

Как и ранее, свои служебные обязанности он выполняет с должным рвением, в силу чего 23 апреля 1916 года получает серебряную медаль «За усердие» и назначается Лакеем 1 разряда.

В 1910 году Иван Седнев женится на Марии Алексеевой, в браке у них родилось трое детей.

Весьма любопытно то обстоятельство, что при рождении его дочери Ольги Государыня дала свое «Всемилоостивейшее соизволение на восприятие от Св. Купели Именем Ея Императорского Величества дочери Лакея 3-го разряда Ивана Седнева — Ольги, родившейся 5 июля 1912 года», о чём в Книге Восприемников Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны была сделана соответствующая запись.

При рождении же в семье Седневых третьего ребёнка — сына Дмитрия, его Крестовосприемницей стала Великая Княжна Ольга Николаевна, в чём его отцу также было выдано соответствующее Свидетельство за № 4977 от 10 апреля 1915 года, а мать новорождённого

получила в подарок «золотые дамские часы с Государственным Гербом» ценою в 60 рублей.

Находясь неотлучно при Царской Семье и сопровождая Её во всех поездках по России и за границу, И. Д. Седнев неоднократно поощрялся наградами не только Российской Империи, но и иностранных государств.

На второй год Первой мировой войны И. Д. Седнев подлежал призыву на флот как «Ратник Морского Ополчения Срока службы с 1904 года». Однако таковой был на время отсрочен.

А 7 июля 1916 года по приказу Адмирала И. К. Григоровича запасной Боцманмат И. Д. Седнев был командирован для службы Их Императорских Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств «... без выделения от казны денежного, пищевого и вещевого довольствия».

За свою долгую и беспорочную службу И. Д. Седнев награждён:

Кульмским знаком в память 200-летия Гвардейского Экипажа (8 мая 1910); Светло-бронзовой медалью «В память 100-летнего юбилея Отечественной войны 1912 года (15 августа 1912); Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых (21 февраля 1913); Серебряными часами с Государственным Гербом (к 300-летию Юбилею Российского Императорского Дома Романовых); Серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (23 апреля 1916); Сербской серебряной медалью без Короны (1 февраля 1913); Шведской серебряной медалью ордена «Вазы» (15 февраля 1911); Прусским знаком «Почётный крест» (15 марта 1914).

С началом Февральской Смуты И. Д. Седнев разделил участь Царской Семьи, подвергнувшись добровольному аресту в Александровском Дворце.

Вместе с Царской Семьёй и со своим племянником — поварским учеником Леонидом Седневым, проследовал в Тобольск, где в числе прочих слуг проживал в доме рыбопромышленника Корнилова.

Прибыв в апреле 1918 года и в Екатеринбург вместе с Царской Семьёй, И. Д. Седнев в числе прочих верных царских слуг был помещён под арест в ДОН.

В Ипатьевском доме бывший старшина гички выполнял не только свои функции лакея, но «по совместительству» и повара, готовя всякий раз для Государыни вермишель, так как Она питалась исключительно вегетарианской пищей. И, надо сказать, готовил он неплохо, что не раз было отмечено в дневнике экс-Императрицы:

8 мая: «... У Седнева сегодня превосходная вермишель и хлеб с маслом».

9 мая: «... Седнев приготовил мою вермишель».

Однако его пребывание в доме Ипатьева после приезда Августейших Детей было недолгим. И вот почему.

По мере поступления багаж Царской Семьи складывался в бывший каретный сарай, где он и подлежал досмотру комендантом и его помощниками, после чего, по настроению последних, выдавался арестованным. По большей части это был не досмотр личных вещей Царской Семьи (кстати, почти всегда производимый в отсутствие их владельцев), а откровенное воровство, осуществляемое как лично, так и при попустительстве коменданта ДОНА А. Д. Авдеева и его помощников.

Постепенно это начинает понимать и сам Государь, который уже через два дня напишет в дневнике: «В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Всё это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно!».

И точно! Позднее несколько сотен предметов будет изъято следствием из частных квартир и домов бывших охранников.

Однако людская алчность и жадность, как известно, безгранична... Обнаглев, авдеевское окружение уже не стеснялось воровать. 27 мая проверявший комнаты А. М. Мошкин решил присвоить золотую цепочку с крестиками и образками, висевшую над кроватью Наследника Цесаревича. Этому в резкой форме стали препятствовать бывшие моряки И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный. Завязалась потасовка. О произошедшем было доложено А. Д. Авдееву, который, во избежание лишних разговоров, решил донести о случившемся по инстанции. В результате, около 18 часов 30 минут того же дня И. Д. Седнева и К. Г. Нагорного под охраной доставили для допроса в Исполком Уральского Облсовета, а оттуда препроводили в тюрьму.

Из книги П. Жильяра:

«В то время, как я однажды, вместе с доктором Деревенко и мистером Гиббсом, проходил мимо дома Ипатьева, мы заметили двух стоявших там извозчиков, окружённых многочисленными красногвардейцами. Каково же было наше волнение, когда мы узнали на первом из них лакея Великих Княжон Седнева, сидевшего между двумя стражами. Нагорный подходил ко второму извозчику. Он сту-

пил на подножку, опираясь на крыло пролётки, и, подняв голову, заметил нас трёх, стоявших неподвижно в нескольких шагах от него. Он пристально посмотрел на нас в продолжение нескольких секунд и затем, не сделав ни малейшего движения, которое могло бы нас выдать, в свою очередь сел в пролётку. Пролётки отъехали, и мы видели, что они направлялись по дороге в тюрьму.

Эти два милых малых были, немного спустя, расстреляны: всё их преступление состояло в том, что они не могли скрыть своего возмущения, когда увидели, как большевики забирают себе золотую цепочку, на которой висели у кровати больного Алексея Николаевича его образки».

Будучи помещёнными в тюремную камеру, И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный уже на следующий день написали прошение нижеследующего содержания:

«Председателю уральского ~~Окружного~~ Обласнова совета
Госпд. Белобородову.

ПРОШЕНИЕ

Гос. Белобородовое покорнейше просим Вас расследовать Наше дело Служащих Ивана Дмитриич Седнева и Клементия Григорича Нагорнова слуги Николая Романова так как нас арестовали и находимся в Арестов Доме Мы незнаем за что хотя мы дали расписки вам Г-н Белобородовое и мы квам спросили можно ли нам уволиться со службы и вы нам объяснили что Влюбое время можно и поповоду этово обращаем с Покорнейшей прозбой Квам и просим Вас Г-н Белобородовое Выявить наше положение такчто мы Служить нежилаем и покорнейше просим вас Отправить нас на Родину в Ярославскую губерню такчто мы Крестьяне и жалаем обрабатывать свое грестьянство такчто я И. Д. Седнев человек семейной имею жену и троих детей малолетних и мать старая и сестра и вот по поводу этово Покорнейше прошу вас Г-н Белобородовое что мы совершенно отказываемся от службы Николая Романова Потписали Иван Дмитриич Седнев Климентий Григорьевич Нагорный 28 мая 1918 г».

Однако просьба их осталась без внимания...

В этот же день в Екатеринбурге были арестованы и препровождены в Тюрьму № 1 первые заложники: священнослужители (протоиерей Л. Игноратов и диакон Уфимцев), гласный Екатеринбургской городской Думы (П. Чистсердов), врачи В. Онуфриев и А. Линдер, адвокат К. Герц и, как было указано в извещении, «прочие» гражда-

не — Л. Дукельский, Конторович, Н. Беленьков, П. Первушин, Агафуров, А. Макаров и др. А меж тем среди этих «прочих» были известные и весьма уважаемые в городе люди: мукомолы и владельцы престижных магазинов.

Уже после того, как Екатеринбург был занят чешскими добровольцами и войсками Сибирской Армии (28 июля 1918 года), за ст. «Екатеринбург-II» в месте, где сваливали городской мусор (за дачами Агафурова), были обнаружены 19 полуразложившихся тел (среди них матросы И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный). Их опознали с большим трудом, но почти сразу же стало ясно, что это были заложники, расстрелянные по постановлению Исполкома Президиума Уральского Совета от 28 июня 1918 года за смерть Уральского Областного Комиссара И. М. Малышева (лишь одному из них — Н. П. Чистосердову удалось спастись бегством).

Похороны расстрелянных заложников проходили 31 июля. Во второй половине дня похоронная процессия вошла в город по Покровскому проспекту. Около Сибирской заставы к ней присоединились представители иностранных консульств и различных миссий. Под звон колоколов и звуки похоронного марша процессия двигалась по городу в сопровождении местного духовенства и хора певчих. Девятнадцать катафалков с гробами, украшенные цветами, остановились у кафедрального собора. Собравшаяся толпа была настолько велика, что Соборная площадь представляла собой море голов. Епископ Григорий совершил отпевание, после чего тела заложников были преданы земле на Монастырском и Ивановском кладбищах.

На каком именно из этих кладбищ уральская земля приняла бранные останки бывших царских слуг, на сегодняшний день неизвестно. Равно как и неизвестно, в какой из безымянных могил они обрели свой вечный покой и приют: братской или индивидуальной?

Но как бы там ни было, их верность и преданность Царской Семье доказана на протяжении всей их короткой жизни, а значит и память о них будет передаваться из рода в род.

Спустя 60 лет, прошедших с момента их гибели, на состоявшемся 1 ноября 1981 года Поместном Соборе РПЦЗ бывшие матросы И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный были причислены к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших под именами Святых Новомучеников Ивана Седнева и Клементия Нагорного.

«Последний дворец последнего царя»

15 июля 1919 года 21-я и 28-я стрелковые дивизии 2-й Армии Восточного фронта под командованием начдивов Г.И. Овчинникова и В.М. Азина вошли в Екатеринбург, оставленный войсками Верховного Правительства Адмирала А. В. Колчака. Покидая дом Ипатьева, располагавшиеся в нём работники штаба Сибирской Армии и представители Омского Правительства вывезли всю находящуюся в нём обстановку в Омск, а затем и на Дальний Восток. А вместе с ними покинул Екатеринбург и его бывший владелец Н.Н. Ипатьев.

Музей Уральский Революции

Сразу же после вступления в город красных войск в разорённом особняке обосновались штабы означенных дивизий, а затем, вплоть до 1921 года, и других базирующихся в городе соединений РККА. Но уже довольно скоро занимаемые штабами помещения превратились в общежития, куда вселились семьи тех самых штабистов, а также отдельные представители из числа лиц командно-политического состава расквартированных в городе частей.

Такое положение вещей сохранялось до февраля 1924 года, после чего все помещения бывшего дома Ипатьева были отданы под общежитие и библиотеку Урало-Сибирского Коммунистического Университета, учебные корпуса которого располагались в находившемся напротив дворце Расторгуевых-Харитоновых.

Журналистка Е. Полонская, побывавшая в нём в мае 1926 года, так описала быт студентов:

«За столом тесно, локоть к локтю, сидят, склонившись над книгами. У „чтецов” ситцевые рубашки или порыжевшие куртки и сосредоточенно внимательные лица. Это будущая интеллигенция рабоче-крестьянской страны. „Наша читальня, — объясняют студенты, — а раньше здесь столовая была Николая Второго”».

Панорама Екатеринбурга. Слева Ипатьевский дом. *Конец XIX в.*

А вот прибывшая почти в то же самое время на гастроли в Свердловск известная танцовщица Айседора Дункан, рассказывая о полученных ею впечатлениях, заявила, что в городе есть особняк с «жутким подвалом»...

В октябре 1926 года бывший дом Ипатьева посетила и французская рабочая делегация, о чём в одной из своих статей сообщала газета «Уральский Рабочий»: «... Посетили дом Ипатьева, осмотрев комнату, в которой были расстреляны Романовы, делегаты поднялись наверх, где осмотрели комнаты, в которых жили царь и его семья до казни».

Надо сказать, что с самого начала восстановления Советской власти на Урале в 1919 году факт уничтожения «Николая Кровавого» в столице Красного Урала не только не скрывался, а наоборот, широко пропагандировался местными властями, и расположенная перед домом площадь получила название «Площадь Народной Мести». На особняке до 1945 года висела мемориальная доска: «В этом доме 17 июля 1918 года по постановлению Уральского Областного Совета был казнён бывший царь Николай Романов».

Кстати сказать, известный скульптор С.Д. Меркулов (тот самый, который снимал с В.И. Ленина посмертную маску), будучи в начале 30-х годов во главе Московской комиссии по монументальному искусству, выдвинул идею создания на площади Народной Мести (напротив дома Ипатьева) огромной фигуры «вождя мирового пролетариата». Фигуры такой, чтобы её было видно из любой точки города! Пространство же вокруг этого идола представлялось его автору в виде площади, способной вместить одновременно до 100 000 человек. Во время праздничных дней колонны демонстрантов должны были шагать между ног Ленина. Церковь же Вознесения, в случае утверждения этого проекта, подлежала безусловному сносу.

Убийство Царской семьи стало с годами чуть ли не одним из главных событий «славной революционной летописи рабочего Урала». Вышедшие же в Екатеринбурге в 1921 году сборник «Рабочая революция на Урале» и в 1926 году (уже переименованном в Свердловск) книга П.М. Быкова «Последние дни Романовых» только подогрели интерес к этой трагедии,

Желая закрепить во всенародном сознании факт цареубийства, так сказать, «на века», а иже с ним и другие «славные революционные события и исторические традиции уральцев», в высших эшелонах власти Урала стали поговаривать о том, что было бы неплохо создать некую экспозицию на означенные темы, разместить которую следовало бы в бывшем доме инженера Ипатьева.

Ждать пришлось недолго. Уже 20 сентября 1927 года между Заведующим Жилищно-Арендным Подотделом Свердловского Городского Отдела Коммунального Хозяйства П.П. Мусликовым и Научным Секретарём Уральского Истпарта было подписано соглашение № 778 «О передаче „дома Ипатьева“ для организации Уральского Музея Революции». (Перед открытием Уральского Музея Революции (УМР) были произведены замеры здания и всех его внутренних помещений, экспликация которых до сих пор хранится в Музее истории архитектуры и промышленной техники Урала.)

Открытие культурно-просветительного учреждения было приурочено к 7 ноября 1927 года, то есть к 10-летней годовщине Октябрьского переворота. В связи с этим был изменён и внешний вид дома: обрамляющие фасад дома две декоративные башенки с полукруглыми вершинами были «украшены» красными пятиконечными звёздами с нанесёнными на них цифрами «1917» и «1927», а на самой крыше развевались красные флаги. К дымоходной же трубе прикрепили раскрашенную футуристическую композицию из фанеры: «Железный молот разбивает корону».

Как и было запланировано, первые посетители смогли посетить УМР 7 ноября 1927 года.

В связи с приближающейся 10-й годовщиной освобождения Урала от белогвардейцев, наряду с уже имеющимися тематическими экспозициями, научными сотрудниками музея было заложено в смету «устройство в угловой комнате нижнего этажа (соседней с комнатой расстрела Романовых) „мешка“ для политзаключённого „в годы разгула царской реакции“».

Признавалось и значение «той самой комнаты», в которую уже в 1-й половине 1929 года был восстановлен внутренний ход из верхне-

Инженер Н.Н. Ипатьев (1868–1938)

го этажа здания музея с целью «возродить историческую обстановку этого действия».

Для придания большего антуража из неоштукатуренных и не оклеенных обоями досок «восстановили» стену между «растрельной» комнатой и кладовой, в которой довольно грубо симитировали якобы удалённые из неё фрагменты с застрявшими пулями, извлечение которых было произведено белогвардейским следствием ещё в августе 1918 года. На фоне этой стены в октябре 1928 года были сфотографированы две «братские» делегации — «чехо-словацкая» и «франко-бельгийская», прибывшие в СССР для участия в работе VI Конгресса Коминтерна. Впоследствии эти фотоснимки были размножены в виде почтовых открыток.

Ежедневно (кроме понедельника и четверга) музей распахивал двери для посетителей с 12 часов дня до 18 часов вечера.

Цена входных билетов была различной. Так, члены профсоюза платили по 10 копеек, а «неорганизованный посетитель» — по 25. Посетители в составе экскурсий платили по 5 копеек, а учащиеся, инвалиды-пенсионеры, красноармейцы и милиционеры могли посещать музей и вовсе бесплатно.

Не менее стабильный доход учреждению приносило распространение печатной продукции: книг и открыток. Наибольшим спросом (в первую очередь, из-за дешевизны) пользовались открытки чёрно-белого изображения на «романовскую тему» и прочую военнореволюционную тематику, выпущенные за годы существования музея общим тиражом в 25 000 экземпляров. Например:

— «Передача Романовых Уралсовету» (репродукция картина худ. В.Н. Пчелина);

— «Бывший дом Ипатьева в момент заключения в нём Романовых»;

Открытка, запечатлевшая посещение «расстрельной комнаты» УМР представителями чехословацкой делегации

- «Дом, где в 1918 году казнены Романовы»;
- «Г. Свердловск. Последний дворец последнего царя»;
- «Красногвардейский отряд» (пояснительная надпись выполнена на обратной стороне открытки);
- «Чехо-словацкая делегация в помещении, где были казнены Романовы»;
- «Франко-бельгийская делегация в помещении, где были казнены Романовы»;
- «Стена, около которой расстреляны Романовы» и др.

Описав вкратце образование и деятельность Уральского Музея Революции (с января 1934 года — Уральского Областного Музея Революции) на начальном этапе своего существования, думается, что следует дать ещё некоторые пояснения в отношении экспозиции «той самой комнаты», ставшей музейным залом.

Политический зуд

Наступил 1927 год и бывший Председатель Президиума Уральского Областного Совета А.Г. Белобородов, занимавший к тому времени пост Народного Комиссара Внутренних Дел РСФСР, решил, что хорошо бы отметить первые десять лет «без ига самодержавия» чем-то особенным. Узнав о том, что в Свердловске открыт Уральский Музей Революции, он решил, что называется, увековечить собственную персону в «художественном отображении», для чего заказал у известного в то время «придворного мастера» — Заслуженного Художника Республики В.Н. Пчелина монументальное полотно. По задумке автора, картина должна была отобразить предтечу главного события в жизни А.Г. Белобородова и сотоварищи — уничтожение Царской Семьи — то есть приезд Августейших Узников в Екатеринбург. Начинания наркома поддержали и бывшие члены Президиу-

Подпись на обороте
картины «Передача
семьи Романовых на
ст. Шарташ 30.IV.1918».

Передача семьи Романовых
на ст. Шарташ 30-IV-1918
Первый список на право Дидковских
второй список Голощекин
в центре Белобородов
сзади Дидков рядом с Белобородовыми
Капитан Белобородов - Яковлев
Ф.И. Голощекин
221
2
744/26

ма Уральского Облсовета — Ф.И. Голощёкин (к тому времени — 1-й Секретарь Казахского Краевого Комитета ВКП(б)) и Б. В. Дидковский (Ректор Уральского Государственного Университета), которые также имели непосредственное отношение к этому событию. В ходе работы над картиной, по предложению автора получившей рабочее название «Передача Романовых Уралсовету», название закрепилось окончательно. Местом её постоянного нахождения предполагалась «та самая комната» в экспозиции УРМ, посвящённой пребыванию Романовых в Екатеринбурге.

Следует отметить, что во время работы над картиной В.Н. Пчелин постоянно советовался с главным заказчиком А.Г. Белобородовым, который консультировал его по поводу написания тех или иных деталей. Но даже при беглом взгляде на неё видно, что главным героем сюжета выступает «уральский Бонапарт» А.Г. Белобородов, хотя на деле вся ответственность за пребывание Романовых на Урале лежала, в первую очередь, на Секретаре Уральского Областного Комитета РКП(б) Ф.И. Голощёкине.

В том же 1927 году полотно размером 3,6 x 2,4 метра было готово. Однако прежде чем занять своё «законное место» в бывшем доме Ипатьева, картина представлялась на творческих выставках художника, проходивших в Москве и Баку. Но случилось так, что в октябре 1927 года Л.Д. Троцкий был исключён из партии, а за ним и его любимец А.Г. Белобородов также исключается из партии, лишается поста наркома и решением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ высылается на три года в Автономную Область Коми.

Понятно, что в такой ситуации картину уже нельзя было вывешивать на всеобщее обозрение... (Кстати сказать, всего несколькими годами позднее оказались репрессированными и ещё несколько изо-

бражённых на ней лиц — Ф.И. Голощёкин, Б.В. Дидковский и В.В. Яковлев (К. А. Мячин)).

Доставленная в свердловский музей Революции картина сразу же была снята с подрамника и до мая 1946 года так и пролежала в свёрнутом виде (позднее, в связи с закрытием музея, была передана в Государственный Мемориальный Музей Я.М. Свердлова (в настоящее время — Муниципальный музей истории Екатеринбурга. — Ю.Ж.), где она, нуждающаяся в реставрации, и находится по настоящее время).

Немногим более чем через месяц после того, как Уральский Музей Революции был открыт, один из убийц Царской Семьи П.З. Ермаков, желая «прославиться в веках», принёс в Истпарт Уральского Обкома ВКП(б) принадлежавший ему пистолет Маузера К-96 мод. 1912 года (зав. № 161474), из которого, с его слов, им лично были застрелены не менее трёх членов Царской Семьи: Государь, Государыня и Наследник.

И хотя на момент убийства Романовых и Их слуг Ермаков не был владельцем этого пистолета и не он первым выстрелил в Государя, желание войти в историю «на правах цареубийцы № 1» доминировало над всем прочим...

В соответствии с правилами (отбор будущих музейных предметов был поручен Уральскому Истпарту) при передаче в музей этого «исторического оружия» был составлен соответствующий акт:

«А К Т 10-го декабря 1927 года
мы нижеподписавшиеся научные сотрудники Истпарта Уральского Областного Комитета В. К. П. (б) — т. т. МУТНЫХ В. С., ШАТУНОВ И. М. и Уральского Областного «Музея Революции» — т. т. БАРАНОВ А. В. и ГЕНЗЕЛЬ В. А. приняли от участника расстрела — быв. Царя Николая II у тов. ЕРМАКОВА П. З. револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству тов. ЕРМАКОВА, — был расстрелян Николай II.

УЧАСТНИК РАССТРЕЛА НИКОЛАЯ II
(Ермаков) Научные сотрудники
«Музея революции» (Баранов) (Гензель)
Истпарта Уралобкома (Мутных
ВКП (б) Шатунов)»

На сегодняшний день остаётся только гадать о том, знал тогда или нет П.З. Ермаков о том, что всего несколькими месяцами ра-

Я.М. Юровский, Комендант Дома Особого
Назначения. *Конец 1920-х гг.*

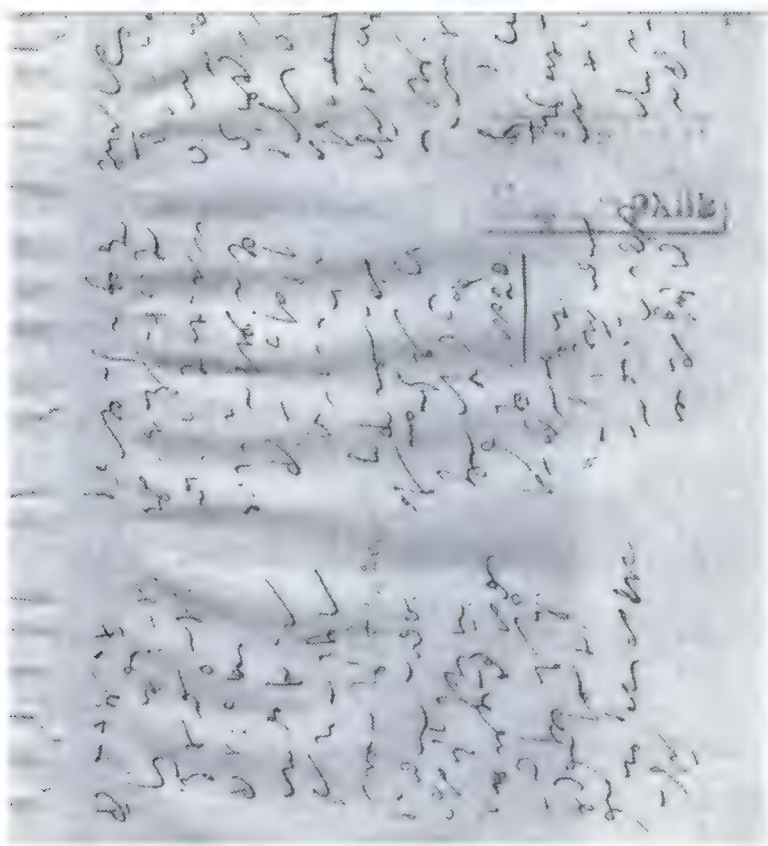

нее (13 марта 1927 года) ещё один убийца — бывший комендант Дома Особого Назначения Я.М. Юровский также передал в находящийся в Москве Музей Революции СССР своё «историческое оружие» — пистолеты Маузера и Кольта? И при передаче не ограничился одним актом приёма-передачи, а приложил к ним пояснительную записку, в которой сообщал, что: «...из кольта мною был наповал убит Николай, остальные патроны одной имеющейся заряженной обоймы кольта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая».

Но этого ему показалось мало. И для того, чтобы навсегда увековечить себя в качестве «главного цареубийцы», у Я.М. Юровского возникает идея о написании книги о расстреле Царской Семьи, выпуск которой должен был быть приурочен к десятилетней годовщине этого события. Основу же планируемого издания должны были составить свидетельства непосредственных участников событий, которые должны были прямо или косвенно подтвердить факт произведённого бывшим комендантом того самого «исторического выстрела».

Опубликование такой работы носило явный политический окрас, и Я.М. Юровский решает посоветоваться со своим старым приятелем Ф.И. Голощёкиным — главой Казахского Крайкома ВКП(б). Но и «товарищ Филипп» (одна из партийных кличек Ф.И. Голощёкина) не смог взять на себя смелость за выпуск данного издания, решив при случае посоветоваться по этому вопросу у самого товарища Сталина. Ибо к тому времени многие «прославленные герои» тех дней (А.Г. Белобородов, Г.И. Сафаров, Б.В. Дидковский, С.В. Мрачковский и пр.) оказались в числе троцкистов-оппозиционеров.

Встреча Ф.И. Голощёкина с И.В. Сталиным состоялась 28 марта 1928 года (о чём свидетельствует «Журнал записи посетителей»). На свой вопрос «товарищ Филипп» получил от вождя категоричный

Лист секретной стенограммы с записью выступления Я.М. Юровского. на «Совещании Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале». 1 февраля 1934 г.

ответ: «Ничего не печатать и вообще помалкивать!» После такого оборота событий все написанные для этой цели воспоминания, хранящиеся в Уральском Истпарте, были сведены в специальный фонд и засекречены на долгое время...

В ходе формирования фондов УОМР несколько расположенных в особняке комнат занял Уральский Областной Партийный Архив (Уральский Истпарт, или Истпарт Уральского Обкома ВКП(б)), работники которого занимались сбором документов по истории становления Советской власти на Урале. (Собственно говоря, эта коллекция и положила начало самому Уральскому Музею Революции.)

В 1929 году Истпарт Уральского Областного Комитета ВКП(б) был реорганизован в Отделение Уральского Областного Комитета ВКП(б), которое продолжало оставаться в этом здании, предоставляя УОМР на временное хранение некоторые архивные документы, соответствующие тематическим экспозициям.

По существующей традиции, в помещении Истпарта проводились всякого рода встречи и совещания, на которых выступали непосредственные участники событий, заявленные в соответствии с повесткой дня. Например, сохранилось приглашение П.З. Ермакова в «дом Ипатьева» для встречи со студентами и преподавателями существовавшей тогда в Свердловске Урало-Казахстанской Промакадемии, для которых он должен будет «провести (...) экскурсию в музей о расстреле Николая Романова».

В конце января 1934 года Я.М. Юровский выехал в Свердловск, чтобы собрать там документы, необходимые ему для оформления персональной пенсии. Вполне естественно, что поиск таковых он начал в Уральском Областном Партийном Архиве, который с 1928 года возглавлял С.С. Моисеев.

Вероятнее всего, их встреча состоялась именно в «Доме Ипатьева», в ходе которой С.С. Моисеев, почти что наверняка, предложил бывшему Коменданту ДОН осмотреть залы музея, в числе которых теперь была и та самая «историческая комната». Побывав в ней, Я.М. Юровский, наверное, оторопел, увидев на почётном месте пистолет Ермакова с надписью, что именно из этого пистолета им лично «были убиты бывший царь, царица и наследник»...

И, видимо, именно тогда (конечно же, «с целью восстановления исторической истины») у Юровского возникла мысль о выступлении перед членами Свердловского Филиала Всероссийского Общества Старых Большевиков, засекреченная стенограмма которого сейчас хорошо известна под наименованием «Совещание Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале».

Выступая на упомянутом совещании, Юровский в категоричной форме осудил деятельность некоторых сотрудников этого музея, рассказывающих о расстреле Царской Семьи не со стороны «политической необходимости», а с позиций «зверской кровожадности». Ибо посетители этого музея зачастую задавали экскурсоводу один и тот же вопрос: «Ну ладно царя и царицу... А детей-то за что?» Поэтому обличая такую «политическую близорукость», он говорил:

«Не менее вредны, кстати сказать, рассказы, которые до последнего времени давались в Музее Революции и которые лишь в конце 33-го года прекращены, как об этом рассказывал мне директор музея в настоящее время тов. Чевардин. Как об этом рассказывали в музее, мне говорили товарищи, приезжавшие сюда из Москвы, бывшие здесь, причём рассказывали не только для своих граждан, но и для иностранцев. Результатом такой работы было распространение скорее контрреволюции вместо революции».

Несмотря на активную работу, проводимую работниками Отделения Уральского Областного Комитета ВКП(б) и сотрудниками музея по сбору различного рода документации и музейных предметов по истории революционного движения и Гражданской войны на Урале, часть бывших подсобных помещений дома Ипатьева всё же оставались пустыми. Посему с согласия музея в главном флигеле этой усадьбы расположилась канцелярия Высшей Коммунистической Сельско-Хозяйственной Школы (ВКСХШ), а в прочих имевшихся на её территории строениях были расселены её преподаватели.

Такое положение вещей сохранялось вплоть до июня 1938 года. То есть до того времени, когда было принято окончательное решение о выселении ВКСХШ из отведённых под музей помещений, под коими

подразумевались и расположившиеся на его территории хозяйственные постройки. Правда, к тому времени и саму экспозицию УОМР пришлось временно закрыть, а в его залах развернуть экспозицию Антирелигиозного музея.

Но начавшуюся так счастливо историю Свердловского Областного Антирелигиозного Музея прекратила Великая Отечественная война. В сентябре 1941 года экспозиция Антирелигиозного музея была окончательно свёрнута. А Дом Ипатьева принял более 700 000 музейных предметов из коллекций Государственного Эрмитажа. Так, согласно соответствующим актам, сотрудниками УОМР было принято 1424 ящика, 29 брезентов и 1 стол. Большей частью доставленные в Свердловск раритеты представляли собой музейные предметы из коллекций античного и восточного искусства. А для того, чтобы их разместить, многие помещения Дома Ипатьева были перепланированы главным образом за счёт установки в них 17 временных перегородок.

Сокровища из собрания Государственного Эрмитажа пролежали в знаменитом особняке все четыре года войны, в течение которых охранявшие их сотрудники Эрмитажа продолжали вести научные разработки.

Часть полуподвальных помещений дома (в частности, и ту комнату, в которой была убита Царская Семья) занимала типография эвакуированной из Москвы Военно-Воздушной Академии им. Н. Е. Жуковского. Во время войны её основной продукцией были листовки, выпускаемые по заказу Главного Политического Управления Красной Армии.

Ещё одним «квартирантом» дома Ипатьева в военные годы стали коллекции Херсонесского музея. Их везли морем, сушей, через Поти, Тбилиси, Красноводск... После путешествия, продолжавшегося 105 дней, 24 ноября 1941 года экспонаты Херсонесского музея прибыли в уральскую столицу. И всё это время их сопровождал единственный человек — сотрудник музея С.Ф. Стржелецкий (раритеты вернутся в Херсонес в конце 1944 года).

3 октября 1945 года в 9 часов 45 минут утра к дому Ипатьева пришла первая машина, положившая начало реэвакуации коллекций Государственного Эрмитажа. В 10 часов 20 минут на неё был погружен первый ящик, а уже в 22 часа 6 октября сотрудники Эрмитажа рапортовали в Ленинград о полном освобождении зданий.

В 1946 году в доме Ипатьева разместили Архив Свердловского Областного Комитета ВКП(б). (Часть документов в коробках хранилась в той самой полуподвальной «расстрельной» комнате. Именно

по этой причине посетивший Свердловск в 1959 году Вице-Президент Соединённых Штатов Р. Никсон не смог попасть внутрь дома Ипатьева, чтобы осмотреть знаменитую комнату.)

В 1971 году партийный архив переехал в специально для него построенное здание и некоторое время дом Ипатьева стоял пустым — двери и окна заколотили. Но вскоре дом ожил: его попеременно занимали то Городская музыкальная школа, то Курсы повышения квалификации преподавателей начальных классов Управления образования Свердловской области, отделение «Союзпечать», Учебный центр Свердловского областного Управления культуры.

Весьма примечательно, что в это же самое время «историческая комната» нижнего этажа была переоборудована под зрительный зал и сцену, на которой студенты актёрского факультета Челябинского института культуры играли учебные спектакли.

В 1974 году бывший дом Ипатьева был поставлен на учёт как Историко-революционный памятник Всероссийского значения. (После этого по городу поползли упорные слухи о том, что в самое ближайшее время ЮНЕСКО включит этот дом в реестр памятников варварству, наряду с фашистскими лагерями смерти). Но это не спасло его от разрушения...

Убийство памяти

После убийства Царской Семьи и верных слуг дом Ипатьева почти на шесть десятилетий стал негласным «туристическим» объектом Екатеринбурга. К нему приходили горожане, многие гости города сразу же по прибытии интересовались: «Как побывать у дома, где убили царя?» Посещали это место и иностранцы...

В годовщины гибели Царской Семьи, начиная со времён «хрущёвской оттепели», у окна печально знаменитой полуподвальной

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ЦК КПСС
1-й сектор
28.ИЮЛ75 28709
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

С е к р е т н о

26 июля 1975 г.
№ 2004-А
гор. Москва

Ц К К П С С

О сносе особняка ИПАТЬЕВА в городе
Свердловске

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи РОМАНОВЫХ, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца ИПАТЬЕВА в г.Свердловске.

Дом ИПАТЬЕВА продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного Управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом ИПАТЬЕВА станет объектом их серьезного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

Снос Ипатьевского дома.
Сентябрь 1977 г.

комнаты стали появляться скромные букеты полевых цветов, а иногда и теплились поминальные свечи, количество которых зачастую равнялось количеству принявших смерть Романовых.

Все эти обстоятельства, конечно же, не могли не беспокоить центральные и местные власти, в особенности слух, что ЮНЕСКО включит дом Ипатьева в реестр исторических памятников. Посовещавшись, власти решили, что далее терпеть нельзя. Действовать решили проверенным способом: из-за угла и втихаря.

Из воспоминаний Б.Н. Ельцина:

«Нынче, в эпоху гласности, идёт много разговоров о доме Ипатьевых, в подвалах которого были расстреляны бывший царь и его семья. Возвращение к истокам нашей искорёженной, изодранной ложью и конъюнктурой истории — процесс естественный. Страна хочет знать правду о своём прошлом, в том числе и страшную правду. Трагедия семьи Романовых — это как раз та часть нашей истории, о которой было принято не распространяться.

Именно в те годы, когда я находился на посту первого секретаря обкома, дом Ипатьева был разрушен. Расскажу, как это произошло.

К дому, где расстреляли царя, люди ходили всегда, хоть и ничем особенным он сильно от соседних зданий не отличался, заселяли его какие-то мелкие конторки, но страшная трагедия, случившаяся здесь в 1918 году, заставляла людей подходить к этому месту, заглядывать в окна, молча стоять и смотреть на старый дом.

Как известно, расстреляли семью Романовых по решению Уральского Совета. Я сходил в областной архив, прочитал документы того времени. Ещё совсем недавно факты об этом преступлении практически никому не были известны, существовала фальсифицированная версия в духе «Краткого курса», поэтому легко представить, с какой жадностью я вчитывался в страницы, датированные 18-м годом. Только

1
О сносе особняка Ипатьева в гор.Сверд-
ловске.

ВОПРОС ПРЕДСТАВЛЕН т.Андроповым

ГОЛОСОВАЛИ:

и Т.т.Брежнев	- просмотрено Г.Кукашвили
Андропов	- за
Гречко	- за
и Гришин	- отлучен
и Громыко	- в Кемьсини
Кириленко	- за
Косыгин	- за
Кулаков	- за
Кунаев	- за
Мазуров	- болел
Пельше	- за
и Подгорный	- отлучен
Полянский	- за
и Суслов	- отлучен
Щербицкий	- за

Одобрено
и Кукашвили
4 ил. 75г

Подлинник

Экз.т.

184-36

30.УП.75г.

Проверено. С.С.Игудова
М.С.Охотникова
1 ил. 75г

в последнее время о последних днях семьи Романовых были опубликованы несколько подробных документальных очерков в нашей прессе, а тогда я оказался первым из немногих, кто прикоснулся к тайне жестокого расстрела царя и его семьи. Читать эти страницы было тяжело.

Близилась одна из дат, связанных с жизнью последнего русского царя. Как всегда, на Западе в газетах и журналах появились новые исследования, что-то из этих материалов передавали западные радиостанции на русском языке. Это подхлестнуло интерес к дому Ипатьевых, люди приезжали посмотреть на него даже из других городов. Я к этому относился совершенно спокойно — поскольку совершенно понятно было, что интерес этот вызван не монархическими чувствами, не жаждой воскресенья нового царя.

Здесь были совсем другие мотивы — и любопытство, и сострадание, и дань памяти, обыкновенные человеческие чувства.

Но по каким-то линиям и каналам информация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых дошла до Москвы. Не знаю, какие механизмы сработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее скоро получаю секретный пакет из Москвы.

Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен на себя брать ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией людей на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем место это заасфальтировали.

Ещё один печальный эпизод эпохи застоя. Я хорошо себе представлял, что рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство. Будет стыдно, но ничего исправить уже не удастся».

На сегодняшний день существует много версий по поводу того, кто всё-таки явился изначальным инициатором этого преступления по убийству памяти: Ю.В. Андропов, А.П. Кириленко или кто-то другой, подсказавший ЦК эту мысль. А может быть, и сам «главный идеолог страны» М.А. Суслов (чтобы не впутывать в это дело ЦК КПСС) попросту намекнул Ю.В. Андропову, чтобы тот выступил с инициативой от своего имени...

Однако факт остаётся фактом...

26 июля 1975 года за подписью Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС поступило письмо за № 2004-а «О сносе особняка

ИПАТЬЕВА в городе Свердловске. Через четыре дня на заседании ЦК КППС письмо Ю.В. Андропова было рассмотрено и большинством голосов утверждено как план к действию.

«Сам», то есть «дорогой Леонид Ильич», находился в то время в Хельсинки. Поэтому пришлось дожидаться его возвращения, и как только Л. И. Брежнев решение товарищей одобрил, в Особую папку ЦК КПСС, под грифом «совершенно секретно» и за подписью Секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко, лёг этот документ:

«1. Одобрить предложение Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР, изложенное в записке № 2004-А от 26 июля 1975 г.

2. Поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка Ипатьева в порядке плановой реконструкции города».

Но взять и просто так, ничего не объясняя, снести это историческое здание было не так-то просто. Дом Ипатьева, «как на грех», имел ещё и статус историко-революционного памятника, состоял на учёте во Всесоюзном обществе охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), а значит, охранялся государством. Да и принятое в ЦК КПСС решение было секретным.

Чтобы не вызывать лишнего шума, решили провести его в жизнь немного погодя, под благовидным предлогом — «плановой реконструкции города».

Согласно этим указаниям, появился на редкость бестолковый проект спрямления улицы К. Либкнехта в месте, проходившем мимо дома № 49/9. Однако как только не тянули дорожное полотно в его сторону, Ипатьевский дом всякий раз «убегал» от его края на 8 метров.

На некоторое время всё затихло. Казалось, что «гроза прошла мимо»...

Но в преддверии 60-летия „Великого Октября” вопрос о сносе дома Ипатьева вновь обострился. Но Председатель Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцев не торопился утверждать решение о снятии с учёта этого исторического здания. К тому же в этом начинании его поддерживал и 1-й Секретарь Свердловского Обкома КПСС Я.П. Рябов.

В газетах стали появляться публикации в защиту дома-памятника, общественность Свердловска начала сбор подписей. Поначалу это обращение подписали немногие, так как в то время какое-либо инакомыслие не допускалось в принципе. И, тем не менее, свои подписи поставили такие известные люди, как Главный редактор журнала «Урал» В.К. Очеретин, Заместитель председателя Президиума Совета Свердловского отделения ВООПИиК А. Верилов, директор Свердлов-

На месте бывшего Дома Особого Назначения, где окончила земной путь Царская Семья, 17 июля 1989 г. впервые состоялся молебен по невинно убиенным

ского Областного Краеведческого музея А.Д. Бальчугов, один из старейших городских архитекторов В. И. Смирнов, секретарь президиума Совета Свердловского городского отделения ВООПИиК П. Галкин, краевед Ю.М. Курочкин и др.

Однако и сторонники сноса не сидели сложа руки. Верные партийно-советским принципам, они продолжали «сигнализировать» наверх, то есть, попросту говоря, стучать! И достучались...

Постановлением Совета Министров РСФСР за № 1221-р от 3 августа 1977 года дом Ипатьева был снят с государственной охраны, после чего его дальнейшая участь фактически была предreshена.

В связи с намечающимся сломом, в июле 1977 года дом Ипатьева был обследован «секретной» комиссией во главе с известным уральским геологом профессором А.А. Малаховым, который впоследствии прославился тем, что долго и безуспешно пытался разыскать клад Емельяна Пугачёва, который тот, как будто бы, спрятал где-то на берегу реки Чусовой близ Екатеринбурга. Главной задачей «секретной» комиссии был поиск якобы спрятанных в особняке Ипатьева сокровищ Царской Семьи. А Малахов, владевший к тому же секретами лозоходства, тщетно искал несуществующие тайники, для чего все стены тщательно простукивались, а полы прощупывались специальными щупами. Но, как и следовало ожидать, после нескольких недель самой кропотливой работы найти ничего не удалось...

В конце августа 1977 года в Свердловске проходил партийный актив Свердловского Обкома и Горкома КПСС, на котором рассматривались вопросы, связанные с подготовкой проведения праздничных мероприятий, посвящённых 60-летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. На совещании присутствовал Секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарёв, ему пришла записка от архитектора В.И. Смирнова: «Намечается снос памятника респу-

Храм на Крови Во Имя Всех Святых
в земле Российской просиявших
вознёсся над местом гибели
Царской Семьи и Их верных слуг

бликанского значения — Ипатьевского дома. Прошу разъяснить, чем это вызвано».

Пока записка шла по рядам, с её содержанием многие сумели ознакомиться и с нетерпением ждали, что скажет представитель ЦК.

Через некоторое время Б.Н. Пономарёв спросил:

— Кто здесь Смирнов?

Поднявшись с места, архитектор указал на себя.

А Пономарёв, с трудом сдерживая себя, произнёс:

— Товарищ Смирнов, это здание не является памятником, мы его будем сносить.

Теперь всем всё стало окончательно ясно: дому — не жить.

Накануне «казни» дом Ипатьева, как и в 1918 году, обнесли забором. Потому что за ним вновь затевалось убийство. Только на этот раз — убийство памяти!

16 сентября 1977 года к дому подвезли технику — гусеничный экскаватор с «клин-бабой». Первый удар пришёлся по той части стены, где ранее была пристройка для швейцара. Затем начали сносить парадное крыльцо, расположенное со стороны ул. К. Либкнехта. Ломать стены дома было сложно, так как кладка была прочной и сделана на века.

Отдельные кирпичи и мелкие камушки разбирали на сувениры как случайные свидетели, так и сами строители. А на ночь вокруг дома (опять, как и в 1918 году) был выставлен караул из курсантов Свердловского военно-пожарного училища.

Начиная со следующего дня (когда улеглась витавшая в воздухе красноватая строительная пыль) на подъезжавшие к дому машины, стали грузить крупные куски кирпичной кладки и прочий строительный мусор, которые в спешном порядке стали вывозить на городские свалки, чтобы тянувшиеся к дому горожане «не имели возможности покуситься на этот строительный мусор».

«Убивали» дом три дня...

Когда всё было кончено, по месту, где стоял дом Ипатьева, прошёлся нож бульдозера, вминая в землю обломки того, что ещё недавно было частью красивейшей усадьбы. И лишь на месте бывшего сада, словно в почётном карауле, остались стоять последние свидетели — тополя, жить которым оставалось ещё ровно 25 лет...

Прозрение

Начиная с 1988 года на этом пустыре стали собираться люди. Поначалу — небольшие группы. Но в день скорбной памяти их количество неизмеримо возрастало.

16 июля 1989 года инициативная группа горожан во главе с журналистом Юрием Липатниковым при сильном противодействии милиции (разгон, арест, суд) провела на месте бывшего дома Ипатьева первую покаянную панихиду с портретами Венценосной Семьи и свечами, установив большой деревянный крест.

В эту же ночь его спилили по приказу властей.

Установили второй — история та же...

Поставили третий, уже металлический. На его охрану заступил доброволец-постовой Анатолий Гомзиков. Его сменила казачья застава.

А через год к пустырю потянулись паломники и целые делегации из разных городов. 13 октября 1990 года на месте этой Русской Голгофы архиепископом Мелхиседеком был отслужен первый покаянный молебен, совпавший с Покровской родительской неделей. Пройдёт ещё 12 лет и на месте убийства Царской Семьи и Их верных слуг вознесётся Храм на Крови Во Имя Всех Святых в земле Российской просиявших.

Станет ли этот храм Храмом покаяния?

Не знаю, но лично мне хотелось бы так думать. Ибо пока мы все до конца не поймём, какую великую утрату понесла Россия в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, а поняв — не покаемся, «Кровь Их будет на всех нас»!

Екатеринбург: Призрак Ипатьевского дома

Юрий Жук

Макет и вёрстка:

Мария Копытова, Надежда Преображенская

Ответственный редактор

Мария Семёнова

Подписано в печать 23.06.2010

Формат 60×90/32.

Бумага мелованная.

Гарнитура Georgia.

Печать офсетная.

Тираж 3000 экз.

Издательский дом «Достоинство»

117452, Москва, Внутренний проезд, д. 8, стр. 4.

По вопросам приобретения обращайтесь по телефону: (499) 788-71-80

и по e-mail: info@id-dostoinstvo.ru

www.id-dostoinstvo.ru

Отпечатано в типографии ЗАО «ДОССОМ»

Москва, Большая Марьинская, д. 9

9 785904 552060

Чита

НОВУ

а «Достоинство»

Романовы

408 страниц

400 уникальных иллюстраций

В 1918 году были убиты

18 членов Императорского дома Романовых.

Тайны следствия,

мифы и легенды, опутавшие эту трагедию,

неизвестные факты и документы,

уникальные фотографии,

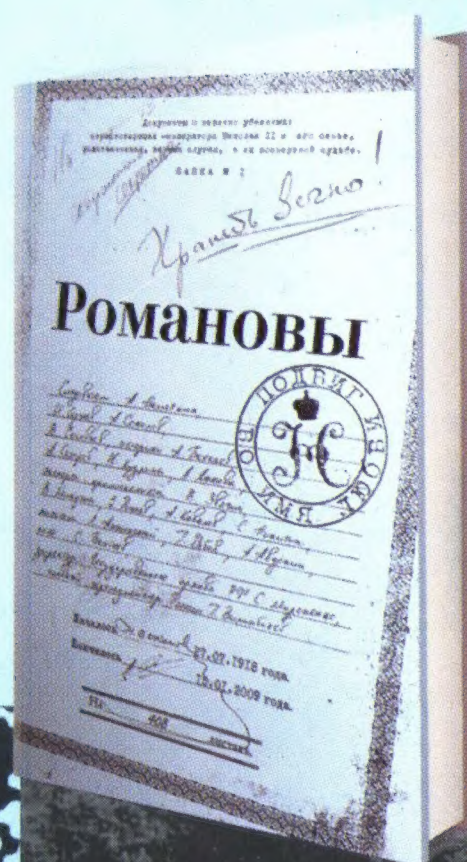
интервью с убийцами и судмедэкспертами,

очерки и портреты членов Дома Романовых —

всё это вы найдёте в новой книге.

Издание адресовано широкому кругу читателей,

интересующихся историей и судьбой России.

Приобрести книгу Вы можете

в книжных магазинах

и в ИД «Достоинство»

Москва, Внутренний проезд,

д. 8, стр. 4

Тел. (499) 788-71-80

Тел./факс (495) 310-93-22

info@id-dostoinstvo.ru

www.id-dostoinstvo.ru